

**ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

Непчатова Марина Ивановна

**ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ В ЭСТОНИИ В УСЛОВИЯХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АТЕИЗМА В 1944-1964 гг.**

Специальность 26.00.01 – «Теология»

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата теологии

Научный руководитель:
доктор исторических наук
А.А. Кострюков

Москва, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЭСТОНИИ В КОНЦЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1944-1948)	
1.1. Религиозная ситуация в Эстонии в начале 1940-х годов. Особенности эстонского православия.....	17
1.2. События 1944 – 1948 гг. и новые реалии церковной жизни.....	35
ГЛАВА 2. 1948-1953 ГОДЫ В ИСТОРИИ ЭСТОНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ: ПЕРИОД ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ	
2.1. Государственно-церковные отношения в Эстонии в первые годы возобновления гонений (1948-1950).....	73
2.2. Изменения в религиозной жизни Эстонии в 1949 г.....	86
2.3. Церковная жизнь Эстонии в период 1950-1951 годов.....	92
2.4. Нарастание негативных тенденций в отношениях власти и Церкви в 1951 – 1953 гг.....	115
ГЛАВА 3. ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЭСТОНИИ В 1954 - 1958 ГОДАХ: ОБЩЕСОЮЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭСТОНСКИЕ РЕАЛИИ	
3.1. Ситуация в отношениях Церкви и государства к 1954 году.....	152
3.2. Перемены в церковной жизни Эстонии.....	153
3.3. Усиление давления на Церковь со стороны властей, обострение ситуации вокруг Пюхтицкого монастыря.....	175
ГЛАВА 4. ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЭСТОНИИ В ГОДЫ ХРУЩЕВСКИХ ГОНЕНИЙ	
4.1. Первые годы хрущевской антицерковной кампании в Эстонии.....	196
4.2. Первые шаги епископа Таллинского и Эстонского Алексия (Ридигера).....	254
4.3. Новые реалии церковной и общественной жизни Эстонии.....	260
4.4. Итоги хрущевских гонений.....	272
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	276
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	286

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

История Русской Православной Церкви знает много сложных и трагических страниц. Одним из наиболее драматических периодов стал XX век. Беспрецедентные гонения продолжались на протяжении нескольких десятилетий. Периоды жесточайших репрессий сменялись относительным затишьем, затем притеснения продолжались. Закономерно, что эти события стали предметом научного интереса многих исследователей. Период 1940-1960-х годов вызывает неизменный научный интерес, поскольку является весьма насыщенным. События в отношениях государства и Церкви сменяли друг друга стремительно. За несколько лет ситуация претерпевала коренные изменения.

История эстонского православия отмечается целым рядом существенных особенностей. Лютеранское окружение, отдаленность от Москвы, и многие другие факторы сформировали специфическую религиозную ситуацию. Вступление Эстонии в состав СССР произошло уже по окончании Большого террора 1937 – 1938 годов, причем в скором времени Эстония оказалась занята немецкими войсками. Окончательно республика вошла в состав СССР лишь в конце Великой Отечественной войны. Это обстоятельство коренным образом отличает развитие взаимоотношений Церкви и власти в Эстонии от общесоюзной ситуации. Однако, репрессии в отношении Церкви, духовенства и верующих происходили и в этой республике. Вместе с тем, атеистическая политика в СССР не избежала колебаний, что обусловило череду различных событий в истории православия Эстонии, требующих подробного рассмотрения и анализа, четкой оценки. Изменение вектора отношений государства и Церкви в период 1940-1960-х годов было весьма радикальным, что дает богатую почву для исследователя данного периода. Периоды гонений довоенных лет по понятным причинам обошли Эстонию стороной. Однако сразу после включения Эстонии в состав СССР в 1940 году

начались репрессии в отношении части населения республики, а также в отношении представителей духовенства. Затем последовала германская оккупация. Вновь советская власть пришла в Эстонию в период временного ослабления гонений в СССР. В последующие годы религиозная ситуация в Эстонии в чем-то совпадала, в чем-то отличалась от общесоюзной. Представляется важным проанализировать отличия и сходства этих процессов с целью создания в будущем возможно полной картины бытия Церкви в условиях атеистического советского государства, включая западные регионы, вошедшие в состав СССР позднее.

Новизна исследования

Научного рассмотрения именно данного периода в истории православия в Эстонии в контексте общесоюзной ситуации не проводилось. Имеющиеся исследования, посвященные истории православия в Эстонии, не затрагивают способов и механизмов борьбы с Церковью со стороны государства в рассматриваемый период. В настоящей работе впервые история православия в Эстонии рассматривается в контексте этапов отношений власти и Церкви, впервые анализируются способы противодействия со стороны духовенства и правящих архиереев антицерковной политике государства, впервые осмысляются самые различные аспекты хрущевских гонений в отношении Церкви в Эстонии.

Цель и задачи исследования

Цель работы состоит в изучении характера и тенденций взаимоотношений союзных и республиканских властей с эстонской епархией в период с 1944 по 1964 годы. Исходя из поставленной цели, в работе необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- 1) Выявить тенденции и динамику отношений государства и Церкви в Эстонии в период 1944-1964 годов;
- 2) Изучить изменение вектора политики государства в отношении Русской Православной Церкви в Эстонии;
- 3) Проанализировать влияние общесоюзных тенденций на религиозную ситуацию в Эстонии;

4) Исследовать деятельность правящих эстонских архиереев и духовенства и их взаимодействие с властями в условиях антирелигиозной политики государства;

5) Рассмотреть методы антирелигиозной борьбы с Православной Церковью со стороны местных и союзных властей.

Объектом исследования является политика советского государства в отношении Церкви в период 1944-1964 годов.

Предмет исследования – деятельность государственных органов власти Эстонской ССР в отношении правящих архиереев, духовенства республики, православных приходов и верующих в контексте политики государственного атеизма в СССР в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования

В работе исследуется период с 1944 по 1964 годы. Нижняя граница обусловлена двумя факторами: началом внешнего изменения политики государства в отношении Русской Православной Церкви, а также событием окончательного вхождения Эстонии в состав СССР. Верхняя хронологическая граница обусловлена отставкой Н.С. Хрущева и последовавшим вслед за этим событием периодом изменения государственной политики в отношении Церкви в сторону прекращения гонений.

Степень научной разработанности проблемы

По понятным историческим причинам тема гонений в отношении Церкви со стороны советского государства стала предметом научного интереса в нашей стране лишь начиная с 1990-х годов. Общий характер отношений органов власти СССР и Русской Православной Церкви отражен в фундаментальных исследованиях: протоиерея Владислава Цыпина¹, работах Д.В. Поспеловского²,

---

¹Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды/ 2-е изд., перераб. - М., Изд. Сретенского монастыря, 2006.

²Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в 20 веке. М.: Республика, 1995.

М.В. Шкаровского³, М.И. Одинцова⁴, О.Ю. Васильевой⁵, И.А. Курляндского⁶, авторского коллектива «Истории Русской Церкви» под редакцией М.Б. Данилушкина⁷, С.Л. Фирсова⁸, М.И. Одинцова⁹

Послевоенный и хрущевский периоды церковно-государственных отношений нашли отражение в трудах протоиерея Алексея Марченко¹⁰, М.В. Шкаровского¹¹, Т.А. Чумаченко¹², И.И. Масловой.¹³

Число исследований по эстонскому православию крайне незначительно. Источниковая база, на которой основываются некоторые работы по данной тематике, базируется на Хронике Ливонии (*Chronicon Livoniae*), предположительно составленной Генрихом Латвийским в XIII в.¹⁴. Хроника, признанная одним из наиболее авторитетных источников, приписываемая католическому священнику-миссионеру, по мнению исследователей, не лишена конъюнктурных

³ Шкаровский М.В. *Нацистская Германия и Православная Церковь*. М., Издательство Крутицкого подворья, 2002. Его же: *Русская Церковь и Третий Рейх*. М., Вече. 2010.

⁴ Одинцов М.И. *Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом*. М., Центральный дом духовного наследия, 2002. Его же: *Русская Православная Церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917 – 1953 гг.* М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002.

⁵ Васильева О.Ю. *Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг.* М.: ИРИ РАН, 2001.

⁶ Курляндский И.А. *Сталин, власть, религия*. М.: Кучково Поле, 2011.

⁷ *История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней.* / под ред. М.Б. Данилушкина т.1. СПб.: Воскресение, 1997.

⁸ Фирсов С.Л. *Апостасия («Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь)*. СПб., Сатисъ-Держава, 2004.

⁹ Одинцов М.И. *Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945.)*, М., 2005.

¹⁰ Марченко А.Н., *прот.* *Религиозная политика советского государства в годы правления Н.С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР*. М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2010. Его же: *Личные дела высшего духовенства Русской Православной Церкви для изучения государственно-церковных отношений 1943-1985 гг.*// Отечественные архивы. М., 2007, №4. Его же. *Хрущевская церковная реформа и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам Уральского региона (1958-1964 гг.)*. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М.: 2008; Его же: *Хрущевская церковная реформа: очерки церковно-государственных отношений (1958-1964 гг.)*. Пермь, 2007 и др.

¹¹ Шкаровский М.В. *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве*. М.: Издательство Крутицкого подворья, 1999. Его же: *Русская православная церковь и Советское государство в 1943-1964 гг. от «перемирия» к новой войне*. СПб., М., ДЕАА, АДИА, 1995.

¹² Чумаченко Т.А. *Государство, Православная Церковь, верующие. 1941-1961 гг.* М.: АИРОХХ. 1999. Ее же: *Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958-1964)*// Государство и Церковь в XXвеке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. Отв. ред. А.И. Филимонова. – М., ЛИБРОКОМ, С. 2011. – С. 8-34., Ее же: *Совет по делам Русской православной Церкви при См СССР: 1943-1965 гг.*, М., 2011, (диссертация на соисканий ученой степени доктора исторических наук), Ее же: *Совет по делам Руской православной церкви при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы.* // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30 (211). История. Вып. 42. С. 74 – 85.

¹³ Маслова И.И. *Эволюция вероисповедальной политики советского государства и деятельности Русской Православной Церкви: (1953-1991гг.)*. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2005. – 545 с.

¹⁴ Генрих Латвийский. *Хроника Ливонии.* / Введение, перевод и комментарий С.А. Аннинского. М., 1938.

умозаключений, связанных с основной задачей автора: представить отчет об успешной деятельности архиепископа Альберта в процессе католической колонизации Прибалтики¹⁵. В тексте подчеркивается особая роль Римско-католической Церкви как носительницы общехристианской идеи. Тем не менее, данный документ, составленный участником и очевидцем событий, представляет безусловную ценность. Краткие очерки по истории эстонского православия выходили в XIX веке, трудами Михаила Харузина, молодого чиновника при генерал-губернаторе Эстляндии¹⁶. Отдельные его статьи о событиях в православной жизни Эстонии появлялись в периодическом издании «Рижские епархиальные ведомости». Однако эти заметки касались лишь некоторых событий церковной жизни. Несколько исследователей в дореволюционные годы публиковали труды, посвященные отдельным аспектам истории православия в Прибалтике, впрочем, данные труды не всегда свободны от политической конъюнктуры¹⁷. В этом ряду следует назвать имена архиепископа Николая Лейсмана, Ю. Трусмана, И. Чистовича.

Из современных работ следует отметить публикации эстонского священника Игоря Прекупа, на протяжении многих лет исследовавшего вопросы новейшей истории православия в крае. В соавторстве с протоиереем Николаем Балашовым им была опубликована книга «Проблемы Православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория (Папатомаса) «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране», посвященная актуальным проблемам сосуществования двух церковных юрисдикций на территории Эстонии: Московского Патриархата и Константинопольского¹⁸. В данном исследовании обстоятельно доказываются

¹⁵ Назарова Е. Л. Генрих Латвийский // Православная энциклопедия. М. 2005. Т. 10. С. 640-641.

¹⁶ Статьи автора в периодическом издании «Эстляндские Губернские Ведомости», а также отдельные брошюры М. Харузина: Пюхтица – святое место; бытовой очерк из Балтийской действительности, Ревель, 1888. Православие на островах Даго и Вормс, Ревель. 1888., Эстляндская святыня, Ревель, 1888. Михаил Харузин скончался от тифа в Эстляндии в 1888 году в возрасте 28 лет.

¹⁷ Лейсман Н.А., свящ. Судьба православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия. Рига, 1908. Трусман Г. Введение христианства в Лифляндии. СПб, 1884. Трусман Ю. К 900-летию Крещения Руси. Ревель, 1888. Чистович И. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856.

¹⁸ Балашов Н., прот, Прекуп И., прот. «Проблемы Православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатомаса «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». Таллин, 2013. Впервые опубликована в «Вестнике церковной истории» (№ 1/2 (21/22) 2011) С. 251-310.

оспариваемые греческим архимандритом факты, подтверждающие уникальную роль миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Эстонии на протяжении многих веков, результатом которой явилось становление православия в крае. Лишь на недолгий период в годы лихолетий начала XX века Православная Церковь в Эстонии оказалась под омофором Константинопольского Патриархата, что, как доказывают авторы, не может являться оправданием для постоянного пребывания константинопольской юрисдикции в Эстонии в качестве канонически достоверной. В исследовании показан тот путь, который прошло эстонское православие в лоне Русской Православной Церкви, уделяется особое внимание судьбам эстонского духовенства, приходам, построенным в Эстляндии трудами царского правительства России. Подробно изложены события 1990-х годов, приведшие к трагическому разделению православных в Эстонии, опубликованы соответствующие документы.

Важнейшие этапы истории православия в балтийском регионе с петровских времен и до конца 1930-х годов рассмотрены в монографии «Православие в Прибалтике» петербургского ученого В. И. Мусаева. Особый интерес представляет рассмотренный автором сложный этап церковной жизни республик периода образования национальных государств на территории Балтии. Анализируются трагические послереволюционные события в истории Русской Церкви, их взаимосвязь с реалиями церковной жизни Прибалтики. Рассматривается влияние событий Первой мировой войны, 1920-х годов на религиозную жизнь, различное видение представителями духовенства трех республик перспективы взаимоотношений с Московским Патриархатом в тот самый сложный период, судьбы видных представителей прибалтийского духовенства¹⁹.

Относительно недавно свет увидела монография петербургского исследователя И.В. Петрова, в которой автор анализирует ситуацию сразу в трех прибалтийских республиках в период 1939-1953 годов, сравнивая и сопоставляя тенденции и происходившие там события. Исследование основано прежде всего на

---

¹⁹ Мусаев В. И. Православие в Прибалтике. СПб., Издательство политехнического института, 2016.

материалах государственных архивов стран Балтии²⁰. Автор рассматривает религиозную ситуацию в прибалтийских республиках, которые при кажущейся схожести исторических путей развития, в различных аспектах религиозной жизни заметно отличались друг от друга.

Единственной научной работой, посвященной всем основным этапам истории эстонского православия и основанной на уникальных архивных материалах, остается фундаментальная монография Святейшего Патриарха Алексия II²¹. Благодаря этому обширному труду мы имеем полную картину зарождения и становления православия в эстонских землях со времен раннего средневековья и до начала XXI века. Данный труд основан на обширной архивной и историографической базах. В монографии впервые опубликованы ранее неизвестные архивные документы и дана оценка и изложение событий, непосредственным участником которых стал сам автор. Воспоминания покойного Предстоятеля о представителях эстонского духовенства периода 1940-х-1960-х годов, их жизни и служении, носят поистине уникальный характер. Знакомство с этим исследованием и обусловило выбор данной темы автором настоящей работы. Поскольку Святейший Патриарх не ставил перед собой задачу подробно рассматривать именно период 1944-1964-х годов, настоящая диссертационная работа вносит скромный вклад в изучение данного хронологического отрезка.

Таким образом, историография по рассматриваемому вопросу весьма немногочисленна, и непосредственно рассматриваемому хронологическому периоду ни одно исследование специально не посвящалось.

Источниковая база

Исследование базируется прежде всего на архивных источниках. В основу легли многочисленные материалы Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ). При написании настоящей работы были проанализированы более четырех тысяч архивных документов.

---

²⁰ *Петров И.В.* Православная Балтия 1939 – 1953 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб.: Бумажные книги, 2016.

²¹ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. М.: Православная энциклопедия, 1999.

Обширный массив уникальных материалов содержится в фонде 6991 («Совет по делам Русской Православной Церкви») ГА РФ, описи 1, 2 и 7. Поскольку с момента вхождения Эстонии в СССР вся документация по данному вопросу велась прежде всего на русском языке, именно ГА РФ содержит наиболее полный корпус документов данного времени, относящихся к теме настоящего исследования. В основе лежит переписка уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (далее - Совет) с сотрудниками и председателем Совета, переписка уполномоченных с представителями местных партийных и советских органов Эстонии, заявления и обращения представителей духовенства республики в адрес уполномоченного, материалы кустовых совещаний уполномоченных Совета, инструкционные письма Совета, материалы конференций и заседаний Совета, которые позволяют судить о тонкостях проводимой в отношении Церкви политики и принятых решениях со стороны этого главного органа власти, ответственного за религиозную политику в СССР. Проанализированы также материалы описи 7 фонда 6991, где содержатся личные дела представителей духовенства.

Использованы материалы других архивов. В Российском Государственном Архиве Новейшей истории (РГАНИ) просмотрен массив документов Отдела пропаганды и агитации по союзным республикам ЦК КПСС (Фонд 5). Данные материалы позволили проанализировать принятие решений и конкретные направления деятельности ответственного за антирелигиозную пропаганду органа власти, его взаимодействие с Советом по делам РПЦ. Был проведен анализ постановлений (Фонд 3, Фонд 11) по различным аспектам церковной жизни.

В Российском Государственном Архиве социально-политической истории (РГАСПИ) проанализированы многочисленные документы из Фонда 17: распоряжения Совета Министров по церковным вопросам, взаимодействие с Советом, планы идеологической работы и ход антирелигиозной пропаганды. Были обнаружены документы, в которых рассматриваются отдельные аспекты религиозной ситуации в Эстонской ССР, что имеет важное значение для понимания положения Церкви в условиях государственного атеизма в рассматриваемый период.

В работе использованы также опубликованные документы и свидетельства из монографии непосредственного участника событий рассматриваемого периода – Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Исключительно ценные наблюдения и рассуждения об особенностях эстонского православия, о проблемах епархии, о жизни эстонского духовенства содержатся в книге воспоминаний «О моем пути» митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия (Якобса)²², очевидца событий рассматриваемого периода. Повествуя о своем жизненном пути, владыка подробно описал православную жизнь Эстонии, начиная с 1920-х годов и до начала XXI века. Довоенная приходская жизнь, фашистская оккупация, сталинские лагеря, узником которых стал будущий митрополит, послевоенные годы, подозрения и преследования со стороны властей в отношении духовенства, закрытие приходов, национальные противоречия, судьбоносный разговор со Святейшим Патриархом Алексием II, архиерейство – все это подробно описывается в книге, и имеет исключительную важность для настоящего исследования, поскольку достоверных свидетельств очевидцев событий сохранилось весьма мало.

Официальная хроника церковной жизни отражалась в «Журнале Московской Патриархии», материалы которого также использовались в работе.

Автором проанализированы также материалы наиболее массовой в тот период эстонской газеты «Советская Эстония», органа ЦК компартии Эстонии, за весь рассматриваемый исторический промежуток. Обнаруженные там и проанализированные публикации позволяют судить о том, как и в какой период освещались в СМИ вопросы антирелигиозной агитации, гражданской обрядности, идеологического воспитания молодежи.

Были проанализированы релевантные публикации в периодических изданиях Эстонской епархии, прежде всего в ежемесячной газете «Мир Православия»²³, прежде всего, воспоминания и свидетельства очевидцев событий, другие источники по истории православия в Эстонии.

---

²² *Корнилий, митр.* О моем пути. Таллин, 2009.

²³ Электронный ресурс: [www. baltwillinfo.com](http://www.baltwillinfo.com).

Весьма важными для настоящей работы стали сведения, полученные автором непосредственно от члена Синода Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата С.Г. Мянника, потомка эстонского епископа Иоанна (Алексеева). Сергей Мянник на протяжении многих лет являвшийся помощником ныне покойного митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия, тщательно собирал воспоминания иерарха, является автором многочисленных статей и памятного альбома, посвященного Патриарху Алексию II²⁴. Полученные от С.Г. Мянника сведения позволили уточнить контекст рассматриваемых в исследовании событий.

Методология и методы исследования

В исследовании применены как общенаучные, так и специальные исторические методы. Работа основана на базовых принципах историзма и научной объективности. Принципом научной объективности продиктовано стремление автора оставаться на позициях беспристрастности, рассматривать как позитивные, так и негативные стороны исторической действительности максимально непредвзято.

В соответствии с принципом историзма, положение Церкви в Эстонии рассматривается во временной динамике в контексте соответствующих исторических процессов, с учетом сформировавшегося к сегодняшнему моменту корпуса научных знаний по данному вопросу. Конкретно-исторический метод позволил описать факты, явления церковной и общественной жизни Эстонии, а также события в государственно-церковных отношениях. Историко-генетический метод дает возможность проследить становление и развитие православия в Эстонии в контексте взаимодействия властей и Церкви на длительном временном промежутке. Хронологический метод обусловил анализ исторического материала в определенных временных рамках – с момента освобождения Эстонии от немецкой оккупации и до окончания периода хрущевских гонений на Церковь.

---

²⁴ Моя малая Родина. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и Эстония. Автор идеи, текста и составитель Сергей Мянник. Таллин: Издательский отдел Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. 2018.

Сравнительный метод позволил сопоставить положение Церкви в Эстонии с общесоюзной ситуацией, выявить сходства и различия. В ходе исследования применялся также статистический метод, позволивший выявить основные параметры важнейших событий церковной жизни: закрытия приходов в Эстонии, кадровую ситуацию в епархии, убыль духовенства и изменения в составе монашествующих Пюхтицкого монастыря. Применение системного метода позволило с одной стороны рассмотреть методы антицерковной политики властей как целостную систему комплексных мер и с другой стороны проанализировать деятельность епархиальных архиереев и духовенства, направленных на сохранение церковной жизни и минимизацию негативных последствий антирелигиозной политики.

Положения, выносимые на защиту

1. Положение Церкви в Эстонии на момент окончания Великой Отечественной войны принципиально отличалось от ситуации в центральных и восточных республиках СССР, где к середине 1940-х гг. Церковь подвергалась гонениям уже на протяжении двух десятилетий. В Эстонии же в аналогичный период имела место свобода религиозной жизни.
2. Несмотря на репрессивные меры, которыми сопровождалось установление советской власти в республике, государственно-церковные отношения в 1944-1948 гг. не имели негативного характера по двум причинам: ввиду временной приостановки гонений государства в отношении Церкви в СССР, а также по причине лояльной позиции Совета по делам РПЦ в отношении эстонской епархии. Принимая во внимание предложения уполномоченного по Эстонии – учитывать особенности местной религиозной жизни и факт недавнего вхождения Республики в состав СССР, Совет занимал выжидательную позицию.
3. В 1948-1949 гг. вместе с изменением вектора государственно-церковных отношений уполномоченный по указанию Совета начинает проводить более жесткую линию в отношении правящего архиерея и церковной жизни в целом. Однако к существенному ухудшению положения Церкви в Эстонии это не привело. Негативные тенденции компенсировались заметным увеличением

числа верующих: союзные власти направили в республику для поднятия эстонской промышленности тысячи специалистов из разных регионов СССР, разворачивались военные гарнизоны. Тысячи новых русскоязычных прихожан сыграли существенную роль в церковной жизни республики. Это влияние сказывалось на протяжении нескольких лет.

4. Развернутая в 1948 г. коллективизация сельского хозяйства республики нанесла большой ущерб различным сферам жизни села. Власти возлагали большие надежды на коллективизацию также в контексте антирелигиозных мероприятий. Однако расчет властей на массовый переход эстонского сельского духовенства на «гражданскую» работу (в связи с коллективизацией) не оправдался.
5. Одной из характерных особенностей церковной жизни Эстонии являлось весьма значительное число приходов. Начиная с 1948-1949 гг. власти ставили перед собой задачу добиться уменьшения их количества. Однако, сокращение числа приходов в рассматриваемый период было обусловлено не волевым решением властей, но в подавляющем большинстве случаев экономическими причинами (прежде всего ввиду многолетнего отсутствия экономической поддержки из Москвы), естественной убылью населения, сокращением сельского населения по причине коллективизации.
6. Несмотря на активную антицерковную политику в СССР в период 1955-1960 годов, в республике сложилась уникальная ситуация. Церковная жизнь в Эстонии не ослабевала, напротив, религиозная активность продолжала расти по основным показателям.
7. В отличие от общесоюзной ситуации, местное духовенство не имело многолетнего опыта взаимодействия с государственным аппаратом, до конца не понимало сути государственной политики в отношении Церкви и истинных задач, стоявших перед уполномоченными Совета и иными партийными чиновниками, что создавало риски для церковной жизни Эстонии и судеб духовенства. Поддержка и помощь такого опытного иерарха, как митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) в непростой период

государственно-церковных отношений сыграли важную роль для церковной жизни республики.

8. Наиболее тяжелыми для епархиальной жизни в рассматриваемый период стали 1961-1964 гг. Если в 1950-е годы, несмотря на антицерковную политику, проводимую властями, основные показатели церковной активности в Эстонии неизменно росли, то именно к 1961 году весь комплекс мер экономического, идеологического и политического характера, примененный в отношении Церкви, стал проявляться в объективных статистических показателях. Минимизацией негативных последствий этой ситуации предстояло заняться поставленному на эстонскую кафедру будущему Патриарху, тогда – епископу Алексию (Ридигеру), активные и продуманные действия которого позволили сохранить от закрытия Пюхтицкий монастырь, кафедральный Александро-Невский собор в Таллине и ряд приходов.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в применении обширной источниковой базы, значимости выявленных фактов и сделанных выводов. Результаты работы могут лечь в основу новых трудов по данному вопросу, а также стать составной частью будущих более всеобъемлющих исследований антицерковных гонений на территории всего СССР. Материалы настоящей работы могут лечь в основу новых учебных пособий по истории России, истории Эстонии, истории Русской Православной Церкви, стать основой для творческих работ учащихся школ и гимназий. Данная тема выходит за рамки проблематики бытия Церкви в условиях государственного атеизма. Она затрагивает многие аспекты истории отношений нашей страны с соседями – прибалтийскими государствами. С учетом того, сколь непросто складывается это взаимодействие, каждое новое исследование, посвященное страницам истории взаимоотношений двух стран, вносит необходимый научный материал для осмысления учеными, политологами, общественными деятелями и может успешно применяться ими.

В работе введен в научный оборот комплекс уникальных научных источников, материалы описей документов ГА РФ, ранее не использовавшиеся другими исследователями.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Диссертационное исследование обсуждено и рекомендовано к защите на заседании кафедры Общей и Русской Церковной Истории и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Результаты работы были отражены в печатных трудах исследователя²⁵. Материалы и научные выводы были неоднократно использованы в выступлениях на международных конференциях, а также перед различными аудиториями слушателей²⁶.

Материалы исследования нашли применение в педагогической деятельности автора в различных образовательных учреждениях.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

---

²⁵*Непчатова М.И.* Церковно-государственные отношения в Эстонии в 1944 – 1953 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». 2014. № 5(60). С. 18-33.

Непчатова М.И. К истории Пюхтицкого Успенского женского монастыря в 1944 – 1962 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». 2016. № 2 (69). С. 66-79.

Непчатова М.И. К истории церковно-государственных отношений в Эстонии в 1948 – 1953 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2018. № 81. С. 81-90.

Непчатова М.И. Архипастырь Эстонской земли. Жизнь и служение Патриарха Алексия II. // Журнал Московской Патриархии. 2019. № 12. С. 46-55.

²⁶*Непчатова М.И.* Пюхтицкий Успенский женский монастырь в материалах Государственного Архива РФ (ГАРФ) // Материалы международной научно-практической конференции 11-13 декабря 2015 г. «Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность». Куремяэ, Эстония, 2015, С. 217-222.

Непчатова М.И. Эстонские преосвященные: жизненный путь и служение (1944-1960) // Материалы международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2016 г. «Православная культура и практика воспитания личности: традиции и современный опыт». Куремяэ, Эстония, 2016, С. 290-295.

Непчатова М.И. Судьбы представителей эстонского духовенства в годы антицерковных гонений как пример духовного и нравственного подвига. // Материалы международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2018 г. «Духовно-нравственное воспитание человека: традиции и современность». Куремяэ, Эстония, 2018. С. 304-309.

Непчатова М.И. Судьбы представителей духовенства в переломную эпоху: аксиологический аспект. // Материалы международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2020 г. «Аксиологический подход к совершенствованию личности на основе взаимодополняемости православной и светской культуры». Куремяэ, Эстония, 2020. С. 239-244.

ГЛАВА 1. ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЭСТОНИИ В КОНЦЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1944-1948)

1.1. Религиозная ситуация в Эстонии в начале 1940-х годов. Особенности эстонского православия

Рассматриваемый период государственно-церковных отношений в Эстонии берет начало с момента вхождения республики в состав СССР. Этот процесс можно разделить на два этапа. Первый - 1940 год, когда Эстония вместе с Латвией и Литвой была включена в состав СССР, а на территориях республик - установлена советская власть. События сопровождалась депортациями и репрессиями в отношении части местного населения. Начавшаяся война и оккупация Прибалтики гитлеровскими войсками остановили эти процессы.

Осенью 1944 года подразделения советской армии вошли на территорию Эстонии, после ожесточенных боев вытеснили оттуда гитлеровские войска, и в республике была вновь установлена советская власть, возобновлена работа союзных государственных органов. Таким образом в 1944 возобновился процесс активного инкорпорирования Эстонии в СССР. Наступил второй этап советской власти в Эстонии, продолжавшийся до 1991 года.

Упомянутые политические события, безусловно, не могли не сказаться на религиозной жизни Эстонии. Для всестороннего анализа этих изменений кратко охарактеризуем предшествующий исторический период. Одновременно рассмотрим также специфические черты эстонского православия, оказавшие определенное влияние на характер церковно-государственных отношений.

Издrevле, на этих территориях обитали угро-финские племена эстов и ливов. В русских летописях они назывались «чудью», позднее – «чухонцами». Восточными соседями их были славянские племена кривичей, а за Нарвой и Чудским озером обитало славянское население²⁷.

Таким образом, взаимопроникновение культур этих племен, впоследствии народностей, было предопределено географией их исконного расселения. В те времена эсты и ливы, обитавшие на территориях, впоследствии названных по-русски «Эстляндия» и «Лифляндия», исповедовали язычество.

Уже в VI-VIII веках существовало городище Тарбату (впоследствии – Дерпт или Тарту), которому предстояло сыграть важную роль в истории эстонского православия. В XI веке дружины великого князя Ярослава Мудрого вступили на землю эстов, и на месте городища был основан (по другим сведениям – покорен) город Тарбату (Тарту), названный князем Юрьев, поскольку именно это имя было дано Ярославу при крещении. Первое летописное упоминание о городе встречается в «Повести временных лет». В летописи читаем: «В год 6538 (1030). Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава четвертый сын, и назвал его Всеволодом. В тот же лето ходил Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев. В то же время умер Болеслав Великий в Польше»²⁸. 1030 год считается датой основания города именно по причине упоминания об этом событии в данном историческом источнике. Таковы первые свидетельства присутствия русских в этой части Прибалтики. Тогда же на эстонских землях были основаны первые православные храмы. Исследователи отмечают, что несмотря на активное обращение эстов миссионерами в католичество, местные крестьяне посещали и русские храмы по причинам как давнего соседства с русскими, так и того, что русские священники, жившие неподалеку, часто владели языком местного населения²⁹. Археологические раскопки подтверждают факт существования юридически самостоятельного

---

²⁷ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С.11-12.

²⁸ *Повесть временных лет.* М.: Институт русской цивилизации. 2014. С. 163.

²⁹ Трусман Ю. К 900-летию Крещения Руси. Начало и распространение в древности православия между финскими племенами. Ревель, 1899. С. 19-21.

поселения «Русский конец», расположенного в тех местах. Этот русский пригород Юрьева упоминается уже в источниках XV века.

Летопись об основании Псково-Печерского монастыря содержит сведения о двух православных церквях в Юрьеве – св. Георгия Победоносца (небесного покровителя Ярослава Мудрого) и святителя Николая. Последняя, согласно источникам, существовала вплоть до XVII века.

На протяжении столетий факт основания Юрьева русским князем Ярославом постоянно использовался как аргумент в дипломатической переписке.³⁰

С приходом крестоносцев положение православных стало крайне тяжелым. Так, согласно имеющимся данным, в результате их нападения в 1224 году на Юрьев, храм святого Георгия был разрушен³¹.

На протяжении столетий православные в этих землях терпели периодические притеснения от католиков, происходили насильственные перекрещивания.

В 1472 году тартуский священник, святой Исидор Юрьевский, за отказ принять католическую веру был замучен вместе с 72 прихожанами. Немецкие завоеватели утопили их в реке, в той самой «иордани», где немногим ранее святой освящал воду на Богоявление³². После этого трагического события уцелевшие православные по некоторым данным ездили молиться «за Ливонский рубеж», в Псковскую область³³. Бежавший от гонений из Дерпта (Юрьева) православный священник Иоанн Шестник (в монашестве – Иона), поселившись в долине на рубеже Ливонии и Псковской области, впоследствии основал Псково-Печерский монастырь³⁴.

В XVI веке в городе Тарту была учреждена православная епископская кафедра.

В середине XVI века из Пруссии в Прибалтийские края проникла Реформация, что создало предпосылки для последующего распространения

---

³⁰ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 23

³¹ Там же. С. 26.

³² Там же. С. 80.

³³ *Трусман Ю.* К 900-летию Крещения Руси. Начало и распространение в древности православия между финскими племенами. Ревель, 1888. С. 22.

³⁴ *Алексий II, Патр.* Указ. соч. С. 80-81.

лютеранства в крае в XVII веке. Из Риги, наиболее развитого города на Балтике, новое учение пришло в Ревель. Оно возбуждало в крестьянах надежду на лучшие времена, однако нововведения обернулись беспорядками, иконоборческим варварством и репрессиями в отношении католического духовенства. Притеснения коснулись и православных³⁵. Так, в Ревеле, толпа вооруженных религиозных фанатиков выбила двери, окна и разграбила православный храм во имя святителя Николая³⁶.

Успехи русских войск во главе с Иваном Грозным в Ливонской войне предопределили дальнейший ход событий. Русская политика базировалась на соблюдении интересов местного населения, притесняемого немцами³⁷. Были построены новые храмы, усиливалось влияние Псково-Печерского монастыря, его игумен Корнилий крестил представителей местного населения и основывал храмы³⁸.

Таким образом, археологические и исторические источники показывают, что православие существует в этих районах Прибалтики с раннего Средневековья, однако его соседство с католичеством, позднее – с лютеранством, было сопряжено с притеснениями, а порой и с гонениями. Принципиальных изменений ситуация не претерпела и в дальнейшем.

Северная война сыграла важнейшую роль в истории эстонского православия. С осени 1710 года на два столетия на Прибалтийских землях установился мир, связанный с вхождением этих территорий в состав Российской Империи. Для православных это означало прекращение многовековых притеснений. Казалось, наступил наиболее спокойный период для православия в Эстонии.

Однако, согласно Ништадтскому мирному договору 1721 года, были сохранены обширные привилегии немецкого и эстляндского дворянства³⁹, что

³⁵ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 86-87, 90.

³⁶ *Чистович И.* История православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб, 1856. С. 142.

³⁷ *Алексий II, Патр.* С. 94-95.

³⁸ *Алексий II, Патр.* Там же. С. 95. См. также: *Прекуп И., прот.* Краткий обзор истории православия в Эстонии (от начала его распространения до преодоления раскола в 1945 году) // «Четвертые Пюхтицкие чтения. «Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность». Материалы международной научно-практической конференции. 11-13 декабря 2015 года. Куремяэ, Эстония. 2015. С.14.

³⁹ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 122.

обусловило не просто превалирующее значение лютеранства в крае, но и дальнейшие притеснения в отношении православных эстонцев.

14 сентября 1836 года Указом Святейшего Синода было открыто Рижское викариатство Псковской епархии. В Ригу был назначен епископ Иринарх (Попов). Основной задачей архиерея было утверждение единоверия среди старообрядцев, скрывавшихся в Прибалтике от гонений. До конца 1830-х годов церковная жизнь протекала без потрясений и перемен.

Однако, вскоре начался крайне непростой период, коренным образом изменивший религиозную ситуацию в Эстляндии. Владыке Иринарху пришлось заниматься массовым движением по переходу в православие латышских и эстонских крестьян. Причинами этого явления стали засухи и неурожаи 1838-1840 годов, поставившие эстонских крестьян в крайне тяжелое материальное положение. Не получая действенной помощи от местных властей, отчаявшиеся сельские жители направились в Ригу в надежде получить поддержку от православного архиерея, перейти в православие и уехать в южные районы Российской империи. Эти акции крайне встревожили местные власти, которые опасались крестьянского бунта. Поток крестьян, шедших к епископу Иринарху, не иссякал, что вызывало недовольство генерал-губернатора Прибалтики барона М.А. Палена, который через начальника жандармов графа Бенкендорфа стремился пресечь эти походы. Крестьян выслеживали, арестовывали, наказывали палками и розгами⁴⁰. Вскоре обер-прокурор Синода передал Преосвященному Иринарху распоряжение Императора о запрете ему и всему православному духовенству Эстляндии принимать крестьян по любым вопросам. По настоянию барона Палена в Лифляндию были посланы войска и карательная экспедиция⁴¹.

В октябре 1841 года епископ Иринарх был обвинен в подстрекательстве к мятежу и отстранен от управления викариатством. Епископа увозили из Риги в Псково-Печерский монастырь окольными путями, чтобы избежать возможности обращения к нему крестьян. Впрочем, проведенное расследование никакой вины в

---

⁴⁰Алексий II, *Патр.* Православие в Эстонии. С. 166-167.

⁴¹Алексий II, *Патр.* Православие в Эстонии. С. 169.

действиях архиерея не усмотрело. Обер-прокурор Святейшего Синода доложил Императору, что действие православного духовенства было «безукоризненным», а обвинения в подстрекательстве крестьян – ложными⁴².

Результатом этих мероприятий явились, с одной стороны – «победа немецкого лютеранства», высылка владыки Иринарха, но с другой стороны – императору стало очевидно, что, несмотря на все противодействие немецкого дворянства, поддерживаемого российскими чиновниками, спонтанное стремление к православию значительного числа эстонцев – несомненный факт⁴³. Император Николай распорядился перевести на эстонский и латышский языки краткий катехизис, молитвослов и литургию св. Иоанна Златоуста. Также было усилено преподавание эстонского и латышского языков в Псковской семинарии, введенное с 1840 года⁴⁴.

В 1841 году в Лифляндию был направлен епископ Филарет (Гумилевский), получивший личные инструкции императора быть осторожным в деле присоединения крестьян к православию. В период руководства епархией преосвященным Филаретом были приняты в православие десятки тысяч крестьян, издавалась духовная литература, рукополагались священники со знанием эстонского и латышского языков, были построены десятки храмов. Епископ Филарет добился увеличения расходов на содержание православного духовенства края⁴⁵.

Активное присоединение к православию эстонских крестьян началось в середине 1845 года. Наиболее широко оно проходило в Выруском и Тартуском уездах. Тарту (Дерпт) стал центром присоединения, поскольку там контроль со стороны местных властей был слабее, чем в Риге. Местные помещики и пасторы чинили препоны, под предлогом подстрекательств к бунту крестьян лишали арендных участков и грозили судом. Однако, несмотря на все это, в сентябре и

---

⁴² *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 171 - 172.

⁴³ *Прекуп И., свящ.* Краткий обзор истории Православия в Эстонии. // Сборник докладов Международной научно-практической конференции «Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность». 11-13 декабря 2015 г. Куремяэ, Эстония, С. 14 -15.

⁴⁴ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 173.

⁴⁵ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 212-213.

октябре 1845 года 2,5 тысячи эстонских крестьян в Дерпте подали прошение о переходе в православие, а к концу 1845 года их число по Лифляндской губернии составило почти 10 тысяч. Как отмечал исследователь прибалтийского православия Юрий Трусман, активно проявлялось желание перейти в православие среди жителей тех местностей, где в древности были знакомы в большей степени с православием и русским народом: «в Верроском, Дерптском, Вольмарском и других уездах»⁴⁶. Продолжалось активное строительство храмов. Большая часть этих церквей были скромными отдельными деревянными строениями, вмещавшими не более 300 человек. Впоследствии было построено и несколько десятков каменных церквей.

К 1848 году процесс перехода в православие пошел на убыль. Распоряжение митрополита Санкт-Петербургского Антония (Рафальского), в ведении которого тогда находилась епархия, приостановило переход эстонских крестьян в православие. По сведениям Святейшего Синода в 1845-1848 годах в православие перешло более 45 тысяч эстонцев⁴⁷.

В монографии Святейшего Патриарха Алексия уточняется: «В 1845-1848 годах в православие перешло 63858 крестьян, или 17 % всего населения эстонской части Лифляндской губернии»⁴⁸.

Традиционно присутствовавшие в Прибалтийских землях общины гернгутеров, особенно после закрытия их молитвенных домов протестантскими пасторами, массово переходили в православие. В эстонской части Лифляндии 49 молитвенных домов гернгутеров перешли в православие»⁴⁹.

Кроме строительства десятков храмов по всей Эстляндии, царское правительство предпринимало и другие шаги для поддержки православия в прибалтийских землях. Эстонские крестьяне не говорили по-русски, и появилась острая потребность в священниках со знанием языка. С этой целью были открыты

---

⁴⁶ Трусман Ю. К 900-летию Крещения Руси. Начало и распространение в древности православия между финскими племенами. Ревель, 1888. С. 22.

⁴⁷ Мянник С. К 170-летию совершения богослужений на эстонском языке // Мир Православия. 2015, Июль. № 7 (208). Электронный ресурс: [www. Baltwillinfo. com](http://www.Baltwillinfo.com). Дата обращения: 18.02.2018.

⁴⁸ Алексий II, Патр. Православие в Эстонии. С. 221.

⁴⁹ Алексий II, Патр. Православие в Эстонии. С.222.

специальные курсы эстонского и латышского языков в Псковской духовной семинарии. В Эстонию вскоре прибыли сразу несколько выпускников со знанием языка. Вопрос владения эстонским оставался актуальным для русскоязычного духовенства Эстонии и впоследствии.

В годы управления епархией епископом Рижским Филаретом (Гумилевским) получила широкое развитие православная издательская деятельность. В крестьянской среде распространялись тысячи экземпляров молитвословов, катехизисов и текстов литургии на латышском и эстонском языках⁵⁰. С 1856 года на русском, эстонском и латышском языках стал издаваться журнал «Училище благочестия»⁵¹.

Большую помощь эстонскому православию оказали основанные в 1869-1870 годах в Санкт-Петербурге Прибалтийские православные братства, на средства которых возводились храмы и другие приходские постройки, приобреталась утварь, велась издательская и благотворительная деятельность⁵².

В Петербурге во второй половине XIX – начале XX века проживали более двадцати тысяч эстонцев. Чтобы поддержать оторванных от родины православных эстонцев, будущий священномученик Платон, а в то время – протоиерей Павел (Кульбуш), активно занимался этой паствой: добивался совершения богослужения на их родном языке, содействовал деятельности эстонских церковно-приходских школ, помогал Свято-Исидоровскому и другим русско-эстонским приходам Епархии⁵³.

Движение эстонских крестьян в православие состояло таким образом из трех этапов. Первый пришелся на 1841 год (при епископе Иринархе), второй – на 1845 (при епископе Филарете (Гумилевском)). В 1883 году наступила третья, последняя волна переходов в православие, которая была слабее первых двух⁵⁴.

---

⁵⁰ Мянник С. К 170-летию совершения богослужений на эстонском языке.

⁵¹ Алексей II, Патр. Православие в Эстонии. С. 207.

⁵² Прекуп И., свящ. Краткий обзор ... С. 17.

⁵³ Костромин К., прот. Особенности эстонского православного самосознания в начале XX века. // Христианское чтение, №1, 2019. С. 181-182.

⁵⁴ Алексей II, Патр. Православие в Эстонии. С. 287

В судьбе эстонского православия сыграл важную роль святой праведный Иоанн Кронштадтский. По личному благословению святого был основан и пребывал под его покровительством эстонский приход в Кронштадте. Выпускнику Петербургской духовной академии священнику Павлу Кульбушу⁵⁵ удалось сплотить живших разрозненно эстонцев в приход и организовать при нем православное эстонское братство во имя священномученика Исидора. Святой Иоанн Кронштадтский благословил строительство храма. Для братства к 1907 г. был сооружен целый комплекс зданий, и православные эстонцы получили место молитвы и общения. До самой кончины между праведным Иоанном Кронштадтским и будущим священномучеником епископом Платоном поддерживалась глубокая духовная связь. В деле духовного просвещения эстонцев большое значение имело издание в 1897 году дневника о. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе» на эстонском языке в переводе о. Павла Кульбуша⁵⁶.

В Эстонии в настоящее время действует одна православная монашеская обитель – Пюхтицкий Успенский женский монастырь. Он был основан в 1891 г. в местечке Куремяэ, на месте явления Божией Матери. Здесь эстонские крестьяне в XVI веке нашли в ветвях дуба икону Успения. Веками в этих местах по соседству жили русские и эстонцы. Так, в некоторых документах деревни Пюхтица, Овсово (Agusala) и другие поселения на берегах реки Наровы (Нарвы) названы русскими⁵⁷. С древних времен в Пюхтицах стояла часовня, в праздник Успения проводились молебны, священник читал проповеди и служил не только на русском, но и с 1884 года – на эстонском языке⁵⁸, поскольку на празднование приходили не только русские, но и эстонцы, несмотря на противодействие со стороны лютеранских

⁵⁵ Впоследствии был пострижен в монашество с именем Платон и рукоположен во епископа. В 1919 г. еп. Ревельский Платон был убит большевиками. Причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 г.

⁵⁶ См. *Ирина, инокия*. Пюхтицы // Мир Православия. 2001. № 4 (37); Кульбуш О. П. На заре новой жизни православных эстонцев» // Санкт-Петербургский духовный вестник, 1895, № 5. С. 102-108; Отчет о деятельности Санкт-Петербургского Православного Эстонского Братства за 1903 год. СПб., 1904. С. 43-45.

⁵⁷ Летопись церкви Успения Пресвятой Богородицы на Богородицкой горе, под названием Пюхтицкой, Рижской Епархии, Эстляндской губернии и благочиния, Вирияндского уезда, в деревне Лехтепэ, составленная в 1887-1892 годах. Издательство Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря, 2017.

⁵⁸ Летопись церкви Успения... С. 42.

пасторов и помещиков⁵⁹. В 1886 году⁶⁰ часовня стала приходским храмом, позже было принято решение о строительстве монастыря, который возводился при непосредственном личном участии святого Иоанна Кронштадтского. Праведный Иоанн не только лично пожертвовал значительные суммы на строительство обители⁶¹, но и неоднократно приезжал в Пюхтицкую Успенскую обитель, где освятил один из храмов⁶². Икона, написанная сестрами Пюхтицкого монастыря и подаренная святому, находилась в его келье до самой его кончины. Сейчас в обители создан музей, где хранятся личные вещи кронштадтского пастыря.

В истории эстонского православия и Пюхтицкого монастыря особая роль принадлежит губернатору Эстляндии князю С. В. Шаховскому. Он принадлежал к кругу убежденных славянофилов и уделял особое внимание религиозной жизни губернии. Император Александр III утвердил кандидатуру князя неслучайно. Царь хотел активнее инкорпорировать прибалтийские губернии в жизнь империи, для чего было необходимо придать толчок развитию этих территорий. В значительной мере благодаря личному участию князя Шаховского за весьма непродолжительный период были построены и освящены правящим архиепископом Арсением (Брянцевым) десятки храмов в Эстонии. Всего за 10 лет с 1883 по 1893 гг. в Эстляндии было открыто 19 приходов. По личному ходатайству князя Шаховского правительство отпустило 420 000 рублей с рассрочкой на 6 лет на строительство церквей, приходских училищ и причтовых зданий⁶³. Губернатор Шаховской лично сопровождал Высокопреосвященного Арсения по губернии при освящении церквей, чтобы тем самым повысить авторитет и значение православия в глазах местного населения⁶⁴.

⁵⁹ *Летопись церкви Успения...* С. 66-67

⁶⁰ Там же. С. 14.

⁶¹ *Сорокин В., прот.* Иоанн Кронштадтский и Пюхтицкий монастырь: неизвестная переписка о. Иоанна Кронштадтского с княгиней Е. Д. Шаховской (URL: <http://www.Leushino.ru> (дата обращения 16 сентября 2015 года)

⁶² Современник так описывает пребывание святого в монастыре в праздник Успения 15 августа 1892 года: «15 августа прибыл известный молитвенник отец Иоанн Сергиев (Кронштадтский). Народ поспешно устремился к нему за благословением...освящение храма было совершено преосвященным Арсением (Брянцевым) ...в освящении принимал участие достопочтенный и всем известный протоиерей Иоанн Сергиев (Торжество в Пюхтице на Святой Горе 13, 14, 15 и 16 августа 1892 года. Рига, 1892. С. 8-9).

⁶³ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 309.

⁶⁴ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 311.

Одним из важнейших своих дел в Эстляндии князь считал основание и устройство Успенского женского монастыря. Он завещал похоронить его в Пюхтице, что и было сделано после кончины князя, последовавшей в 1894 г. Его вдова осталась жить в обители, и также была там похоронена. Как и предполагал Шаховской, монастырь стал важным духовным центром, оказавшим большое влияние на местное население. Богомольцы прибывали в обитель не только из Эстонии, но и из Псковской, Новгородской губерний, Санкт-Петербурга. Жившие неподалеку лютеране-эстонцы приходили в обитель на большие праздники. В центре Таллина было открыто подворье монастыря.

В 1897 году Рижскую епархию возглавил преосвященный Агафангел (Преображенский). В период его архипастырства произошли революционные события 1905 гг., затронувшие и прибалтийские земли. Владыка учредил комитет по сбору средств в пользу православных семей, пострадавших во время этих событий, обратился к православному духовенству с призывом помогать пострадавшим от репрессий и ходатайствовать о помилованиях. Владыку волновали социальные проблемы бедных, и он старался помогать им⁶⁵. В 1910 г. архиепископ Агафангел был переведен на Литовскую кафедру.

В конце 1917 года в составе епархии было выделено Ревельское викариатство, во главе которого, а временно – и во главе всей епархии, встал первый епископ-эстонец, священномученик Платон (Кульбуш). 14 января 1919 г. епископа вместе со священниками Николаем Бежаницким и Михаилом Блейве расстреляли красные комиссары Кульль, Рятсепп и Оттер⁶⁶.

В период гражданской войны в Эстонии приняли мученическую кончину еще два священника: отец Иоанн Петтай и отец Сергей Флоринский⁶⁷.

19 мая 1919 г. Учредительное собрание Эстонии провозгласило образование Эстонской республики. В феврале 1920 г. Эстония и РСФСР подписали мирный договор, установили границу и дипломатические отношения. Советская сторона

⁶⁵ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 340-348.

⁶⁶ *Прекуп И., свящ.* Краткий обзор... С. 15.

⁶⁷ Там же. С. 15.

передала Эстонии исконно российскую часть Псковской губернии с расположенным здесь Псково-Печерским монастырем⁶⁸. Первый президент Эстонской Республики, Константин Пятс, был выпускником Рижской духовной семинарии. Тем не менее, для православия в Эстонии наступали весьма непростые времена.

К 1920 г. в России власть практически полностью оказалась в руках большевиков. Положение Церкви стало тяжелым, как никогда прежде в истории. В этой ситуации, когда из Эстонии пришло обращение с просьбой предоставить Эстонской Православной Церкви автономию, Патриарх Тихон благословил Священный Синод и Высший церковный совет Русской Православной Церкви удовлетворить эту просьбу, однако, недвусмысленно ограничил пределы суверенитета «вплоть до решения вопроса об автокефалии ея Всероссийским Церковным Собором»⁶⁹. 15(28) июня 1920 г. вышло постановление, разрешавшее пользоваться новым календарным стилем при праздновании церковных праздников в тех приходах, которые этого пожелают. Разрешение было дано «по примеру данного уже Православной Церкви Финляндии». Пределы независимости Эстонской Православной Церкви еще раз были четко обозначены в документе от 25 октября 1920 г. (номер 2719), утверждавшем избрание священника Александра (Паулуса) архиепископом Эстонии⁷⁰.

Однако архиепископ Александр использовал дарованную Святейшим Патриархом Тихоном автономию для скорейшего наведения контактов с Константинопольским престолом, и в результате этих усилий Константинопольский Патриарх Мелетий в июле 1923 года издал томос о принятии Православной Церкви Эстонии под свой омофор с усвоением наименования «Эстонская Православная Митрополия», с присвоением архиепископу звания митрополита Таллинского и вся Эстонии и выделением внутри митрополии трех епархий: Таллинской, Сааремааской и Петчерской. Синоду предоставлялись права

---

⁶⁸ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 376.

⁶⁹ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. Приложения. С. 531.

⁷⁰ Там же. С. 532.

Синода Поместной Церкви, чин поминовения митрополитом – только Константинопольского Патриарха, от него же получение священного мира⁷¹.

12 декабря 1923 г. митрополит Александр (Паулус) своим письмом (номер 2900) уведомил Святейшего Патриарха Тихона о предпринятой им поездке в Константинополь и свершившихся решениях Патриарха Мелетия. Данное письмо, судя по отметкам из канцелярии Святейшего, было получено 6 февраля 1924 г., о чем имеется собственноручная расписка Патриарха. Письмо было оставлено без ответа.

Однако предпринятая авантюра не привела, вопреки ожиданиям митрополита Александра, к положительному отношению к православию со стороны властей независимой Эстонской республики. Русофобия и неприятие православия последними привели к тому, что в 1923 году были снесены две православные часовни в Таллине. Инициированная националистическими кругами Эстонии в 1922 году кампания по сносу кафедрального Александро-Невского собора получила новое развитие в 1928 году, когда 11 октября в Государственное Собрание Эстонии был внесен законопроект о насильственном разрушении кафедрального Александро-Невского собора. Немедленно последовали официальные обращения представителей русскоязычного населения. В защиту собора выступили также некоторые представители левых оппозиционных партий, а также ряд лютеранских пасторов и мирян⁷². Усилиями православного духовенства Эстонии при поддержке различных представителей эстонского общества собор тогда удалось отстоять.

Особенно явно подобные тенденции прослеживаются на примере судьбы Пюхтицкой обители. Единственный в Эстонии православный монастырь был преобразован в трудовую общину. И впоследствии национальное правительство независимой Эстонии не смягчило своего отношения к православию. В 1932 г. в Пюхтицком монастыре собрались на несколько дней 150 участников съезда Русского студенческого христианского движения (РСХД). В эстонской прессе

---

⁷¹ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. Приложения. С. 535.

⁷² *Мусаев В. И.* Православие в Прибалтике. С. 36.

появились возмущенные статьи о том, что в православном монастыре собралась русская монархическая молодежь «для обсуждения вопроса о восстановлении старой России»⁷³. Находившиеся у власти в Эстонии националистические круги старались различными способами уменьшить влияние православия на население⁷⁴.

Однако, когда историческая ситуация изменилась, и в 1940 г. Эстония вместе с двумя другими балтийскими странами отошла к СССР, митрополит Александр поспешил обратиться к Матери-Церкви с прошением принятия Эстонской Церкви под омофор. Его письмо на имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) датировано 10 ноября 1940 года⁷⁵. Митрополит Сергей отреагировал в соответствии с тяжестью проступка, принципиально и четко охарактеризовав действия эстонского архиерея и патриарха Мелетия как неканонические и не находящие объяснений. В документе фигурируют слова «раскол» и «самочиние». Однако в случае признания вины и совершения необходимых канонических процедур, митрополит Сергей в своем письме сообщил, что будет действовать сообразно с принципом «грядущего ко Мне не изгоняю вон»⁷⁶. На вопрос эстонского архиерея относительно возможной автономии Эстонской православной церкви, Местоблюститель ответил вполне ясно: «Оправдать такую для Вас привилегию довольно мудрено. <...> Лучше и не задаваться многим, а возвратиться к более скромному: Эстонская епархия. Архиепископ (или Митрополит) Эстонский и Таллинский имеет в своем попечении всю православную паству, проживающую на территории Эстонской ССР»⁷⁷. Другие иерархи, преосвященные Павел (Дмитровский) и Николай (Лейсман) должны были также обратиться со своими декларациями и послужными списками к Местоблюстителю. Кроме того, эстонского архиерея обязали исполнить все решения относительно Эстонской епархии, принятые за истекшее время из Москвы. «В частности, мы признали Преосвященного Иоанна Булина в звании

⁷³ Вестник РСХД, Париж, 1932, № 8, 9. С. 31-34.

⁷⁴ См. нашу статью о Пюхтицком монастыре: *Непочатова М.И.* К истории Пюхтицкого Успенского женского монастыря в 1944 – 1962 гг. //Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». 2016. № 2(69). С. 68.

⁷⁵ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. Приложения. С. 545.

⁷⁶ Там же. С. 546.

⁷⁷ Там же. С.548.

епископа Печерского. Надеемся, Вы найдете ему архиерейское занятие где-нибудь около Печерска, пока не откроется возможность устроить его иначе (может быть и вне Эстонии)». Указом Московской Патриархии от 20 декабря 1940 г. архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) был командирован в Латвию и Эстонию для выяснения окончательных решений местных архиереев⁷⁸.

30 марта 1941 года в резиденции Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) митрополит Александр (Паулус) принес покаяние в грехе раскола, объясняя свои действия давлением со стороны эстонского правительства, и был принят в каноническое общение с Матерью-Церковью⁷⁹. Акт о присоединении бывшей эстонской автокефалии к Матери-Церкви Российской был подписан митрополитом Александром, митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитом Николаем (Ярушевичем), митрополитом Сергием (Воскресенским). 31 марта 1941 вышел соответствующий указ Патриархии⁸⁰.

Близкий митрополиту Сергию (Страгородскому) архиерей, митрополит Сергей (Воскресенский), был назначен осуществлять надзор за прибалтийскими православными церквями в качестве экзарха Латвии, Эстонии и Литвы.

Через несколько месяцев германские войска вступили на эстонскую землю. Эстонский митрополит Александр поспешил вернуться под юрисдикцию Константинопольского Патриарха. Был снова создан и действовал Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви. Однако экзарх Сергей (Воскресенский) после вторичного отпадения эстонского архиерея выпустил указ о прещении Александра (Паулуса) и предании его суду собора архиереев за новую, вторичную схизму. В целях освобождения преосвященного Нарвского Павла (Дмитровского), клира и мирян епархии от зависимости от митрополита Александра последний увольнялся от управления епархией. К данному

---

⁷⁸ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. Приложения. С. 549

⁷⁹ *Вершинин Александр, свящ.* Александр (Паулус) // Православная энциклопедия. М., 2007. Т.1. С. 499-501.

⁸⁰ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. Приложения. С. 550-551.

постановлению экзарха присоединились, скрепив это своими подписями, архиепископ Митавский Иаков, Епископы Нарвский Павел и Ковенский Даниил⁸¹.

О нарвской кафедре следует сказать отдельно. Основана она была в 1887 г. как викариатство Санкт-Петербургской митрополии. В период независимой Эстонской республики после перехода митрополита Александра под омофор Константинополя в Эстонской Апостольской Православной Церкви в 1924 г. были учреждены три самостоятельные епархии: Таллинская, Нарвская и Печерская. В состав Нарвской епархии входили все русские приходы, за исключением смешанных и монастырских⁸². С 1919 г. настоятелем кафедрального Преображенского Нарвского собора стал Павел (Дмитровский). В 1941 г. Нарвская епархия вошла в состав Прибалтийского экзархата Московской Патриархии, с 1937 по 1942 г. кафедра была под руководством епископа Нарвского Павла, ставшего в 1943 г. архиепископом Нарвским и Изборским. В 1945 г. преосвященный Павел был назначен архиепископом Таллинским и Эстонским. Нарвская епархия в 1944 г. была соединена с Таллинской епархией⁸³. После 1946 г. кафедра оставалась вдовствующей вплоть до 2011 г., когда по прошению митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия (Якобса) решением Священного Синода РПЦ была образована Нарвская епархия в составе ЭПЦ МП. Епархия включает в себя город Нарва и несколько соседних волостей⁸⁴.

Итак, в июне 1942 г., когда положение на фронтах, казалось, было безнадежным для советских войск, епископ Нарвский Павел (Дмитровский) обратился к пастве с пронзительным посланием. Он призывал не колебаться и хранить верность Русской Православной Церкви. «Я не порывал и ни при каких обстоятельствах не намерен порывать единения с Матерью-Церковью», - писал нарвский епископ. «Церковь-Мученица пред всем миром засвидетельствовала свою преданность Христу, а мы здесь решаем вопрос, согласиться ли нам быть ее

⁸¹ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. Приложения. С. 558- 559.

⁸² *Шор Т.* Осмотр православных церквей Причудья епископом Нарвским Павлом (Дмитровским) в 1938-1939 гг. // Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал. Рига, 2016. № 4(13). СС. 203-215.

⁸³ Там же. С. 210.

⁸⁴ Журналы заседания Священного Синода. от 30 мая 2011 года № 40. Электронный ресурс: patriarchia.ru, дата обращения - 29.01.2020.

членами! По справедливости, мы должны поставить другой вопрос: достойны ли мы быть членами этой Церкви?»⁸⁵. Эти слова о Церкви-мученице призывали паству помнить и отдавать себе отчет в том, какую цену заплатила Русская Церковь за возможность существовать в условиях гонений со стороны атеистической власти.

В период с 1942 по 1944 г. часть эстонских приходов оставались верными митрополиту Александру, часть - экзарху Сергию. Позиция оккупационных германских властей сводилась к разрешению приходам самостоятельно решать, кому подчиняться. Соответствующие распоряжения сохранились в архивах и опубликованы в монографии Патриарха Алексия II⁸⁶.

Судьба патриаршего экзарха Сергия (Воскресенского) была непростой и трагической. Иерарху приходилось осуществлять служение на оккупированных фашистами территориях, постоянно находясь на грани ареста. Он был вынужден выказывать лояльность германскому руководству Прибалтики, что неизбежно вызывало осуждение в России. Жизнь экзарха прервалась внезапно. Он был расстрелян неизвестными на пустынной дороге весной 1944 г., в своем автомобиле вместе с сопровождавшими его лицами. Существуют различные версии относительно причин покушения и возможных исполнителей, однако, ни одна из них не находит однозначного подтверждения⁸⁷. Эту потерю глубоко переживал Патриарх Сергей, близко знавший митрополита. Патриарх Алексий предположил в своей монографии, что гибель митрополита пошатнула и без того слабое здоровье Патриарха Сергия и могла ускорить смерть предстоятеля⁸⁸.

Митрополит Сергей (Воскресенский) выполнил поставленную перед ним задачу. Он глубоко вникал во все дела прибалтийских епархий и после вторичного отпадения эстонского архиерея запретил его в служении, в управлении епархией, что позволило преданным Матери-Церкви приходам сохранить верность Московскому Патриархату.

⁸⁵ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 553.

⁸⁶ *Алексий II, Патр.* С. 555, 559.

⁸⁷ *Шкаровский М.* Последний год существования Прибалтийского экзархата в период Второй мировой войны. //Православие в Балтии. Рига, 2017. № 6 (15). С. 12.

⁸⁸ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 416.

Подводя итог краткому экскурсу в непростую историю становления православия в Эстонии, отметим его характерные черты. С одной стороны, православные проживали в этих землях с раннего средневековья и имели все основания считать себя не чуждым элементом, но законными жителями этого региона. Вместе с тем православные постоянно терпели притеснения со стороны католиков, а позднее – протестантов. Сосуществование конфессий протекало непросто. Ситуация осложнилась после принятия православия заметной частью коренного эстонского крестьянского населения.

Подробный экскурс в этот период позволяет судить о том, как формировался состав эстонской православной паствы. Перешедшие из лютеранства в православие в XIX веке эстонцы совершили решительный и непростой поступок. Они променяли традиционную для них конфессию на «русскую веру», как часто называли православие эстонцы. Дальнейшее сосуществование конфессий было сопряжено с элементами противостояния, борьбы за паству в сельских эстонских приходах, где преобладало местное население. Пасторы рассчитывали, что перешедшие в православие эстонцы со временем вернуться назад в лютеранские кирхи. Вместе с тем, имели место и случаи взаимопомощи, например, при совершении треб.

Характерным для Эстонии стало проникновение в православные церковные ритуалы элементов протестантизма, привнесенные эстонцами – недавними лютеранами. Привычка сидеть во время богослужения, обязательная для молодежи конфирмация (леери), общенародное пение в храме с листков, восприятие проповеди как основного момента богослужения, общеприходские кладбищенские дни поминовения усопших, сопровождавшиеся обязательным исполнением мирянами церковных песнопений с листков - эти традиции стали неотъемлемой частью церковной жизни православных в Эстонии, особенно, в сельских приходах, где преобладало коренное население. Отдельно следует отметить приверженность «западной» пасхалии, которая укоренилась столь сильно, что в «эстонских»⁸⁹

---

⁸⁹ Прим. Здесь и далее – «Эстонские», применительно к приходам, поставленное в кавычки, означает «православные приходы Эстонии, посещавшиеся этническими эстонцами».

православных приходах ни при каких обстоятельствах население не соглашалось перейти на «восточную». Также эстонцам было сложно привыкнуть к более продолжительному, по сравнению с лютеранским, православному богослужению. В православных «эстонских» приходах сокращение местным духовенством служб часто носило бессистемный характер⁹⁰.

Период исторических перипетий начала XX века затронул и церковную жизнь Эстонии. Несмотря на видимость религиозной свободы, в период буржуазного республицизма едва не был разрушен православный кафедральный Александро-Невский собор, резко осложнились ситуация вокруг единственного православного монастыря - Пюхтицкого, начался отъем пахотных земель у обители, преобразование ее в трудовую общину, чинились препятствия работе РСХД на территории Пюхтицкого монастыря.

1.2. События 1944 – 1948 гг. и новые реалии церковной жизни

Освобождение Прибалтики в 1944 г. заставило митрополита Александра бежать из Эстонии. Вместе с 22 священниками-эстонцами он морским путем переправился в Швецию. По другим сведениям, он был переправлен в 1944 г. гитлеровцами в Германию, и лишь в 1947 г. получил разрешение жить в Швеции⁹¹. В 1948 г. им был учрежден Синод для управления 17 эстонскими приходами в западноевропейских странах, однако, в 1953 г., после его смерти эти эстонские приходы вошли в местные епархиальные структуры Константинопольского Патриархата. Если бы данный Синод считался Константинополем дееспособной структурой, очевидно, такого бы не произошло. На отпевание митрополита

---

⁹⁰ *Корнилий (Якобс), митр.* О моем пути. Таллин, 2009. С. 44.

⁹¹ *Вершинин Александр, свящ.* Александр (Паулус) // Православная энциклопедия. М. 2007. Т.1. С. 499-501.

Александра (Паулуса) никто из официальных представителей Константинопольского Патриархата не прибыл.

После освобождения Прибалтики немногие оставшиеся на родине бывшие члены Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви принесли покаяние в грехе раскола и попросили принять их в общение Церкви. Для совершения соответствующих процедур в Эстонию был направлен архиепископ Псковский и Порховский Григорий (Чуков), временно управлявший Ленинградской епархией. «Акт о воссоединении с Московской Патриархией русско-эстонского духовенства и мирян Эстонской епархии, самочинно отколовшихся от Матери-Церкви Российской» был подписан в Таллине 6 марта 1945 г. Документ подписали председатель бывшего Синода ЭАПЦ протоиерей Христофор (Винк), члены Синода – священник Николай Кокла, протоиерей Антоний Ангерьяс, псаломщик Константин Пуу и мирянин Андрей Пуншин⁹². На подписании акта присутствовали и сослужили архиепископу Григорию: председатель Нарвского епархиального совета протоиерей Иоанн Богоявленский (будущий второй епископ Эстонский⁹³), заместитель председателя Нарвского епархиального совета протоиерей Георгий Алексеев (также будущий епископ Эстонский), член Нарвского епархиального совета священник Александр Осипов (будущий печально известный отступник), таллинское духовенство.

После присоединения в 1940 г. Эстонии к СССР произошло существенное сокращение численности населения за счет того, что одни успели эмигрировать из страны, другие были депортированы в Сибирь⁹⁴, часть - заключены в нацистские концлагеря во время ВОВ или расстреляны. Нельзя забывать и о павших на полях сражений Второй мировой с обеих сторон. Следует, однако, отметить, что репрессии в Эстонии (и в других прибалтийских республиках) коснулись не только

⁹² *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. Приложения. С. 562, 563.

⁹³ Здесь и далее в скобках – примечания наши.

⁹⁴ Ввиду существенной разницы в оценках, требующей отдельного исследования, мы не приводим конкретные цифры. См., например, электронный ресурс: www.estonica.org, дата обращения 27.01.2019, Дюков А.Р. Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии (1940-1953). М., 2007.

коренного населения, но и представителей русской белой эмиграции⁹⁵. Затем последовало переселение в Прибалтику специалистов из других районов СССР. Перед ними была поставлена задача «поднять» отдельные отрасли промышленности республики. Среди переселенцев были и православные люди, сохранившие веру в условиях гонений на Церковь периода 1920-1930-х годов.

Такой была религиозная ситуация в Эстонии в периоды, предшествовавшие установлению в Прибалтике советской власти.

Далее охарактеризуем эту ситуацию к моменту присоединения Эстонии к СССР в 1944 г.

К 1944 году статус кво был обусловлен двумя факторами. С одной стороны, нетипичной для большинства районов СССР религиозной свободой, хотя и ограниченной. Однако прямых гонений на религию и православие в Эстонии не было. В годы войны духовенство Эстонии, как отмечалось выше, частично сохранило верность Матери-Церкви, прежде всего - нарвские и другие русские приходы. Другая часть подчинялась митрополиту Александру. В целом ситуацию можно охарактеризовать как состояние относительной религиозной свободы на фоне канонических метаний правящего архиерея и непростого положения духовенства Эстонии в связи с этим.

Второй фактор, влиявший на ситуацию в Эстонии в 1944 г. – состояние церковно-государственных отношений в СССР. Уже произошла историческая встреча иерархов с И. Сталиным в сентябре 1943 г. К осени 1944 г., к моменту, с которого мы начинаем рассматривать ситуацию в Эстонии, в СССР уже открыты сотни храмов, из ссылки возвращена часть священников и архиереев.

Таким образом, советская власть «вернулась» в Эстонию в период относительно благоприятных отношений Церкви и государства в СССР. Это безусловно стало определяющим фактором для первых шагов советских

---

⁹⁵ «В начале аресты затронули в основном так называемых «белогвардейцев», то есть русских эмигрантов, которых не вывозили в Сибирь, а расстреливали в Латвии без суда и следствия» (См.: *Гаврилин А. В.* Латвийские священнослужители на Американском континенте. М. 2013. С. 93).

госструктур в Эстонии. Как именно выглядели эти шаги, мы рассмотрим в настоящей главе.

6 марта 1945 г. был подписан Акт о воссоединении с Московским Патриархатом русско-эстонского духовенства и мирян эстонской епархии⁹⁶. 16 апреля 1945 г. указом Патриарха Алексия архиепископом Эстонским и Таллинским был назначен нарвский архиепископ Павел (Дмитровский), возведенный в сан архиепископа в декабре 1942 г. указом экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского). Владыка Павел был участником Поместного Собора 1945 г., единственным его участником-архиереем, служившим на оккупированных гитлеровцами территориях ССР. Однако руководить епархией этому иерарху предстояло недолго. В феврале 1946 г. эстонский архиерей скончался.

В конце 1944 г. в республику был направлен уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви Нефед Карсаков.

Институт уполномоченных был сформирован после того, как в соответствии с решением Сталина был учрежден Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР. На исторической встрече с иерархами в Кремле в сентябре 1943 г. Сталин сообщил архиереям о создании специального органа по взаимодействию государства и Церкви. Совет возглавил и руководил им до 1960 г. Георгий Карпов⁹⁷. Согласно специальному распоряжению Совета Министров СССР, «уполномоченные Совета по заработной плате и всем дополнительным видам довозможностей приравнивались в республиках к начальникам основных управлений Совета Министров»⁹⁸. Таким образом, статус уполномоченных в иерархии советской номенклатуры был достаточно высоким.

Итак, уполномоченный Н. Карсаков приступил к работе в Таллине. Суть ее состояла в систематическом общении с духовенством, посещении церковных служб, внимательном анализе прочитанных проповедей и призывов к пастве, бесед

---

⁹⁶ Д.Н.И. Исидор (Богоявленский) // Православная Энциклопедия. М. 2016. Т.27. С. 185-188.

⁹⁷ Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной Церкви при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы // Вестник Челябинского Государственного Университета, 2010, № 30 (211). История. Вып. 42. С. 74 – 85.

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 68.

с теми мирянами и священниками, которые выражали недовольство, обращались с жалобами и просьбами. Частью работы были также поездки по приходам, оценка религиозной активности населения, ведение статистики количества церквей, молельных домов и часовен, числа духовенства в республике, предоставление в Москву сведений о рукоположении новых священников или уходе их на покой, материальном состоянии приходов, патриотической работе с населением со стороны духовенства, случаях нарушения законодательства о культах. Все эти сведения в виде ежеквартальных отчетов в строго определенные сроки отправлялись в Москву, в Совет, где внимательно анализировались. В качестве обратной связи направлялись вопросы, давались распоряжения по проработке того или иного аспекта, который представлял интерес. Периодически в Таллин приезжал проверяющий инспектор Совета и после тщательной проверки выносил суждение о работе уполномоченного в виде соответствующего отчета. Для обмена опытом время от времени собирались кустовые (для нескольких областей) или всесоюзные совещания уполномоченных Совета.

Архивные материалы позволяют судить о том, что бюрократическая машина работала весьма четко и исправно. Вызывает удивление, как в 1944-1945 гг., когда страна вела кровопролитную войну, в Совете скрупулезно сохраняли всю документацию и четко отслеживали даже самые незначительные события в религиозной жизни. Наличие в российских архивах огромного массива соответствующих документов позволяет отследить работу уполномоченного и его взаимодействие с духовенством Эстонии, с местными эстонскими властями, а также с центральными органами власти ежемесячно и четко проследить тенденции.

Столь тщательное ведение делопроизводства в Совете и в аппаратах уполномоченных демонстрирует, что, невзирая на ослабление гонений в отношении Церкви, государственный аппарат тотально контролировал действия представителей РПЦ и всегда был готов вновь обратиться государственную машину против религии.

По результатам работы в первой половине 1945 года уполномоченный по Эстонии Карсаков составил отчет по состоянию на 1 июля 1945 г., в котором

отмечал, что, по мнению епархиального Совета и правящего архиепископа Павла (Дмитровского), имеющихся в республике 127 храмов для потребностей верующих вполне достаточно. Фактов самовольного открытия церквей духовенством отмечено не было. В результате военных действий некоторые церкви были сильно повреждены или уничтожены. В таких случаях прихожане самостоятельно оборудовали молитвенные дома или часовни, как например, в Хельме-Тырва, уезд Валгама. Со стороны эстонских властей такое замещение в тот период времени возражений не вызывало⁹⁹. Совет фиксировал факты, но в тот период препятствий церковной жизни не чинил.

На основании сведений о тех вопросах, с которыми обращались представители духовенства к архиерею и уполномоченному, можно судить о состоянии религиозной жизни в республике. Так, уполномоченный приводит обращение Вырусского благочинного, протоиерея Рандвере,¹⁰⁰ в котором описывался обряд конфирмации в лютеранстве, заключающийся в подготовительной части и собственно обряде. Сначала молодые люди обоих полов 17-20 лет и старше собирались в пасторате для занятий по изучению лютеранского вероучения, после 2-6 недель занятий в ходе торжественной церемонии в церкви давали обет перед алтарем и перед лицом всех прихожан до смерти сохранять верность лютеранству. Не прошедшему конфирмацию впоследствии могли отказать в крещении детей и венчании. Таких людей не могли хоронить по лютеранскому обряду. Приведенные в документах сведения о конфирмации были призваны продемонстрировать, что ввиду отсутствия в православии возможности обучения молодых людей основам своей веры, многие из них отпадали в лютеранство. Священник сообщил уполномоченному, что по примеру лютеран в «эстонских» православных приходах также имеют место занятия по катехизации¹⁰¹. Активное участие эстонской молодежи в конфирмации вызывало крайнее недовольство в Москве. Так, об этом эстонском религиозном обряде,

---

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 63. Л.260.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 63. Л. 108.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 63. Л. 108.

распространенном и в православных «эстонских» приходах позднее было отдельно сказано в обобщающей аналитической записке секретаря ЦК ВЛКСМ – в ЦК КПСС, посвященной проблемам атеистической пропаганды в комсомоле: «В Эстонии непрерывно увеличивается число молодежи, проходящей конфирмацию <...> По данным ЦК ЛКСМ Эстонии конфирмацию прошли в 1945-3500 человек молодежи, в 1946 – 8039, в 1947 – 10.428»¹⁰².

Еще один характерный для эстонского православия аспект часто упоминается в архивных документах: это вопрос влияния на население республики сект и религиозных организаций. Приходское духовенство выражало беспокойство этим фактом: «работают против православия секты, образовавшиеся из лютеранства. Особенно энергично работают в Вырусском уезде секты евангелистов и адвентистов <...> в приходах Лухамаа и Плаани секта евангелистов успела разными приемами <...> привлечь треть православных верующих»¹⁰³.

Настоятель Лухамасского православного прихода Вырусского благочиния игумен Лазарь (Сарв Яков Петрович) отмечал: «в конце 1945 и в начале 1946 гг. перед выборами в Верховный Совет СССР общины баптистов и евангелистов организовали сходы, куда приезжали проповедники из Таллина <...> и проводили агитацию против выборов, призывая верующих не участвовать в выборах <...> проводят антисоветскую агитацию, призывая к невыполнению поставок»¹⁰⁴.

Неоднократно жаловались приходские священники на неравное положение православных и лютеранских приходов. Вырумасский благочинный писал, что местные органы власти предоставляли богатым лютеранским приходам полную норму земли и неприкосновенность просторных квартир в пасторатах. Между тем православным приходам «уменьшали самовольно законом предусмотренную норму земли и отнимали даже последнюю квартиру, последнюю комнату»¹⁰⁵. Протоиерей Г. Перл писал уполномоченному, что у прихода отобран участок

---

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 126.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 108.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 109.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 217.

земли, а ввиду малой доходности прихода, священник живет исключительно за счет своего собственного сельского хозяйства, поэтому отъем у него земельного участка фактически равносильна ликвидации прихода¹⁰⁶.

Лянеааский благочинный также отмечал неравное положение православных приходов сравнительно с лютеранскими: отъем земель, привлечение к принудительным работам исключительно православного причта¹⁰⁷.

Вскоре после появления уполномоченного в республике ему стали поступать жалобы об отъеме земель у духовенства. 25 заявлений поступило по вопросу отъема земельных участков, расположенных поблизости от приходов, и выдаче взамен участков в отдаленных местах. Жалобы далее направлялись в Управление землеустройства комиссии Наркомзема ЭССР, комиссией заявления были разосланы по уездам для урегулирования, на момент написания отчета ответов у уполномоченного еще не было¹⁰⁸.

Случаи грубого самоуправства со стороны местных органов управления в рассматриваемый период пресекались. Так, из Епархиального совета к уполномоченному поступило заявление священника волости Тартума Е.А. Аллика о действиях сотрудников Волисполкома. За отказ от работы он был оштрафован на 100 рублей с угрозой изгнания из Каареперского прихода. В качестве наказания священнику было приказано немедленно вычистить уборные Каареперской начальной школы. После проверки, инициированной уполномоченным, виновные сотрудники были уволены¹⁰⁹.

Очевидно, в результате многочисленных обращений с подобными жалобами 23 декабря 1945 г. совнаркомом ЭССР был издан циркуляр всем исполкомам о возвращении приходам отобранных у них не национализированных домов, а там, где дома национализированы, - о необходимости обеспечить духовенство служебными и жилыми помещениями¹¹⁰.

---

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 63. Л.217.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 63. Л.217.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.53, Л. 261.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 63. Л. 261-262.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 63. Л. 218.

Патриотическая работа в епархии в 1945 г. описана уполномоченным следующим образом. Эстонский Епархиальный совет передал сохраненные во время разграбления немцами Александро-Невского собора ценности: 2 кг серебра от венков с памятника Петру I, 1,2 тонны бронзы от разбитых фашистами колоколов и 17.816 тысяч рублей на поддержание семей защитников Родины в качестве подарка от православных верующих к 1 мая. 22 мая того же года Епархиальный Совет Эстонии получил телеграмму-благодарность Сталина. Сбор средств на патриотические цели продолжался и впоследствии¹¹¹.

Календарный вопрос был весьма актуален для Эстонии, поскольку издавна часть приходов пользовались новым стилем, часть – старым. Томос Константинопольского Патриарха Мелетия 1923 года разрешал каждому приходу определяться самостоятельно, в 1945 г. по-прежнему многие сельские приходы, посещавшиеся эстонцами, стремились сохранить новый стиль, как совпадавший с лютеранским, что было привычно и удобно православным эстонцам, имевшим родственников-лютеран. Говоря о календарном вопросе, следует отметить, что Рождество воспринималось этническими эстонцами, пожалуй, как главный религиозный праздник, по аналогии с западным христианством. Ввиду отсутствия гонений на веру в годы, предшествующие установлению советской власти в республике, население привыкло открыто отмечать Рождество, что вызывало удивление московских функционеров. Так, в записке секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Михайлова – заведующему Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Шепилову Д. Т. «О недостатках в постановке атеистической пропаганды в комсомоле» об Эстонии было сказано отдельно. Отмечалось, что в Рождество 1947 года 25 и 26 декабря в ряде городов не работали большое число предприятий и «даже советские учреждения». В районном отделе народного образования Морского района Таллина на столах работников горели свечи. Во многих школах республики 25 декабря занятия не проводились или их посещало 10-15 процентов учащихся»¹¹². Можно представить, какую реакцию эти события вызывали в Москве.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 53. Л.262.

¹¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 126.

В 1945 году, в связи со стремлением архиерея и Епархиального Совета способствовать распространению в республике старого стиля для отсутствия расхождений с остальными епархиями Русской Православной Церкви, впервые за многие годы Пасха в Таллине праздновалась по старому стилю. Однако, в провинции многие отпраздновали по новому стилю, особенно, в «эстонских» приходах¹¹³. Церкви в столице республики были переполнены, в некоторых приходах на богослужении присутствовали советские военнослужащие.

Статистика за 1945 год выглядела следующим образом. В республике было 127 приходов, 1 монастырь, 95 священнослужителей, 10 благочиний. Обращает на себя внимание столь значительное для небольшой балтийской лютеранской республики количество православных приходов. При этом в послереволюционный период с 1923 по 1939 год были построены лишь 15 храмов¹¹⁴, остальные (более 100) существовали со времен Российской империи. Для сравнения, в Финляндии к 1917 г. существовало всего 29 православных приходов, клир насчитывал 40 священников, 12 диаконов¹¹⁵. В Эстонии, как можно заметить, число приходов заметно превосходило количество священников. Надо также принять во внимание, что кафедральный Александро-Невский собор не мог обслуживаться одним священником. Таким образом, неизбежно происходило то, что отмечено в документах ГАРФ: один священнослужитель обслуживал порой по 2-3 прихода. В рассматриваемый период в связи с этой проблемой от верующих поступали заявления о необходимости прислать священника, однако часто такой возможности у Епархиального Совета не было. Кроме того, многие сельские приходы были столь бедны, что не могли сами содержать священнослужителя. Ситуация усугублялась тем, что земли возле приходов были отобраны и «даже этого малого подспорья священникам не осталось»¹¹⁶. Некоторые церкви, разрушенные или поврежденные ввремя войны, в 1945 г. были отремонтированы, и там возобновились

---

¹¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 53. Л.263.

¹¹⁴ *Вершинин Александр, свящ.* // Православная Энциклопедия. М. 2007. Т.1. С. 499-501.

¹¹⁵ *Мусаев В.И.* Православная Церковь в независимой Финляндии (1918-1930-е гг.) // Вестник церковной истории. 2007. № 2(6), С. 194.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 53. Л. 263.

богослужения: 2 храма в Виру, в Тартума – 2, в Пярну – 2, В Таллине – Александро-Невский собор¹¹⁷. Восстановление церквей в Таллине и в районах производилось на средства верующих под руководством благочинных, настоятелей и членов правлений¹¹⁸. В июле 1945 г. были возвращены Церкви подвальные помещения Александро-Невского собора, прежде занятые под бомбоубежище¹¹⁹.

К середине 1945 г. в сельских приходах посещаемость упала по сравнению с предшествующими годами на 25-40% по причинам общей убыли населения на селе, а также ввиду долгого отсутствия священников. Однако, при этом в Таллине, где было достаточно много приезжих русскоязычных граждан и беженцев, в русских приходах посещаемость приближалась к довоенной. В республике местами происходил процесс изменения составов приходов. Разделение приходов на «русские» и «эстонские» в некоторых случаях стало условным, поскольку в прежде сугубо «эстонских» приходах стали появляться русские прихожане, прибывавшие из других республик Союза. В связи с этим священники в ряде храмов (например, в областях Тапа, Вильянди, Кохила и др.) старались служить «смешанные» службы, либо поочередно на русском и эстонском. В документах отмечается, что в результате такие приходы часто становились «жизнеспособнее»¹²⁰.

Так, например, по отзывам духовенства «почти только одними новыми советскими людьми поддерживается вновь открытый после захвата его немцами Александро-Невский собор в Таллине»¹²¹. Епархиальный совет сообщал уполномоченному, что процессу мирного сосуществования в том числе в стенах одного храма «пришлого, нового» населения с местным мешало только то, что большое число эстонских священников, особенно молодых, абсолютно не владели русским языком. Отмечалась необходимость подготовки кадров духовенства со знанием обоих языков, а также открытия богословских курсов в Таллине¹²².

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 53. Л. 269.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 56. Л.170.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 56. Л. 165.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 56. Л. 263.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 53. Л. 264.

¹²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 53. Л. 264

В целом религиозную ситуацию в Эстонии в 1945 году уполномоченный характеризовал следующим образом: «Духовенство в Эстонии требует сугубо-осторожного и внимательного к себе подхода. Следует учесть, что три с половиной года ... фашистской пропаганды оставили немало отравы в сердцах духовенства и эту отраву нельзя вырвать разом – ее надо парализовать и обезвредить»¹²³. Уполномоченный отмечал на основании многочисленных бесед с местным духовенством, что «длительный отрыв духовенства Эстонии от Московской Патриархии выработал такие взгляды и привычки в области церковного управления, <...> которые вряд ли совместимы с задачами церковной деятельности в СССР»¹²⁴. В качестве иллюстрации уполномоченный процитировал протоиерея Иоанна Богоявленского, тогда – настоятеля Симеоновской церкви и Александро-Невского собора, благочинного Харью-Ярвского благочиния, о том, что народ «истосковался по слову Божию», и основные задачи сейчас – открывать всюду, где возможно, богословские школы, курсы, готовить образованные кадры церковных проповедников, «весьма полезно бросить в массы молитвенники, пособия по Закону Божию, которых в Эстонии достаточно». Эти и другие меры «упрочат нашу церковную организацию и дадут нам возможность с честью выполнить великое дело религиозного возрождения страны»¹²⁵.

Остается только догадываться, с каким негодованием прочитали эту цитату в Совете. Приведенный отрывок показывает, сколь наивно уверены были представители духовенства в Прибалтике, что новый курс советского государства в отношении Церкви предполагал возможность «религиозного возрождения страны». Становится понятным, почему уполномоченный призывал Совет учитывать особенности прибалтийской религиозной жизни и проявлять деликатность в отношении местного духовенства, представители которого совершенно не осознавали зыбкости курса на улучшение государственно-церковных отношений в СССР. Они не пережили массовых расстрелов

---

¹²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 53. Л. 264.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 53. Л. 264.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 53. Л. 264.

церковнослужителей и уничтожения храмов, как это было в остальном СССР, где после беспрецедентных репрессий 1920-1930 годов духовенство перестало доверять представителям властей. Эстонские священники, во всяком случае, часть из них, воспринимали уполномоченного Совета в качестве человека, поставленного властями помогать им и настроенного на сотрудничество. Откровенно рассказывая о своих трудностях и чаяниях, священники невольно делились информацией, которая впоследствии использовалась против них и их сослужителей.

Подтверждением вышесказанного могут служить краткие биографии представителей духовенства Эстонии, которые вызвали интерес у уполномоченного. Характеристики незамедлительно были направлены Карсаковым в Совет. Прежде всего, это коснулось священников, активно участвовавших в религиозной жизни в республике в период фашистской оккупации.

Первым в списке был указан протоиерей Винк Христофор Иоаннович, эстонец, бывший председатель Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви, в тот момент – настоятель русского прихода в Нымме (Таллин)¹²⁶. Карсаков отмечал, что священник участвовал в Ярославском мятеже, а в период фашистской оккупации якобы выступал с антисоветскими проповедями.

Упоминался и протоиерей Кокла Константин Иоаннович, эстонец, бывший член того же Синода, настоятель Андреевской церкви в подвальном помещении Александро-Невского собора в Таллине, в прошлом владелец типографии, где, по информации Корсакова, издавалась религиозная и антисоветская литература. В период оккупации, являясь благочинным Тартусского уезда, по информации Карсакова, выступал с антисоветскими проповедями и проводил благодарственные молебны о победе «германского воинства»¹²⁷.

Его сын, священник Николай Константинович Кокла, бывший член и секретарь Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви, настоятель

---

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 53. Л.264

¹²⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 53. Л.265.

Таллинской Преображенской церкви, в период немецкой оккупации, по информации уполномоченного, вел активную работу по «отрыву» православной Церкви Эстонии от Московского Патриархата, выступал с антисоветскими проповедями.

Протоиерей Веревкин Василий Васильевич, священник Николаевской церкви Таллина, как сообщал уполномоченный в Москву, при отступлении фашистских войск из родной для него Орловской области «бежал с ними» в Эстонию. По информации Карсакова священник некогда восхвалял жизнь в царской России.

Поведский Валерий Владимирович, уроженец Орловской области, священник Скорбященской церкви в Таллине. «Работая до войны старшим конструктором завода № 9, вошел в связь с руководителями антисоветского церковного подполья и тайно посвящен в сан священника. При отступлении немцев из Орла бежал с ними в Таллин, где будучи священником, распространял провокационные слухи о гонении на религию в СССР»¹²⁸.

Источники, откуда была получена информация, разумеется, в отчете уполномоченного не раскрывались, и в документах ГАРФ они не значатся. Лишь некоторые оговорки функционера позволяют догадываться об этом.

«Секретарь Епархиального Совета – священник Осипов А. и член Совета Кокла Н. заявили мне, что Богоявленского необходимо от председательства отстранить и вместо него назначить настоятеля Николаевской церкви в Таллине – протоиерея Георгия Алексеева, 1892 г., более энергичного». От себя уполномоченный добавлял, что считает это необходимым «так как из бесед со священниками видно, что Богоявленский в работе проявляет большую пассивность»¹²⁹.

Среди мероприятий 1945 года можно отметить регистрацию приходов и причта уполномоченным¹³⁰.

---

¹²⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 53. Л. 265-266.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 53. Л. 266.

¹³⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 53. Л. 267.

Эстонское духовенство на словах проявляло лояльность к советской власти, в частности, призывая паству участвовать в лесозаготовках (благочинный Пярну, протоиерей Иоанн Юмарик), в «красных обозах» (протоиерей И. Рандвере, Вырусский благочинный). Агитировали население участвовать в выборах в Верховный Совет СССР (священник Августин Руус). Во многих храмах в день выборов было даже отложено богослужение¹³¹. Епархиальный совет выпустил обращение к приходскому духовенству и верующим с призывом участвовать в выборах¹³². Эти примеры показывают, что несмотря на неполное понимание эстонским духовенством истинного характера отношения атеистического государства к Церкви, благодаря в том числе активной работе епархиального совета значительная часть эстонского духовенства демонстрировала лояльность властям.

С приходом советской власти начался тяжелый период и в истории Пюхтицкого монастыря.

В июле 1945 г. к уполномоченному поступило обращение из монастыря с жалобой на отъем пахотных земель и ряда построек. Необходимо отметить, что отъем был произведен в годы независимой Эстонской Республики, тогда же монастырь был преобразован в трудовую общину. Теперь обитель просила у советской власти вернуть отобранные земли, в частности те, что были изрезаны на куски таким образом, что на отчужденных участках оказались монастырские постройки. Часть монастырских земель теперь принадлежала местным хуторянам. Отъем пахотных земель привел к отсутствию необходимой кормовой базы для хозяйства монастыря. Насельниц владели бедственным существованием: лишившись части земли и половины зданий внутри обители, монастырь имел доход лишь 600 рублей. Монахини и послушницы жили впроголодь. Ввиду низких доходов более не было возможности нанимать работников для выполнения тяжелых сельскохозяйственных работ: пахота, косьба, заготовка дров. Теперь эти работы

---

¹³¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д.63. Л. 159.

¹³² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д.63. Л.158.

легли на плечи небольшого числа дееспособных сестер¹³³. Недоставало даже самой простой одежды¹³⁴.

Кроме этих притеснений были и более вопиющие: в зданиях монастыря поселились семьи, в том числе мужчины, периодически устраивавшие попойки на территории обители. Кроме того, внутри ограды монастыря разместилось отделение милиции. Подобные грубые нарушения монастырского устава и образа жизни обители, а также отъем монастырских владений побудили настоятельницу обратиться к уполномоченному.

Правящий архиепископ Павел (Дмитровский) направил ходатайство, в котором обращал внимание на то, что были отобраны даже непосредственно прилегавшие к монастырским строениям участки земли, что поставило монахинь в безвыходное положение, и сестры были обречены на нищенское голодное существование. Архиепископ просил уполномоченного возбудить ходатайство о возвращении монастырю незаконно отчужденной земли, освобождении от притеснений и снабжении насельниц одеждой»¹³⁵. В результате этих обращений уполномоченный проинформировал о ситуации Председателя Совета Народных комиссаров Эстонии Веймера и секретаря компартии Эстонии с просьбой принять меры, а именно, как уточняет уполномоченный, «оградить монастырь от бесчинств, творимых со стороны местных властей и отдельных лиц»¹³⁶. Последняя фраза побудила проверявшего отчет Карсакова члена Совета приписать на полях: «Уполномоченный пишет, как епископ, защищая монастырь»¹³⁷. Вывод Карсакова о ситуации с монастырем был следующий: «считаю необходимым вернуть монастырю дома, землю с постройками, принудить учреждения, арендовавшие монастырские дома, к уплате арендной платы, согласно заключенных договоров»¹³⁸.

---

¹³³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 61, Л. 27.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 61, Л. 27.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 61. Л. 28.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 56, Л. 168.

¹³⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 56, Л. 168.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 56, Л. 172.

В начале 1946 г. уполномоченный докладывал о жалобе со стороны монастыря на то, что Горфинотдел обязует подворье Пюхтицкого монастыря, расположенное в Таллине, уплатить налог за дома и землю, в то время как все дома и надворные постройки подворья в Таллине разрушены и сгорели, осталась только одна церковь, в подвале которой проживали монахини, служившие на подворье¹³⁹.

В 1945 г. протоиерей Иоанн Богоявленский, которому вскоре предстояло стать правящим епископом Эстонии, ходатайствовал о необходимости открытия богословских курсов в республике. Правящий архиепископ Павел и епархиальный совет вскоре вынуждены были констатировать, что, «несмотря на необходимость открытия курсов, решение вынуждены отложить до следующего года ввиду отсутствия свободных средств и соответствующего помещения»¹⁴⁰.

Земельный вопрос – земли приходов и монастыря – находился в стадии рассмотрения. Местным властям до сих пор было неясно, кому выдается земля – лицам, или приходам, или же священникам. Закон о наделении предусматривал, что приход имеет право на участок в размере от 12 до 18 га. Но землеустроительные комиссии, по сведениям уполномоченного, старались давать церквям меньше и хуже¹⁴¹.

Уполномоченный констатировал, что в местные органы и в его адрес поступает много жалоб на незаконное замещение церковных помещений военными, организациями, простыми гражданами, самовольно вселившимися в церковные дома¹⁴².

По земельному вопросу благочинные сообщали о случаях ущемления прав православных приходов по сравнению с лютеранскими в сельских районах Эстонии: «православным приходам выдаются участки, малопригодные к использованию, в то время как лютеранские приходы пользуются прежними участками». По одному только Лянемааскому благочинию имелось несколько

---

¹³⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 61. Л. 26.

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.56. Л. 171.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.61. Л.22.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.61. Л.23.

случаев отъема лучшей земли у прихода местными властями¹⁴³. Даже в вопросах снабжения продуктами ощущалась разница. Уполномоченному жаловались, что духовенство не снабжают ордерами на промышленные товары, тогда как лютеранские пасторы этим преимуществом пользовались¹⁴⁴. Даже просьба о выделении такого документа правящему архиерею Павлу (Дмитровскому) не была выполнена. В 3 квартале 1945 г. епархиальный совет обратился с прошением ходатайствовать перед наркомторгом Эстонской ССР о выдаче архиепископу литерной продовольственной карточки. Наркомторг в выдаче отказал¹⁴⁵. Этот вопрос вызвал интерес в Совете. В ответном письме на ежеквартальный отчет уполномоченного, признанный членом Совета неудовлетворительным, в частности, требовали уточнить, «о каком сокращении лимита продовольственных карточек для духовенства идет речь»¹⁴⁶. Также Совет просил проинформировать о фактической передаче здания гостиницы и разрешении земельного вопроса Пюхтицкого монастыря¹⁴⁷.

В конце 1945 г. епархиальный совет счел целесообразным разделить Харвью-Ярвское благочиние на два: Таллинское городское с протоиереем Иоанном Богоявленским во главе и Харвью-Ярвское провинциальное с благочинным о. Константином Кокла¹⁴⁸.

Указом архиепископа Павла от 11 октября 1945 г. протоиерей И. Богоявленский был освобожден от должности председателя Епархиального Совета по собственному желанию, на эту должность был назначен протоиерей Г. Алексеев¹⁴⁹.

Как говорилось выше, в связи с прибытием в Эстонию большого числа русскоязычного населения из СССР изменился национальный состав некоторых приходов в крупных городах. Приезжих расселяли в крупных населенных пунктах, вокруг и внутри которых располагались различные предприятия промышленности.

---

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 61. Л. 22-25.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 61. Л. 33.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 56. Л. 166.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 111. Л. 55.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 111. Л. 55.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 61. Л. 30.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 61. Л. 30.

Некоторые приходы, прежде бывшие эстонскими по составу прихожан, теперь стали «смешанными». В одном таком приходе в Вильянди возник конфликт между «коренными» прихожанами-эстонцами и приезжими русскими, эвакуированными в Вильянди после освобождения от фашистов «русского» города Эстонии – Нарвы. Поскольку в окрестностях города Нарва велись тяжелые бои, и он был сильно поврежден, население было вывезено в близлежащие районы. Сначала священники прихода Вильянди старались служить параллельно на двух языках, однако, «постоянное перескакивание с одного языка на другой не давало возможности спокойно помолиться», в результате чего обе стороны высказали недовольство, приход разделился надвое по национальной принадлежности одного и второго священников. Обе стороны выдвинули требование разграничить русское и эстонское богослужения и предоставить возможность верующим каждой национальности молиться на родном языке¹⁵⁰. Для урегулирования конфликта в приходе в Нарву был направлен секретарь епархиального совета священник Александр Осипов. Эта печально известная личность – отступник, впоследствии старательно дискредитировавший священство и Церковь в угоду власти, много лет был связан с Эстонией. В рассматриваемый период он был секретарем епархиального совета, в 3 квартале 1946 года Осипов был переведен в Ленинград¹⁵¹.

Мы еще вернемся к его биографии при рассмотрении периода, совпавшего с его апостасией, и рассмотрим реакцию, которую вызвали в Эстонии действия Осипова.

С проблемой установления в смешанных приходах богослужений на двух языках была увязана и другая – календарный стиль. Как уже было отмечено, русские прихожане считали законным старый стиль, эстонцы же утверждали, что это создает проблему, поскольку многие семьи у них были смешанными, православно-лютеранскими, и календарные различия, прежде всего, несовпадения праздничных дней – создавали проблемы и даже могли приводить к переходу православных

---

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 61. Л. 31.

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.111. Л.61.

эстонцев в лютеранство¹⁵². Для решения проблемы календарного стиля было выдвинуто предложение: при наличии двух священников в приходе неподвижные праздники годового круга служились одним священником по-русски по старому стилю. В одном из «эстонских» приходов их предложили служить смешанно. Так, службы совершались в первое и третье воскресенья месяца священником Хазовым на русском языке, а во второе и четвертое – настоятелем прихода Алуяэ – на эстонском. Урегулированием обе части прихода остались довольны¹⁵³. Такие примеры показывают, что духовенство Эстонии, как русское, так и коренное эстонское, стремилось урегулировать календарный вопрос таким образом, чтобы, с одной стороны, не ставить в безвыходное положение православных эстонцев, с другой стороны – учитывать позицию Московского Патриархата и традицию Русской Православной Церкви.

В 1 февраля 1946 в Таллине скончался правящий архиепископ Павел (Дмитровский). Согласно распоряжению Патриарха Алексия митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий 6 февраля совершил отпевание в Александро-Невском соборе Таллина¹⁵⁴. Похороны прошли при огромном стечении народа в Таллине. Власти никак не препятствовали участию людей в церемонии. Кафедра стала вдовствующей. Временное управление епархией было возложено на Ленинградского Владыку Григория (Чукова).

В июле 1946 г. уполномоченный Карсаков выезжал в Пюхтицу для выяснения вопроса о землях монастыря и принадлежащих обители постройках. После возвращения им был поставлен вопрос перед руководством республики о передаче монастырю гостиницы и дома на скотном дворе, а также о соединении разделенной на части монастырской земли воедино. Здания по решению Совета министров ЭССР были переданы в пользование монастыря, вопрос о земле был направлен в Министерство земледелия республики¹⁵⁵.

---

¹⁵² ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 61. Л.31.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 61. Л. 31.

¹⁵⁴ Кончина архиепископа Эстонского и Таллинского Павла. // ЖМП. 1946. №7. С. 4.

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 111. Л. 57.

Самым важным вопросом 1946 года стал вопрос о назначении правящего архиерея в Эстонию. Более 10 заявлений от верующих поступило только за 1 квартал 1946 г. о назначении архиепископа со знанием эстонского языка. Выдвигалась даже конкретная кандидатура – это был протоиерей Роман Танг, второй священник Йыхвиского Богоявленского храма¹⁵⁶.

Карсаков писал с Совет, что «крайне необходимо» назначение архиерея со знанием языка, что председатель Епархиального совета протоиерей Георгий Алексеев, якобы, умалчивает о заявлениях и на вопрос уполномоченного, нужен ли епископ, подтверждает такую необходимость, но со словами, что епархия епископа содержать не может, т.к. доходы слишком малы. Комментарий Карсакова по этому поводу:¹⁵⁷ «ясно, что председатель Епархиального совета не заинтересован в назначении архиерея, т.к. он лишится места председателя и того высокого положения, которое занимает, но верующие требуют архиерея. Со своей стороны считаю также назначение архиерея крайне необходимо»¹⁵⁸. Совет обещал учесть пожелание верующих¹⁵⁹. Возможно, последовавший выбор был предопределен несколькими факторами: неучастием протоиерея Иоанна Богоявленского в активной работе Синода ЭАПЦ, его вдовством, сделавшим возможной хиротонию, а также информацией о некоторой инертности священника, что вполне отвечало интересам атеистические власти. Впрочем, стать эстонскими архипастырями было суждено впоследствии как протоиерею Роману Тангу, так и Георгию Алексееву.

Итак, в июне 1947 г. Журнал Московской Патриархии (ЖМП) сообщал, что на эстонскую кафедру назначен ректор Ленинградской духовной академии и семинарии протоиерей Иоанн Яковлевич Богоявленский, магистр богословия¹⁶⁰. Пострижение в монашество (с именем Исидор), наречение и хиротония прошли в Ленинграде, а 22 июня состоялась хиротония во епископа Таллинского и Эстонского. В «Журнале Московской Патриархии» подчеркивалось, что епископ

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 111. Л. 57.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 111. Л. 58.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 111. Л. 58.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 111. Л. 55.

¹⁶⁰ Хроника // ЖМП. 1947. № 6. С. 11.

имеет опыт административной работы – благочинным, председателем Епархиального совета, а с 1946 г. – ректором вновь открывшихся Ленинградских духовных академии и семинарии¹⁶¹. В своей речи на наречение архимандрит Исидор отметил те трудности, с которыми ему предстоит столкнуться на территории соприкосновения православия и лютеранства, разных национальностей, «не легко будет собирать плоды в этом винограднике», сказал владыка Исидор, «но моим вождем <...> является мой небесный покровитель священномученик Исидор. Почти пятьсот лет назад он в Тарту (Юрьев) во время богослужения вместе со своими прихожанами был схвачен немцами, отправлен в тюрьму, и затем все они были утоплены в протекающей в Тарту реке Эмаычи. <...> Он держал знамя Православия в своей земле твердо, даже до смерти, чем указал и мне принцип моей будущей архипастырской деятельности»¹⁶². Эти слова оказались пророческими. Два с небольшим года суждено было занимать эстонскую кафедру епископу Исидору и скончаться, до последних часов жизни занимаясь делами епархии.

Епархиальный совет в тот период (в третьем квартале 1946 года) состоял из следующих представителей духовенства: председатель, протоиерей Георгий Алексеев, члены совета – протоиереи: Антоний Ангерьяс, Иоанн Мельтсаар, Николай Кокла, секретарь Совета – священник Александр Осипов (до отъезда в Ленинград)¹⁶³.

Епархии удалось добиться издания церковного календаря на 1947 год на эстонском языке. 21 декабря 1946 г. календарь вышел в количестве 5 000 экземпляров. Также, судя по имеющимся в архивных материалах сведениям, было разрешено напечатать листки для общенародного пения на Рождество, Богоявление. Отдельное благочиние (Выруское) запросило разрешение для издания листков для пения во время погребения, местный Главлит Выру просьбу

¹⁶¹ Хроника // ЖМП. 1947. №7. С. 12.

¹⁶² Речь архимандрита Исидора при наречении его во епископа Таллинского и Эстонского в Никольском соборе в г. Ленинграде // ЖМП. 1947. №7. С. 65

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 111. Л. 59.

удовлетворил¹⁶⁴. Поскольку пение с листков являлось характерной чертой эстонского православия, в архивных документах неоднократно говорится, что эстонцы стремились петь в церкви с листков, а отсутствие такой возможности называлось духовенством в качестве одной из причин перехода православных в лютеранство¹⁶⁵. Очевидно, этот аргумент был услышан, и власти согласились издать листки для пения на эстонском языке.

Середина 1940-х гг. была ознаменована в Эстонии 100-летним юбилеем ряда православных приходов. Поскольку на середину XIX в. пришелся пик движения по переходу в православие эстонских крестьян, тогда, идя навстречу возросшему числу паствы в крае, царское правительство осуществило масштабный проект по строительству храмов, переводу и изданию православной литературы для Лифляндии и Эстляндии. Итак, осенью 1946 г. в двух приходах Валгамаского благочиния торжественно отпраздновали 100-летие существования приходов¹⁶⁶.

Из отчета уполномоченного следует, что по словам духовенства, сектантство было представлено в республике целым спектром течений. Наиболее популярными были баптисты, методисты и адвентисты 7 дня, однако, в целом по республике заметного влияния на православных они не имели, поскольку деятельность этих общин носила пассивный характер¹⁶⁷. Вместе с тем по словам духовенства, Ляхнемаский уезд являлся настоящим «гнездом сектантства», поскольку помимо упомянутых сект, там присутствовали также уржанисты, евангелисты, эммануилисты и другие. Отмечалось, что в данном уезде они «подавляют» не только православие, но и традиционное для республики лютеранство, а на их заседания приезжают даже жители Таллина¹⁶⁸.

В целом же по архивным документам можно сделать вывод, что, несмотря на отдельные случаи активной агитации со стороны сектантских организаций, они старались оставаться незаметными для властей. Подобная тактика указанных

---

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 112. Л. 153.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 112. Л. 159.

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 112. Л. 154.

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 112. Л. 156.

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 112. Л. 157.

общин могла быть обусловлена позицией их руководителей, понимавших, что любая их активность приведет к закрытию молитвенных домов и репрессиям со стороны властей.

Иная ситуация была с переходом православных эстонцев в лютеранство. Эти переходы всегда имели место, хотя количество перешедших исчислялось единицами или немногим более. Кроме того, православные эстонцы, судя по данным отчетов уполномоченного, который в свою очередь ссылался на данные, полученные от духовенства, переходили в лютеранство скорее по бытовым причинам, нежели собственно религиозным. Причинами переходов прежде всего были смешанные браки, а также различие в календарях: родственники-лютеране праздновали по новой пасхалии, оставшийся в меньшинстве православный эстонец или эстонка порой вынуждены были перейти в лютеранство.

Среди возможных причин переходов православными священниками указывалась и активная агитация со стороны пасторов, и удаленность православного прихода.

Вопрос переходов неожиданно сыграл весьма значимую роль в религиозной жизни Эстонии рассматриваемого периода. Советские государственные органы с настороженностью и беспокойством реагировали на сообщения о переходе эстонцев из православия в лютеранство. Такая информация вызывала отрицательную реакцию в Совете. Выскажем предположение, что эстонское православное духовенство подробно информировало уполномоченного об этих переходах, видя активную реакцию властей, надеясь на некоторые уступки с их стороны. Очевидно, что поставленная под контроль, не имевшая в тот период связей с зарубежными странами Русская Православная Церковь была намного более предпочтительным для властей институтом, нежели традиционно сильно связанная с Западом лютеранская конфессия. Любое активное взаимодействие с лютеранами могло привести к антисоветской реакции со стороны политиков и средств массовой информации на Западе. В случае попадания документов от уполномоченного за границу, они были бы опубликованы как доказательство полной религиозной несвободы в СССР. По этим причинам интересам

атеистических властей в большей степени соответствовало сохранение православными эстонцами верности своей конфессии.

Как было показано выше, рост русскоязычного населения в Эстонии начал оказывать влияние на религиозную жизнь. В некоторых приходах промышленных районов республики фиксировался прирост прихожан за счет рабочих, прибывших на строительство из других районов СССР¹⁶⁹.

Вместе с тем, духовенство выступало с жалобами на отсутствие материальной поддержки и необходимость обслуживать 2-3 прихода одновременно. Отмечалось, что в эстонских условиях священником может стать только прирожденный крестьянин, привыкший выращивать на земле все необходимое, чтобы прокормить семью, и безусловно глубоко верующий человек, готовый осуществлять служение в столь непростых условиях¹⁷⁰. Духовенство подчеркивало, что в царские годы священникам в Эстонии назначалось материальное обеспечение, они были приравнены к миссионерам, и могли посвящать себя служению, а не возделыванию земли для обеспечения семей пропитанием.

Поднимая вопрос о православном книгоиздании, эстонское духовенство также ссылалось на засилье лютеранства. Не имея богослужебной литературы на эстонском, многие священники-эстонцы использовали лютеранскую, что приводило к распространению лютеранских идей в литургической и проповеднической деятельности¹⁷¹. Предположительно, именно такая аргументация помогла добиться издания листков для пения и календарей на эстонском языке.

Осенью 1946 г. был окончательно решен вопрос с землеустройством вокруг Пюхтицкого монастыря. Возможно, процесс ускорило принятое в Москве секретное постановление Совмина СССР от 29.04.1946, в соответствии с которым все монастырские строения и имущество религиозных организаций должны были

---

¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 112. Л. 156.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 112. Л. 160-161.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 112. Л. 160-161.

быть им переданы в безвозмездное пользование. В Пюхтице, таким образом, все нарезанные куски земли были соединены и переданы назад обители. Также был возвращен ряд построек, прежде отобранных у монастыря¹⁷². В отчете начала 1948 г. отмечалось, что после передачи прежде отчужденных земель назад монастырю их количество приблизилось к уровню периода до начала Первой мировой войны (тогда было 200 га, теперь 178.67 га)¹⁷³.

Одновременно в Эстонии проводился процесс оформления договоров с приходами о передаче им церковных зданий.

Произошедший в Эстонии случай с насильственным привлечением священника к трудовой повинности получил широкую огласку и был приведен в качестве недопустимого примера в инструктивном письме, разосланном всем уполномоченным Совета по республикам.

В документе сообщалось, что произошел недопустимый случай, имевший место со священником Кяхринского прихода Эстонской ССР В. Таломеесом, которого на глазах у прихожан вооруженные люди конвоировали на лесозаготовки. Были даны указания в Совет министров республики объявить уездным советам Эстонии, в какое время и в каком случае можно привлекать духовенство к сельхозработам. Подчеркивалось, что недопустимо оскорблять религиозное чувство верующих, и что участие в подобных мероприятиях не должно быть сопряжено с оставлением священником прихода в праздничные церковные дни¹⁷⁴.

Вместе с тем в инструкции обращалось внимание на недопустимость проведения крестных ходов из села в село, общественных молебнов, печатания акафистов, воззваний и т.д.

В связи со случаями нарушений законодательства в этих вопросах на заседании Священного Синода Патриарх Алексей I обратился к духовенству с призывом соблюдать действующее законодательство, пользоваться дарованной

---

¹⁷² ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 112. Л.163 - 166.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 38.

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 148. Л. 39.

свободой без нарушений, и не распространять церковное влияние далее разрешенного, но проявлять христианское смирение¹⁷⁵.

В январе 1947 г. несколько представителей духовенства Эстонии были награждены медалями «За доблестный труд в Отечественной войне 1941-1945 годов»¹⁷⁶ за особые заслуги при проведении церковно-патриотической работы в период войны. Список был согласован с партийными органами Эстонии и утвержден Верховным Советом ЭССР. Награду получил протоиерей Иоанн Богоявленский, будущий епископ Исидор, в тот момент еще ректор ЛДА, за оказание материальной помощи русским военнопленным во время войны. Священник сам был арестован в годы войны на месяц оккупационными властями. Напомним, как председатель епархиального совета в мае 1945 года он был отмечен благодарностью Сталина за сбор ценного металла, денежных средств в фонд семей фронтовиков, и за проведение патриотической работы.

Также были награждены протоиерей Александр Осипов, протоиерей Иоанн Мельтсаар, протоиерей Николай Кокла, протоиерей Георгий Алексеев (будущий эстонский епископ Иоанн).

Был награжден и отец Иоанн Юмарик, который обращался к крестьянам с призывом сдавать нормы поставок сельхозпродукции и организовал «красный обоз». Однако, полученная медаль не спасла отца Иоанна Юмарика от ареста. Вскоре священник был арестован по 58 политической статье и отправлен отбывать наказание. Возможно, одной из причин ареста стала активная общественная позиция. Так, в третьем квартале 1947 г. отец Иоанн обратился с письмом к уполномоченному, где выражал беспокойство по поводу антирелигиозной агитации, проводимой учителями местных школ. Протоиерей сообщил уполномоченному, что верующие опасаются нового распоряжения Министерства народного образования, приказывающего учителям проводить агитацию против конфирмации и Церкви в целом¹⁷⁷.

---

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 148. Л. 50-51.

¹⁷⁶ Д.Н.Н. Исидор (Богоявленский) // Православная энциклопедия. М. 2016. Т. 27. С. 185-188.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 69.

Танг Роман Иоаннович, второй священник Богоявленской церкви в Йыхви, также был награжден за проведение патриотической работы. О нем уполномоченный написал в Совет: «Является одним из наиболее подходящих кандидатов в епископы Православной Церкви Эстонской епархии».

Еще одну особенность эстонского православия уполномоченный описывал в своем докладе в Совет. В русских церквях служили священники русского происхождения, уроженцы северных областей России (Псков, Ленинград), а также центральных (Могилевская, Калужская, Орловская, Харьковская области), из священников русских церквей местными являлся лишь отец Павел Калинин и протоиерей Михаил Ридигер, отец будущего Патриарха Алексия II¹⁷⁸.

Статистика за 1947 год, на начало 1948 года выглядела следующим образом: православных жителей епархии насчитывалось не менее 150 тысяч, из них постоянно поддерживали связь со своими храмами около 72 тысяч человек, из которых эстонцев было 63.000 (87,5 %), русских 9 000 (12, 5 %).¹⁷⁹

За 1947 год количество церквей по сути не изменилось, но формально их число стало больше за счет признания храмами двух молельных домов и двух часовен, поскольку данные здания по сути являлись типовыми храмовыми сооружениями. Кроме того, после уточнения территориальных административных границ республик СССР, одна церковь из Псковской области была причислена к Эстонской СССР. Итого церквей - 134, монастырь - 1¹⁸⁰. Относительно количества храмов в Прибалтике Совет сформулировал свою позицию так: «дополнительного открытия православных церквей не требуется. По этим республикам следует провести через правящих епископов объединение приходов, близко расположенных один от другого»¹⁸¹.

Изменения в государственно-церковных отношениях, наметившиеся в 1948 г., отлично характеризует докладная записка Иванова-Карпову конца 1947

---

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 15.

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 20.

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 3.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267.Л. 3.

года¹⁸². Очередная докладная записка о работе инспекторского отдела Совета и уполномоченных Совета на местах была составлена заведующим инспекторским отделом, весьма влиятельным членом Совета, И. Ивановым, на имя Карпова и внимательно прочитана Председателем Совета, судя по его личным отметкам на полях текста. В документе отмечается, что ходатайства об открытии храмов в различных регионах страны продолжают поступать, и весьма настойчиво, однако они часто тормозятся местными райисполкомами. Вместе с тем, в связи с развертыванием работы по коммунистическому воспитанию народа дальнейшее открытие церковью руководители «на местах» не считали нужным. В связи с необходимостью дать указания местным партийным органам, член Совета Иванов сообщал своему руководителю, что Совету необходимо по вопросу открытия церковью и о положении и деятельности Русской Православной Церкви «получить в директивных органах линию, определяющую работу Совета в этих вопросах в данное время». Приписка, сделанная Карповым рядом с этими словами была следующей: «По-моему этот вопрос совершенно уже ясен!»¹⁸³. Новый этап в отношениях государства и Русской Православной Церкви в СССР наступил.

Принципиальных различий в составе духовенства Эстонии за 1947 г. не было отмечено, было произведено 2 рукоположения¹⁸⁴.

По вопросу о взаимодействии между конфессиями уполномоченный доложил, что для лютеран за отчетный период было совершено 109 треб. Проверяющий отчет член Совета, явно заинтересовавшись этой информацией, написал на полях: «за какое время?»¹⁸⁵.

Остановимся еще на одном важном для понимания специфической религиозной ситуации в Эстонии аспекте – процессе формирования церковных «двадцаток».

Данное мероприятие, к рассматриваемому моменту уже широко распространенное в СССР, в Эстонии вызвало, судя по отчетам уполномоченного

---

¹⁸² ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 54-55.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 54-55.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267.Л. 74-94.

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 74-94.

Карсакова, непонимание. Аргументация сводилась к тому, что эстонцы высказывали настороженность, воздерживались от активного участия в церковной жизни, кроме того, как писал Карсаков, здесь церкви никогда не закрывались, и многие без перерыва существуют уже не одну сотню лет, а потому идея формирования нового органа управления в приходах вызывала непонимание. По мнению Карсакова, в новых приходах, каковых, правда, в Эстонии практически не было, такое мероприятие имело смысл, однако, в старых – «могут вызвать нежелательные затруднения», «прошу принять во внимание местные условия, в виде исключения разрешить в Эстонской ССР заключать договора передачи храмов и культового имущества православным общинам в лице их правлений, т.е. в составе настоятеля, старосты, его заместителя и казначея», - писал уполномоченный¹⁸⁶. В ответ на это предложение Карсакова Совет разрешил ставить подписи на договорах церковным советам приходов¹⁸⁷. Вскоре, в сентябре 1947 года, Совет Министров ЭССР выпустил распоряжение за подписью заместителя Председателя Совета Министров ЭССР Н. Пусепа, обязывавшее уездные и городские исполкомы передать все здания, построенные для совершения религиозных обрядов (т.е. церкви и молитвенные дома), а также прочее требуемое имущество для тех же целей – в бесплатное и бессрочное пользование приходам» (распоряжение номер 627 от 16.09.1947 г.)¹⁸⁸.

Во второй половине 1947 г. уполномоченный сообщил в Совет, что три эстонских церковнослужителя – диакон Таллинской Казанской церкви Вячеслав Якобс, псаломщик той же церкви Ридигер и псаломщик Нарвской Воскресенской Церкви В. Сидоров зачислены на 3 курс Ленинградской духовной семинарии. Так студентами семинарии стали будущий митрополит Эстонский Корнилий (Якобс) и будущий Патриарх Алексей II¹⁸⁹.

Новые веяния в отношении государства к Русской Православной Церкви становятся заметны уже в начале 1948 года. Так, приписки на полях отчетов,

---

¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 44.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 60-68.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 74.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 74

сделанные сотрудниками Совета, отражают пока завуалированное, но вполне определенное желание сотрудников госаппарата ограничивать влияние Церкви на общество и отказывать в помощи церковным структурам. Так, на обращении уполномоченного по малосущественному в масштабах страны случаю продажи церковных свечей на сельскохозяйственных рынках, что подрывало экономику епархии, поскольку продажа производимых кустарно свечей уменьшала доход приходов, есть характерная приписка. Уполномоченный по Эстонии написал, что данная ситуация - положение со свечами - является «ненормальным», в заметке на полях значится: «для кого ненормальным?»¹⁹⁰, что прямо указывает на сознательное нежелание со стороны Совета хоть немного облегчить тяжелое экономическое положение небогатой епархии, даже наоборот. Относительно того, что некоторые приходы давно не обеспечены духовенством, инспектор Совета прямо указывал уполномоченному: «Вам не следует проявлять заботу об ускорении замещения вакантных священнических должностей. Это дело епископа, пусть он и заботится»¹⁹¹.

В ответ на неоднократные обращения игуменьи Пюхтицкого монастыря Рафаилы (Мигачевой) по поводу отпуска монастырю рыбы по наряду, Совет указал уполномоченному на необходимость в просьбе отказать, поскольку монастырь «не включается в план снабжения этими продуктами»¹⁹².

Интересным и значимым событием 1947 года явилась поездка уполномоченного в Тарту для решения вопроса о судьбе богословской литературы из собрания библиотеки Тартуского университета. Этот старейший университет Эстонии славился прекрасным собранием книг по всем областям знания. На теологическом факультете, который был рассчитан на протестантское вероисповедование, в период буржуазной Эстонии работала кафедра православного богословия. Карсаков отправился в Тарту после соответствующего распоряжения Совета (номер 1225 от 14.11.1947 г.) с «целью выяснения в

---

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 72.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 72-74.

¹⁹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 72-74.

Тартуском Университете церковно-богословской литературы¹⁹³. Выяснилось, что фонд такой литературы составляет 60-65 тысяч томов, большая часть на немецком, английском и латыни, незначительное число книг на церковно-славянском и русском языках. По мнению уполномоченного, часть книг, представлявших собой библиографическую редкость, могла быть передана духовным учебным заведениям Московской Патриархии лишь после соответствующего постановления Совета Министров СССР. Предложения Карсакова сводились к необходимости прислать специалиста для отбора книг, вывоза всей богословской литературы на всех языках в одну из московских библиотек (эти слова подчеркнуты проверявшим членом Совета), т.к. в Тарту такая литература, по его мнению, могла бы быть использована для «нелегальной подготовки пасторов»¹⁹⁴.

В день 30-летия октябрьской революции в кафедральном Галлинском Александро-Невском соборе епископ Исидор, как было принято в те годы, обратился к пастве с призывом к честному труду. Проповедь на эстонском языке прочитал протоиерей Иоанн Мельтсаар¹⁹⁵.

Как уже отмечалось, вопрос календарного стиля часто становился темой отчетов уполномоченных по Эстонии. Приходы, посещавшиеся этническими эстонцами, особенно деревенские, не были склонны переходить на старый календарь. Вместе с тем, позиция руководства Русской Православной Церкви состояла в необходимости всем перейти на единый стиль. Судя по отзывам членов Совета, этот вопрос беспокоил и их. По этой причине уполномоченные по Эстонии отслеживали ситуацию и докладывали в Совет. Так, Рождество в 1947 г. по новому стилю пришлось на рабочий день. Во многих волостях Ляхнемааского благочиния крестьяне и рабочие выехали на лесозаготовки и другие работы, священники же не совершали богослужений в этот день, «чтобы не отвлекать народ от работы». Однако, «в других уездах крестьяне в этот день праздновали», очевидно, имелось в виду, что службы проводились¹⁹⁶.

---

¹⁹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 80-94.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 92-94.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 94.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 267. Л. 94.

Протоколы заседаний Совета в 1948 г. отражают новую линию государства в отношении Русской Православной Церкви. Так, Совет рекомендовал Карпову при беседе с Патриархом рекомендовать ему дать указания епархиям о прекращении церковных служб и молебнов вне стен церквей, а также не допускать рукоположения лиц, имеющих судимости по политическим статьям¹⁹⁷.

В контексте этих решений Совет докладывал в органы госбезопасности о недавно рукоположенных священниках, «заслуживавших особого внимания, как бывших в немецком плену, в оккупации, служивших в румынской армии и др.» (Письмо Совета от 27.11.1948 г. замминистра Госбезопасности А.С. Блинову). В документе есть сведения о некоторых эстонских церковнослужителях. Подозрения вызвали диакон Аникеев Е.Е. как член семьи военнослужащего царской армии и живший на оккупированных территориях; Кирате Я.Я., рукоположенный в феврале 1948 г., служивший в царской, затем - в эстонской армии, осужденный на 5 лет в июне 1941 г., отбывавший наказание в Новосибирской области; и рукоположенный также в феврале 1948 г. Таркмеев Александр А., эстонец, служивший в эстонской армии¹⁹⁸.

Одно событие, на первый взгляд, не слишком заметное, оказало значительное влияние на церковную жизнь в Эстонии. Это – плановая проверка работы уполномоченного инспектором Совета. Такие проверки с определенной периодичностью должны были проводиться во всех республиках и областях СССР. В начале 1948 года в Таллин приехал сотрудник Совета – Арапов. Докладная записка по результатам проверки была направлена Араповым 22.03.1948 г. на имя заместителя председателя Совета С.К. Бельшева. Условия работы были признаны хорошими, ведение делопроизводства – с недочетами, но в целом удовлетворительном, была отмечена необходимость введения ставки секретаря-переводчика для работы с документами на эстонском языке. Отмечалось, что учет церквей был завершен с опозданием. В отчете инспектора фигурирует статистика. Всего церквей и молельных домов – 156 (из них – 134 церкви, 3 молельных дома, 1

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 287.Л. 38.

¹⁹⁸ ГА РФ.Ф. 6991. Оп.1. Д. 292. Л. 167. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. ЛЛ. 191-192.

монастырь), остальные церкви – недействующие, являются разрушенными в результате военных действий. Все действующие церкви открыты до 1940 года. Во время оккупации открытия церквей не происходило¹⁹⁹. Заявлений с просьбами о восстановлении разрушенных в ходе войны церквей не поступало. Богослужения на эстонском проводились в 102 приходах, на русском – в 23, смешанное (по заранее объявленному расписанию, на каком языке состоится служба) – в 13 церквях. В 138 церквях (включая монастырские и молельные дома) служили 93 священника, 45 церквей священников не имели, обслуживались посменно, содержать постоянного священнослужителя не могли.

В документе подвергнута серьезной критике работа уполномоченного Карсакова. В качестве недостатков отмечены редкие выезды в командировки по республике (1947 г. – один раз, а в 1 квартале 1948 г. – ни одного раза, по причине болезненного состояния и недостаточности средств на командировки). Несмотря на письмо Совета № 560 Карсаков «свою работу не перестроил». В качестве одного из доказательств недостаточного усердия уполномоченного называется рост посещаемости храмов и исполнения треб. В документе отмечено, что разъяснения даны, недостатки обозначены. Данная проверка сыграла весьма заметную роль в жизни епархии, о чем будет сказано ниже.

В отчете уполномоченного за 1 квартал 1948 г. среди 5 рукоположенных священников значится Якобс Вячеслав Васильевич.²⁰⁰ Будущий митрополит Корнилий (Якобс) начал свое священническое служение в родной Эстонии.

Вновь отмечался заметный прирост прихожан за счет прибывающих русскоязычных граждан из Советского Союза, учесть количество которых было невозможно, поскольку их регистрация должным образом не велась²⁰¹.

Состояние дел в епархии в целом в 1947-1948 гг. прекрасно характеризует ответ епископа Исидора (Богоявленского) от 6 февраля 1948 г. на письмо из Миссионерского отдела Патриархии. На вопрос о наличии миссионерского отдела

---

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 410. Л.1-8.

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 410. Л. 9.

²⁰¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 410. Л. 6(14).

в епархии, соответствующих курсов, библиотеки и прочего епископ Исидор ответил, что ничего этого нет, а «положение нормальным быть признано не может при существовании епархии в крае, где подавляющее большинство принадлежат к лютеранству», а епархия «сама собой является православной миссией здешнего края», условия существования епархии епископ характеризовал как «в высшей степени скудные». Владыка считал, что были необходимы разъездные миссионеры. О православных эстонцах епископ отметил, что они, присоединенные к православию около 100 лет назад, еще не впитали в себя его дух, некоторые скрывали свою принадлежность к конфессии, многие считали православие «навязанным» эстонцам извне. Указывал епископ и на большое число случаев отпадения от православия в лютеранство – 87 за год, причем иерарх уточнял, что это – те, кто официально сообщил о переходе, число же тайно перешедших в лютеранство могло быть и значительно выше. Вместе с тем, приблизительно такое же число лютеран, по имевшимся данным – 84, присоединились к православию. В целом же за счет смешанных браков и того, что детей таких родителей часто крестили в лютеранство, число православных эстонцев сокращалось²⁰².

После критики со стороны сотрудника инспекторского отдела Совета Арапова тон отчетов уполномоченного Карсакова резко изменился. Это частное событие трагически отразилось на судьбе некоторых представителей духовенства Эстонии. Несколько священников были арестованы вскоре после негативных характеристик, выданных им уполномоченным. Подробнее эти события, также как и начавшаяся дискредитация правившего епископа Исидора со стороны Карсакова, будут проанализированы во второй главе.

Таким образом, середина 1948 г. явилась тем этапом, когда наступил перелом в отношениях государства и Церкви в Эстонии. После относительно спокойного для Русской Православной Церкви периода 1945 –1947 гг. наступило резкое ухудшение.

---

²⁰² ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 410. Л. 25.

Религиозная ситуация и характер государственно-церковных отношений в Эстонии на момент окончания Великой Отечественной войны принципиально отличалась от ситуации в центральных и восточных республиках СССР. К середине 1940-х в остальном СССР Церковь уже четверть века подвергалась жестоким гонениям. Духовенство, выжившее в период антирелигиозного террора или прошедшее лагеря и тюрьмы, было хорошо знакомо с методами работы государственного аппарата и репрессивных механизмов. В Эстонии церковная жизнь протекала совершенно иначе: несмотря на решения национального правительства независимой Эстонской республики, направленные на уменьшение влияния православия в обществе, открытых гонений на Церковь не было.

Безусловно, исторические перемены в России начала XX в. затронули и православную Эстонию. После дарования Патриархом Тихоном церковной автономии правящий епископ Александр (Паулус) перешел под омофор Константинопольского Патриарха, затем снова вернулся в юрисдикцию Матери-Церкви, но с приходом гитлеровцев и вплоть до наступления советских войск вновь перешел в подчинение Константинопольского престола. Отпадение от Матери-Церкви создало прецедент, который спустя много десятилетий, в 90-е годы XX века, отозвался крайне болезненным разделением православных Эстонии на две юрисдикции. Эта ситуация сохраняется и поныне.

Оккупация Эстонии нацистской Германией поставила духовенство в очень сложное положение. Оснований активно поддерживать атеистическую советскую власть у эстонских пастырей не было. Стоит также вспомнить, что в 1940-1941 гг. советские органы госбезопасности провели в Прибалтике массовые депортации населения и репрессии. Были арестованы и погибли около 20 православных священнослужителей. В то же время поддержать фашистскую идеологию и гитлеровский режим для многих представителей духовенства Эстонии также не представлялось возможным. Вместе с тем, политика вермахта на оккупированных территориях заключалась в создании видимости полной религиозной свободы, что ввело в заблуждение многих в те годы. Очевидно, этими обстоятельствами продиктованы такие события, как например, телеграмма на имя Гитлера со словами

поддержки, направленная участниками архиерейского совещания епископов Латвии, Литвы и Эстонии в августе 1942 года²⁰³. Всем было очевидно, что неповиновение и нелояльность к нацистским оккупантам неизбежно привели бы к репрессиям. Духовенство оказалось «меж двух огней». Беспрецедентный антирелигиозный террор в СССР – с одной стороны, и бесчеловечная идеология нацизма, концлагеря по всей Европе и в самой Эстонии – с другой. Часть духовенства во главе с епископом Нарвы Павлом (Дмитровским) призывала оставаться верными Матери-Церкви, другая часть пыталась приспособиться к новым условиям. Исторические события – освобождение Прибалтики советскими войсками от фашистов и восстановление советской власти в Эстонии заставили одних, продолжая служение, с беспокойством ожидать первых решений советской власти, а других – спешно бежать из Эстонии и доживать свой век в чужих землях без своей паствы, без связи с Родиной.

Первые шаги советской власти в Эстонии в 1944-1945 гг. были достаточно осторожными. Депортации в этот период также имели место, но они носили избирательный характер.

Архивные документы позволяют сделать вывод, что, как работавший в самой Эстонии уполномоченный Совета, так и его кураторы в Москве – отдавали себе отчет в том, что недавно включенная в состав СССР Прибалтика, прежде существовавшая в условиях религиозной свободы, нуждается в особом, осторожном подходе. В этот период Совет, получив сигнал от уполномоченного о необходимости учитывать эту специфику, проявлял достаточно гибкий подход. Это касалось и печатания листовок для народного пения, и нежелания православных эстонцев создавать церковные «двадцатки», и земель Пюхтицкого монастыря, которые были в значительном количестве возвращены обители в первые послевоенные годы. Все эти вопросы были оперативно решены союзным руководством и местными партийными органами. Причинами такого подхода был период относительно благоприятных для Русской Православной Церкви

---

²⁰³ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С 410.

государственно-церковных отношений в СССР, продолжавшийся с 1943 по 1948 годы.

Начало 1948 г. ознаменовалось проверкой работы уполномоченного по Эстонии Нефёда Карсакова, в ходе которой были выявлены «недостатки» в его работе. Судя по всему, далеко не все конкретные предложения и указания по «улучшению работы» легли в основу официального отзыва, содержащегося в архивах ГАРФ. Очевидно, что наиболее важные инструкции были высказаны Карсакову лично – куратором из Москвы Араповым. Такой вывод можно сделать в результате анализа официального отзыва и последовавших сразу после визита инспектора действий уполномоченного Карсакова. Первый же документ, отправленный уполномоченным в Совет вскоре после проверки, написан совершенно иначе, нежели все предыдущие. Создается впечатление, что он составлен другим человеком. Впервые появилась критика в адрес епископа, характеристики, весьма нелюбезные, в адрес отдельных представителей духовенства. Можно сделать вывод, что критика работы уполномоченного коснулась не только качества документов и предоставляемых им в Совет сведений. Очевидно, что от Карсакова потребовали ужесточения позиции в отношении церкви и ее представителей.

К середине 1948 г. союзные власти в церковных вопросах перестали придерживаться умеренного курса. В Эстонии, где в 1945-1947 гг. религиозная политика носила в целом осторожный характер, стали проявляться общесоюзные тенденции. Наступал период, существенно отличавшийся от проанализированного выше. Общесоюзные тенденции в отношениях государства и Церкви, наметившиеся в Эстонии, вместе с тем, имели свои характерные черты, что будет показано в следующей главе.

ГЛАВА 2. 1948-1953 ГОДЫ В ИСТОРИИ ЭСТОНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ: ПЕРИОД ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

2.1. Государственно-церковные отношения в Эстонии в первые годы возобновления гонений (1948-1950)

Данный период в отношениях Церкви и государства в Эстонии характеризуется рядом существенных особенностей. Анализ событий церковной жизни Эстонии 1948-1953 гг. в сравнении с общесоюзными тенденциями взаимоотношений Церкви и государства в означенный период позволит выявить сходства и различия, и это тем более важно, поскольку именно в данный период указанные тенденции стали оказывать все более активное влияние на религиозную ситуацию в республике.

В конце 1940-х гг. произошел ряд событий, коренным образом изменивших церковную жизнь Эстонии.

Епископство преосвященного Исидора (Богоявленского) было недолгим. Начавшись в 1947 г., оно было прервано его смертью в 1949 г. В течение этого непродолжительного промежутка времени произошел перелом в отношениях государства и Церкви в СССР, что не могло не сказаться на церковной жизни Эстонии.

В течение первого года управления епархией преосвященным Исидором, как было показано выше, взаимодействие духовенства республики с уполномоченным Советом по Эстонии Н. Карсаковым носило ровный и в целом позитивный для Церкви характер. Все запросы архиерея находили ответ и реакцию, по ходатайству

уполномоченного большинство обращений воспринималось местными властями, часто выносились положительные решения.

Однако с 1947-1948 гг. отношение властей к Церкви стало меняться в весьма негативную для Церкви сторону. Тому есть целый ряд причин. Сталин еще в 1947 г. напомнил М.А. Суслову, человеку, которому предстояло еще многие годы руководить идеологической работой в партии, убежденному атеисту и яркому противнику православия, о том, что не следует забывать об атеистической пропаганде. В июле 1947 года в русле этих тенденций создается «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний»²⁰⁴. Суслов активно принялся разрабатывать основы для новой политики властей в отношении Церкви. В результате в 1948 г. было разработано постановление «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды», которое было принято в сентябре того же года и, по сути, дало официальный старт новому периоду гонений. Этап относительно благоприятный для религиозной жизни остался в прошлом, в том числе и по причине не оправдавшего надежды Сталина Всеправославного Собрания в Москве в 1948 году. Сделать Московский Патриархат лидером мирового православия в противовес Константинополю не удалось, большинство восточных патриархов не приняло участие в Собрании.

Первые меры по удушению религиозной жизни не заставили себя ждать. Под давлением государства Священный Синод принял 25 августа 1948 г. решение о запрете молебнов и крестных ходов вне храмов, запрещалось печатание в епархиях акафистов и архиерейских посланий. Началось сокращение числа приходов, процесс закрытия монастырей (за 1946 – 1947 годы число обителей сократилось со 104 до 85)²⁰⁵. С ареста влиятельных архиереев митрополита Нестора (Анисимова) и архиепископа Мануила (Лемешевского), инспектора МДА архимандрита Вениамина (Милова) в 1948-1949 годах возобновилась волна репрессий в отношении духовенства.

---

²⁰⁴ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах. С. 341.

²⁰⁵ Там же.

Возобладавшие в 1948 г. в СССР тенденции в государственно-церковных отношениях немедленно привели к изменениям в работе Совета по делам Русской Православной Церкви. На закрытых заседаниях и в материалах переписки Совета были сформулированы новые тенденции в отношениях с Церковью. Отныне было рекомендовано воздерживаться от удовлетворения большей части ходатайств верующих по вопросам открытия приходов и ремонта церковных зданий. Кампания реализовывалась под эгидой объявленного в стране «развертывания работы по коммунистическому воспитанию советского народа».

Данные сведения отражены во многочисленных архивных материалах. В документах ГАРФ имеются материалы следующей переписки. В 1948 г. на предложение сотрудников Совета запросить в «директивных органах линию по вопросу открытия церквей и деятельности Русской Православной Церкви, определяющую работу Совета в этих вопросах в данное время», председатель Совета Карпов собственноручно написал на полях документа: «по-моему этот вопрос совершенно уже ясен»²⁰⁶. Данная резолюция подтверждает изменившийся характер государственно-церковных отношений в СССР.

Событие января 1949 года, известное в новейшей церковной истории, как «саратовская купель», а точнее, реакция властей на это событие, явилась ярким примером кардинально изменившихся условий бытия Церкви в условиях государственного атеизма.

Совет в целях ослабления влияния церкви на население, наметил и проводит целый ряд мероприятий, направленных на ограничение деятельности церкви.

В республиках и областях, как сообщали уполномоченные, священники и верующие жаловались на угрозы со стороны представителей местных советских органов. В документах ГАРФ есть сведения, что местные начальники угрожали верующим закрытием церквей и невозможностью открыть новые, аргументируя это тем, что война закончилась. В рамках усиления идеологической работы с молодежью школьных учителей предупреждали о недопустимости посещения

---

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1 Д. 268. ЛЛ. 54-55.

школьниками богослужений. Появлялись сведения о том, что уполномоченные на местах стали «внимательнее проверять ходатайства об открытии новых церквей и выявлять лиц, корыстно заинтересованных в открытии церкви. Благодаря таким проверкам процент отклонения ходатайств увеличился, а в удовлетворении заявлений процент снизился до 7-8»²⁰⁷.

Одной из причин возобновления гонений, как было сказано выше, стали итоги состоявшегося в июле 1948 г. Сопещения Глав и Представителей автокефальных православных церквей в Москве, приуроченного к 500-летию фактической самостоятельности Русской Церкви. Представители Эстонской епархии также приняли участие в этом конгрессе. Современник этих событий, Патриарх Алексей II, в своей монографии вспоминал: «Как епархиальный архиерей владыка Исидор в июле 1948 возглавлял празднование православными в Эстонии 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Кульминация этого события происходила в Москве с 8 по 18 июля»²⁰⁸.

Одним из проявлений нового вектора отношений государства и Церкви, относящегося непосредственно к Эстонии, было отдельное решение по республикам, прежде находившихся под оккупацией, в числе которых была и Эстония. Был анонсирован созыв сопещения уполномоченных таких областей, в преддверии которого перед ними была поставлена задача изучать церковную обстановку, освобождать общественные здания, занятые под молитвенные дома, изучать состав священнослужителей. На практике «изучение состава священнослужителей» выливалось в поиск потенциально опасных для власти духовных лиц, прошлое которых было связано с белым движением либо со службой в царской армии (хотя в какой армии до революции мог служить подданный Российской империи?). Совет в своих директивах рекомендовал искать среди священников лиц, бывших в немецком плену, в оккупации, либо служивших в Румынской армии²⁰⁹. Полученные от уполномоченных сведения о таких лицах

---

²⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 269. Л. 39.

²⁰⁸ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 434.

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 292. Л. 167., Д. 410. Л. 46.

впоследствии были направлены Советом заместителю министра Госбезопасности СССР А.С. Блинову (письмо от 27 ноября 1948 г.).

Так, по Эстонии в тот момент была отправлена информация о следующих церковнослужителях: Аникеев Е.Е., из семьи военного царской армии, кочегар, в 1941 г. был мобилизован в Советскую армию, ранен, позже как инвалид нигде не работал, после освобождения Эстонии от фашистов работал в порту экспедитором, был посвящен в сан диакона в 1948 г. Не совсем ясно, что именно в этой биографии показалось подозрительным настолько, чтобы отправлять сведения в Москву.

Те, кто был осужден советским судом, безусловно, навсегда попадали в списки подозрительных и впоследствии часто составляли так называемую категорию «повторников», т.е. повторно судимых²¹⁰. Среди эстонцев, в частности, в списке значился прежде осужденный в 1941 г. и отбывший наказание в Новосибирской области Кирате Я.Я., рукоположенный в священники в 1948 г. Также сообщалось о служившем в эстонской армии, а затем проработавшем много лет стрелочником гражданине Таркмеес А.А., рукоположенном в 1948 г.

Проверка деятельности уполномоченных по республикам обычно осуществлялась сотрудниками центрального аппарата Совета. Инспекторы Совета приезжали в республики или районы и в течение нескольких недель проверяли документацию, беседовали с сотрудниками разных ведомств. Результаты таких проверок обсуждались на кустовых совещаниях уполномоченных, обычно приводились конкретные примеры с указанием фамилий, отмечались успешно работавшие уполномоченные, подвергались критике те, кто допускал ошибки.

Именно с такой проверкой прибыл в Таллин сотрудник Совета Арапов. Однако, поскольку данная проверка проходила уже в тот период, когда в СССР был взят курс на сокращение влияния Церкви в обществе, очевидно, проверяющий был настроен оценивать работу уполномоченного в свете новых тенденций. Возможно,

---

²¹⁰ Подробнее об этом см.: *Непочатова М.И.* Судьбы представителей эстонского духовенства в годы антицерковных гонений как пример духовного и нравственного подвига // Материалы международной научно-практической конференции «Седьмые Пюхтицкие чтения. Духовно-нравственное воспитание человека: традиции и современность». Эстония, 2018. С. 304-309.

свою роль сыграло и некоторое недовольство в Совете материалами, приходившими из Эстонии.

Проверка работы уполномоченного выявила ряд упущений в работе. Насколько можно судить по имеющимся в наличии документам, тон отчета, хотя и содержал негативные характеристики, не был нацелен лично против Карсакова. Возможно, Арапов не все свои выводы внес в протокол, но проверка имела серьезные последствия для уполномоченного. В адрес Карсакова полилась критика Совета. Однако, нас интересуют прежде всего изменения в церковной жизни Эстонии. Сразу после проверки тон отчетов Карсакова принципиально изменился. Уполномоченный теперь демонстрировал свое стремление способствовать сокращению влияния православия в республике.

Главной его мишенью стал правящий епископ Исидор. Внезапно в отчетах уполномоченного стали появляться цитаты из представителей эстонского духовенства с жалобами на то, что епископ уделяет недостаточное внимание «эстонским приходам», требующим особой поддержки, не пользуется уважением в епархии и т.д. Так Карсаков направил в феврале 1949 года в Совет записку о епископе Исидоре, в которой содержались следующие характеристики: «не владея эстонским языком, он не желает объясняться со священниками - эстонцами, не знающими русского языка, даже через переводчика. На неоднократные приглашения эстонских священников посетить их приходы в дни престольных праздников епископ Исидор всегда отвечает отказом. Посещает он исключительно русские приходы, на что выражается большое недовольство среди православных эстонцев». В характеристике на епископа уполномоченный обращал внимание на то, что в автобиографии епископ не указал, где находился в период между 1912 и 1920 годами, тем самым намекая на наличие «подозрительных» фактов биографии архиерея²¹¹.

Уполномоченный по сути инициировал кампанию против епископа. Вероятно, Карсаков рассчитывал, что таким образом вызовет недовольство

---

²¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 63. Л. 6-7.

епископом в Совете, там добьются его смещения или перевода в другую епархию, что отвлечет внимание московского начальства от недостатков в собственной работе уполномоченного.

Так, уже в отчете за 2 квартал 1948 г. даны характеристики на вновь прибывших в епархию церковнослужителей, в частности, на архимандрита Алипия (Ивлева). Подробно приводится биография архимандрита: до революции служил унтер-офицером в царской армии, стал послушником, затем – священником, в 1931 г. был арестован органами ОГПУ и осужден на 5 лет, отбыл наказание на Беломор-Балтийском канале, после возвращения жил в Туле, в 1942 г. был повторно арестован органами НКВД и осужден на 5 лет. Освободился в 1947 г., жил в Туле у племянницы. По приглашению епископа Исидора (эти слова в документе подчеркнуты, очевидно, проверявшим отчет сотрудником Совета) прибыл в Эстонию и 17 июня 1948 г. был назначен сверхштатным священником при Пюхтицком монастыре.

Также уполномоченный давал характеристики на священников, которые могли представлять интерес для органов госбезопасности как осужденные в годы советской власти. Речь шла о священнике Василии Веревкине, дважды арестованном в родной для него Орловской области в 1932 и 1933 годах, затем в 1937-1941 гг. После оккупации немцами города Болхов, как докладывали сотрудники органов госбезопасности, «был поставлен там священником, бежал с семьей вместе с немцами в Эстонию, где как священник был приписан к Таллинской Семеновской церкви, ездил в лагерь Пылькюда для отправления церковных служб и треб для беженцев из СССР». Затем был назначен священником в Никольскую церковь Таллина, где и продолжал служить на момент составления отчета.

Другой фигурант отчетов, священник Валерий Поведский, уроженец Калининской области, клирик Скорбященской церкви Таллина и Пюхтицкого подворья в Таллине, работая инструктором Орловского завода, согласно отчету «вошел в преступную связь с руководителями антисоветского церковного подполья и тайно был посвящен в сан священника. При отступлении немцев из

Орла бежал с ними в Таллин, где, работая священником, распространял провокационные слухи о гонении на религию в СССР».

Отец Валерий был известным в Эстонии священником, настоятелем Таллинской Никольской церкви. Москвич, ученик отца Алексия Мечева, «он оказался в Эстонии не по своей воле, а был вывезен немцами в лагерь под Таллином, он был хорошим духовником»²¹².

В связи с нападками со стороны уполномоченного, епископ Исидор вынужден был обратиться за помощью к церковному начальству. Безусловно, жаловаться на притеснения не имело смысла: опытный пастырь очевидно понимал, что отношение государства к Церкви приняло новый характер и даже церковное священноначалие было не в силах изменить ситуацию. Однако архиерей предпринял попытку обозначить проблему и обратить внимание Патриархии на действия уполномоченного Карсакова. В письме от 13 июня 1949 года из Москвы уполномоченному сообщали, что на приеме в Совете был управляющий делами Московского Патриархата протоиерей Николай Колчицкий, который доложил, что епископ Исидор жаловался на несколько случаев следующего характера. Уполномоченный Карсаков давал согласие на регистрацию того или иного священника в Соборе, а через два дня отказывался давать разрешение, говоря, что после проведенной проверки такое разрешение дать не может. В документе далее значится, что Совет рекомендовал учесть данную жалобу и проводить регистрацию духовенства после получения проверочных сведений о регистрируемом²¹³.

В личном деле Епископа Исидора имеется его письмо на имя председателя Совета Карпова Г.Г., написанное после последовавшей в 1949 году смерти уполномоченного Карсакова. Как само письмо, так и ответ Карпова дают четкое понимание характера взаимодействия между архиереем и уполномоченным Совета.

«Глубокоуважаемый Георгий Григорьевич! Продолжительное отсутствие уполномоченного в республике после смерти Карсакова вызывает застой многих

---

²¹² *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 460.

²¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 568. Л. 16.

необходимых дел. Я хочу обратиться к Вам по следующему вопросу. При назначении новых священников я имел обыкновение всегда осведомиться о согласии на это уполномоченного. В настоящее время мне требуется посвятить 2 новых священников: профессора Рожкова и Давидовича. Рожков подал прошение и автобиографию, я подал уполномоченному, а он вскоре умер. Я все время ожидал назначения нового, и вот уже больше 4 месяцев <...> Позволяю себе обратиться к Вам за указанием: как мне поступить в данном случае? Быть может, достаточно будет только моего назначения до прибытия нового уполномоченного? При сем прилагаю для ознакомления биографии обоих кандидатов. Ваш покорный слуга, Исидор, епископ Таллинский и Эстонский».

29 ноября 1949 г. Карпов отправил епископу Исидору свой ответ: «Вопросы, затронутые в Вашем письме, относятся Вашей компетенции»²¹⁴.

В течение 1948 г. были рукоположены 5 человек. Сведения о большинстве из них как о неблагонадежных, были направлены в Совет: Якобс Вячеслав Васильевич (впоследствии митрополит Таллинский и всей Эстонии), Киратс Яков Яковлевич, Таркмеев Александр Адович, Ярвесалу Николай Тихонович, Кярк Петр Иванович.

Данные по «переходам» из православия в лютеранство и наоборот, приведенные в документах по сведениям Карсакова, которые, впрочем, ничем не аргументированы, вряд ли можно воспринимать всерьез. Неясно, как именно уполномоченный мог отследить этот процесс в масштабах республики, если духовенство рассказывало, что даже сами пастыри не всегда знали, перешел ли тот или иной в лютеранство или наоборот, ведь данный процесс чаще всего проходил латентно. Прихожанин начинал посещать храм соседней конфессии, редко извещая официально об этом своего бывшего духовника.

Вместе с тем как раз в этот период внимание Совета было обращено на вопрос «переходов». в церковные дела. Увеличение числа лютеран за счет перехода из православия не соответствовало интересам правящих кругов в СССР.

---

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 63. ЛЛ. 8-9.

Характер и причины переходов в целом остаются недостаточно исследованным феноменом. Безусловно, часть переходов была обусловлена бытовыми причинами, прежде всего смешанными браками и недоступностью православного прихода в отдаленной сельской местности для православной «половины» семьи и близким расположением, к примеру, лютеранского прихода. Такие переходы можно характеризовать как вынужденные, по бытовым мотивам. Имели место и переходы, которые можно условно назвать «сознательными». Тут в качестве причины можно отметить отсутствие контакта сельской эстонской части прихожан с пастырем. Не владеющие русским языком, эстонские крестьяне или рыбаки порой не могли общаться с русскоязычным священником. До революции этот вопрос старались решать, проводя специальные курсы эстонского языка или активно рукополагая этнических эстонцев. С середины 1940-х ситуация усложнилась по понятным причинам. Среди возможных причин указывается нежелание эстонских архиереев заниматься проблемой чисто эстонских приходов. В результате неприятия коренными жителями республики священников, незнакомых с эстонской спецификой и не владеющих языком, некоторая часть мирян переходила в лютеранство.

Итак, Совет в письме от 30.10.1948 г. проявил крайнюю заинтересованность информацией о переходах из лютеранства в православие и наоборот, упрекнув уполномоченного в том, что им вопрос с переходами «никак не объяснен», и потребовал заняться его тщательным изучением. Последовал ответ уполномоченного, в котором приводились мотивы перешедших в православие местных жителей: что православие – истинная вера, а лютеранство – немецкая вера, созданная немцем Мартином Лютером, холодная и т.п. Данный пассаж сопровождается характерным для тех лет комментарием, что, когда об этих присоединениях было доложено епископу Исидору, но он отнесся «пренебрежительно».

Никаких других конкретных фактов и сведений при этом не сообщалось. Очевидно, что Совет не особо беспокоило внимание епископа Исидора к успехам

и проблемам эстонского духовенства. У Карсакова просто не было других фактов, которые могли бы очернить эстонского епископа в глазах московского начальства.

В этот же период уполномоченный обратился в Совет с вопросом о продлении прописки в городе Таллине двум представителям духовенства. Речь шла о священниках Михаиле Ридигере (отце будущего Патриарха Алексия II), тогда – настоятеле Казанской церкви Таллина, а также о протодиаконе Симеоновской церкви Иосифе Лонгинове. Обстоятельства жизни этих церковнослужителей должны были обратить на себя внимание членов Совета. Про отца Михаила сообщалось, что он – потомственный дворянин, белогвардеец, а в период фашистской оккупации Эстонии «под контролем немцев» вел миссионерскую работу среди заключенных. Относительно протодиакона Лонгинова уполномоченный докладывал, что, будучи «белогвардейцем», из Ленинградской области он «бежал в 1919 году вместе с остатками армии Юденича», а в 1941 «отказался» эвакуироваться из Эстонии в тыловые районы СССР с семьей, которая выехала без него.

В ответ на запрос уполномоченного о согласии или запрете на прописку данных церковнослужителей Совет разъяснил, что паспортные ограничения могут применяться к «прежде судимым», а эти граждане, как несудимые, «под директиву не подпадают»²¹⁵. Что в действительности означало бы для этих двух церковнослужителей отказ в регистрации в Таллине – нетрудно понять. Немедленный отъезд с семьями в сельский храм, где священство испытывало намного более серьезные затруднения, чем в столице республики. Протоиерей Михаил был бы лишен своего прихода, своей паствы, которую окормлял на протяжении многих лет.

Во второй половине 1948 г. в республике было отмечено увеличение посещаемости храмов, что не могло не вызвать недовольства в Совете с учетом наметившихся общесоюзных тенденций в отношениях государства и Церкви.

---

²¹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 410. Л.93. См. также: Непочатова М.И. К истории церковно-государственных отношений в Эстонии в 1948-1952 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». 2018. № 81. С.81-90.

Весьма важным с точки зрения Совета в 1948 г. также был вопрос о влиянии проводимой в Эстонии коллективизации на духовенство республики. Судя по всему, в Москве рассчитывали на серьезное ухудшение положения церковнослужителей. Уполномоченного призвали обратить особое внимание на позицию и действия духовенства при проведении коллективизации и о всех, заслуживающих внимания действиях, информировать Совет²¹⁶.

Важнейшим фактором стало создание в республике в 1948 г. первых колхозов. Архивные материалы свидетельствуют, что к концу 1948 г. в республике был уже 341 колхоз. Незамедлительно возникла проблема вступления в колхозы священников.

В первые годы после установления советской власти на территории Эстонии многие представители сельского духовенства были лишены значительных участков земли. Эти наделы были им необходимы для выживания в условиях отсутствия материальной поддержки приходов и уменьшения количества прихожан в сельских храмах. После начала коллективизации для сельского духовенства встал вопрос о вступлении в колхоз. Так, согласно архивным документам, вступить в колхоз хотел священник Иоанн Вярк, однако ответом на его обращение был отказ. Начали поступать жалобы и от других священников²¹⁷. Епископ Исидор (Богоявленский) и протоиерей Георгий Алексеев обратились к уполномоченному за разъяснениями, Нефед Карсаков в свою очередь направил запрос в Совет, откуда ответили, что священникам, как гражданам, не лишенным избирательных прав, не запрещено вступать в колхозы, но при условии принятия их в члены хозяйства на общем собрании колхозников²¹⁸.

Очевидно, что данное условие была предусмотрено неслучайно. Партийные функционеры понимали, что отношение к священству не везде положительное и надеялись, таким образом, прямо не запрещая вступление в колхоз, поставить препоны духовенству в этом вопросе. Было понятно, что без членства в колхозах

---

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 717. Л. 72, 83.

²¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 717. Л. 83.

²¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 410. Л. 97.

выжить на селе священникам будет сложно. Только члены коллективного хозяйства могли пользоваться колхозной землей для производства сельхозпродукции. Граждане, не состоявшие в колхозах, должны были претендовать на участки земли «из свободных земель госфонда» и «на общих основаниях». Партийное руководство надеялось таким образом, по существу лишив возможности священников иметь землю для обработки, вынудить их «переходить на другую работу», что в редких случаях, но происходило в Эстонии, однако, не носило массового характера.

Вместе с тем в 1948 г. произошло и позитивное для церковной жизни событие. Было разрешено печатание 1500 экземпляров нотных пособий для «упорядочивания пения церковных хоров» в эстонских православных приходах. В материалах дела значится, что в данный период возникла проблема: певчие постепенно забывали православные напевы и использовали лютеранские, в связи с чем и возник вопрос о соответствующих пособиях. Этот факт показывает, в 1948 г. в Эстонии советская власть готова была идти навстречу пожеланиям верующих лишь в узко-церковных, незначимых вопросах. В принципиальных же – чинились разнообразные препятствия. Общесоюзные тенденции стали активнее проявляться в церковной жизни Эстонии.

Так, в это время вопрос о чудотворных источниках, борьбу с посещением которых объявили в СССР, стал актуальным и в Эстонии. В отчете за 4 квартал 1948 года уполномоченный Карсаков направил в Совет подробную справку о Пюхтицком источнике, расположенном за воротами монастыря, где значилось, что активность паломников в монастыре наблюдалась в дни праздника Успения, который традиционно отмечался в обители по «новому» календарю 15 августа. Вместе с тем отмечалось, что количество паломников по рабочим дням постепенно снижалось.

2.2. Изменения в религиозной жизни Эстонии в 1949 г.

Наступление 1949 года ознаменовалось тем, что были приняты сразу несколько постановлений, оказавших негативное воздействие на церковную жизнь в СССР. Совет по делам РПЦ направил в Совет министров СССР документ «о дальнейшем ограничении деятельности Русской Православной Церкви».

Относительно деятельности монастырей в СССР между Советом, Правительством и ЦК КПСС летом 1949 г. велась активная переписка, направленная на сокращение числа обителей в СССР, и по данным, приведенным в письме Совета в ЦК «С 1944 по 1948 годы был ликвидирован 21 монастырь»²¹⁹.

Практическая реализация этих планов отразилась в документе от 10 сентября 1949 г., где значилось, что теперь порядок аренды монастырских помещений (кроме храмов и церквей), принятый на всей территории СССР, будет распространяться и на обители Прибалтики и Молдавии. Также были приняты меры для дальнейшего сокращения числа монастырей и количества насельников в каждом с целью приостановки увеличения общего числа монашествующих²²⁰.

Во второй половине 1949 г. главным вопросом уполномоченный считал судьбу Пюхтицкого Успенского женского монастыря. Он направил в Совет подробные справки о новых насельницах обители, пытался проанализировать причины, приведшие девушек в монастырь, высказывал подозрения в «агитации» со стороны духовенства, пребывающего из Таллина в Ленинград, внес следующее предложение: «Желательно, чтобы от Патриарха поступило запрещение приема в монастырь молодежи».

Также уполномоченный сообщал о фактах порочного поведения некоторых пюхтицких насельниц, не приводя при этом конкретных источников информации.

²¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 453. Л. 273-283.

²²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 453. Л. 267.

Проверявший отчет член Совета отреагировал на эти факты следующим комментарием на полях текста: «В разговоре с кем призналась? (послушница)».

Присутствие в монастыре летом мужчин-богомольцев также было признано уполномоченным подозрительным. Показательно, что прежде этот факт, по поводу которого к уполномоченному уже поступали жалобы из монастыря, не вызывал никакого интереса.

Складывается впечатление, что уполномоченный теперь искал поводы для раскручивания кампании по закрытию монастыря. Карсаков отмечал, что если бы приток молодежи в монастырь прекратился, а по старости убыли бы оставшиеся, то вопрос о закрытии встал бы «сам собой», так как, по его мнению, закрытие монастыря было «крайне необходимо»²²¹.

Игуменья монастыря в этот же период обратилась с жалобой на завышенное налогообложение обители. Запрос был направлен в министерство финансов республики, откуда в первом квартале 1949 года последовал ответ, что все расчеты произведены правильно²²².

Трагические события ознаменовали церковную жизнь Эстонии в 1949 г. Начались аресты духовенства.

В мае 1949 был арестован архимандрит Алипий (Ивлев) (Александр Иванович Ивлев). Несколькими месяцами ранее уполномоченный Карсаков направлял в Совет информацию о прежде дважды судимом архимандрите, который был приглашен в Эстонию епископом Исидором и, по выражению Карсакова, «укрывался» в Пюхтицком монастыре. 4 февраля 1948 г. указом епископа архимандрит был назначен в Пюхтицкий монастырь и оставался духовником обители вплоть до своего ареста. Вероятно, именно вследствие поступившей от уполномоченного информации, архимандрит Алипий был повторно арестован. Арест был произведен органами госбезопасности Эстонии. Обвинение было

---

²²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д.568. Л. 19.

²²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д.568. Л. 16.

выдвинуто по «политическим» статьям 58-10 и 58-11²²³. Есть сведения, что архимандрит скончался 29 января 1950 года в лагере для заключенных²²⁴.

25 марта (по другим сведениям - 25 сентября) 1949 года был арестован священник Иоанн Вярк. 20 мая 1952 года он скончался на поселении в Псковской области²²⁵. 4 августа 1949 г. был арестован и осужден на 15 лет протоиерей Феликс Иванович Ремберг, настоятель церкви в Удувере. Он был освобожден и вернулся в Эстонию в 1955 году, скончался в 1975²²⁶.

9 декабря 1948 года был арестован и осужден на 10 лет протоиерей Михаил Тапп, настоятель церкви острова Кихну. Священник был освобожден и вернулся в Эстонию в 1955 году, скончался в 1963.²²⁷

Другой пример. Епархиальное управление запросило согласие властей на рукоположение в священники в Эстонской епархии и служение в Пюхтицком монастыре Рожкова Александра Никитича, жителя Ленинграда, человека, личного знакомого с епископом Исидором. Уполномоченный писал в Совет: «Считаю, что желание Рожкова <...> неслучайное, он ищет место, где можно спрятаться от следственных органов, а может быть и заниматься черными делами, а епископ Исидор в женском монастыре дает приют и укрывает всякого рода проходимцев старого времени вроде Ивлева. По этому вопросу мною ведется проверка»²²⁸. Как видно из приведенной цитаты, запрос о назначении священника на вакантную (после ареста архимандрита Алипия) должность вылилось в очередные обвинения в адрес епископа Исидора со стороны уполномоченного.

Вместе с тем из внутрицерковных событий того периода стоит отметить образование двух новых благочиний: Ингевамаа и Иыхвимаа. Этот факт показывает, как руководство епархии старалось оптимизировать церковную жизнь в республике.

²²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 568. Л. 20.

²²⁴ *Зарецкий В., диакон, Иванен А.В.* Духовенство и церковные труженики, репрессированные в годы советской власти в Эстонии. // «Мир православия» номер 8(161), 2011. Электронный ресурс: www.baltwillinfo.com. Дата обращения 27.12. 2019.

²²⁵ Там же. См. также: *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 430.

²²⁶ *Зарецкий В., диакон, Иванен А.В.* Духовенство и церковные труженики...» Дата обращения 27.12.2019.

²²⁷ Там же.

²²⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 568. Л. 19, 21.

Неординарное событие произошло в этот период в церковной жизни республики. Секретарь Епархиального Управления священник Николай Кокла сообщал, что его посетили «заместитель епископа Эстонской Лютеранской церкви и пастор Раплаской церкви и заявили о заинтересованности учением православной церкви как учением древнего христианства. Пасторы приводили в качестве аргумента тот факт, что они остались без всякой связи с другими лютеранскими церквами в Европе и потому намерены контактировать с Русской Православной Церковью. Возможность присоединения к католикам была пасторами отвергнута буквально следующими словами: «Не дай Бог! Католики поглотили полностью всех присоединившихся, мы надеемся, что православная церковь оставила бы нам некоторые формы богослужения, усвоенные нами»²²⁹. В документе ситуация сопровождается следующим комментарием относительно эстонского лютеранского духовенства: «Та часть лютеранского духовенства, которая относилась враждебно к православной Церкви, ликвидирована или уехала с фашистами в Германию или выбыла из состава духовенства. Остались пасторы молодой генерации. Пастор Сааг ездил в прошлом году в Ленинград, где имел беседу с профессором Духовной Академии протоиереем А. Осиповым <...> Первым конкретным шагом для получения сведений о Русской Православной Церкви является намерение епископа Киивет посетить Епархиальное Управление и поговорить с протоиереем Георгием Алексеевым. К сожалению, они и большинство пасторов русским языком не владеют и лично поговорить с епископом Исидором не могут»²³⁰. Судя по отсутствию сведений о дальнейшем развитии ситуации, можно предположить, что языковой барьер или иные препоны не позволили добиться формального сближения. Вместе с тем, с 1948 – 1949 года регулярные контакты с представителями Эстонской евангелическо-Лютеранской церкви стали традиционными²³¹.

---

²²⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 568. Л. 23.

²³⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 568. Л. 30.

²³¹ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 435.

Последний месяц 1949 года ознаменовался трагическим событием для православной Эстонии: 18 декабря 1949 г. скоропостижно скончался епископ Исидор (Богоявленский). Патриарх Сергей запросил материалы по обстоятельствам кончины архиерея. Был дан ответ, что смерть наступила в результате кровоизлияния в мозг. Насколько можно судить по имеющимся материалам, до последней минуты жизни епископ занимался делами епархии²³².

Пытаясь охарактеризовать период его недолгого руководства епархией отметим, что иерарх столкнулся с целым рядом проблем, которые явились следствием отсутствия возможности со стороны Патриархии поддерживать эстонские приходы, как это было в царские годы. С некоторым отчаянием епископ писал в своих отчетах, что епархия является своего вида Миссией в эстонском крае. Это вполне соответствовало действительности. За исключением десятка приходов в крупных городах, большое число храмов в сельских областях нуждалось в постоянной финансовой помощи для поддержания своей жизнедеятельности, что и осуществлялось в царские времена. Также требовались пастыри со знанием эстонского языка. Всего этого в распоряжении Владыки не было. Невозможность кардинально исправить бедственное положение епархии и стало, очевидно, одной из причин для критики в адрес епископа, которую уполномоченный приписывал в своих отчетах представителям эстонского духовенства. Критика в основном сводилась к недостаточной заботе об эстонской части духовенства, невнимании к специфическим проблемам чисто эстонских приходов и недостаточно активному стилю управления епархией, редким поездкам в отдаленные храмы. Данные претензии содержатся в отчетах уполномоченного Карсакова, направленных им в Совет. Нельзя однозначно сказать, насколько соответствовали действительности сами факты обращения священников к уполномоченному с целью критики своего архиерея. Предполагаем, что, обнаружив недостаточную лояльность к себе со стороны епископа, уполномоченный мог инспирировать подобные жалобы, с

---

²³² *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 436.

целью добиться замены «неудобного» архиерея, и одновременно отвлечь этим внимание Совета от недостатков в собственной работе.

Епископ Исидор руководил епархией совсем непродолжительное время, около 2 лет. Безусловно, в тех тяжелых условиях, в которых она в тот период существовала, об успехах речи не шло. Церковная жизнь испытывала неизбежные трудности. Власти проводили мероприятия, направленные на сокращение посещаемости, снижение церковных доходов. Введение коллективизации больно ударило по деревенскому духовенству. Денег у епархии не было, поддержка из Патриархии была явно недостаточной. Неизбежно могли быть недовольные таким положением вещей.

Также нужно отметить, что в выводах комиссии, созванной для ревизии дел в епархии после внезапной кончины епископа Исидора и направленной из Ленинграда по поручению митрополита Григория (Чуйкова), содержатся в заключении следующие отрицательные факты: «В епархии имеется ряд возмутительных случаев разложения приходов пьянствующими священниками, против которых необходимы самые жесткие меры» (в акте отмечено 6 таких приходов). Комиссия по Эстонской епархии предлагала приблизить руководство епархиального управления к приходам, чаще бывать на местах, а не «отсиживаться в столице»²³³.

Эти рекомендации старались исполнять последующие эстонские епископы.

Вместе с тем необходимо отметить примеры принципиальной и мужественной позиции епископа Исидора, рукополагавшего в епархии прежде судимых духовных лиц и кандидатов во священники из других епархий.

Очевидец этих событий, Святейший Патриарх Алексей II отмечал, что служение епископа Исидора в Эстонии как священника длилось не одно десятилетие, и он прекрасно знал нужды епархии, был инициатором восстановительных работ в храмах после войны, помогал Пюхтицкому монастырю. Патриарх писал: «Большим подспорьем в исполнении всего задуманного было

---

²³³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 602. Л. 25-26.

освобождение епархии от установленного священноначалием денежных взносов на общецерковные нужды, которые все епархии обязаны были посылать в Москву, введение бесплатного обучения в духовных семинариях и академиях Русской Православной Церкви для кандидатов из Эстонии, по окончании принимавших священный сан, а также выплаты пенсий престарелым и больным священнослужителям епархии за счет средств центрального пенсионного фонда Церкви»²³⁴.

После смерти уполномоченного Н. Карсакова в Эстонию спустя несколько месяцев был направлен новый уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви А. Тарасов.

2.3. Церковная жизнь Эстонии в период 1950-1951 годов

Епископская кафедра оставалась вдовствующей после кончины епископа Исидора вплоть до марта 1951 г. Для окончательного уяснения всех имеющихся в епархии проблем и принятия решения по кандидатуре епископа была создана специальная комиссия, о которой мы упомянули выше. В результате работы комиссии были намечены три кандидата на эту должность. В документе приводятся те факты биографий кандидатов, которые представлялись наиболее важными в контексте избрания епископа. Так, в биографии священника Романа Иоанновича Танга значилось: «Священник с 1931 г... среди верующих пользуется авторитетом, владеет эстонским и русским языками, эстонец, в данное время настроен патриотически». «Кандидатура Танг для викарного епископа для Эстонской Епархии соответствует». Далее новый уполномоченный по Эстонии Тарасов

---

²³⁴ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 433-434.

написал в своем отчете следующее: «по данному вопросу свое мнение, как уполномоченный высказал, положительное». На полях документа есть следующая приписка проверявшего отчет члена Совета: «Кто дал т. Тарасову право на такие высказывания? Резолюция вверху документа: «Карпову доложено. Т. Тарасов вызывается для дополнительного инструктажа (Иванов)». Как видим, прямое вмешательство уполномоченного в обсуждение кандидатов на место епископа весьма обеспокоило членов Совета. Было доложено самому Карпову.

Вторым кандидатом являлся протоиерей Винк Христофор Иванович, о котором сообщалось, что муж его дочери – служащий политической полиции периода независимости Эстонии, был репрессирован. Вторая дочь священника – балерина. Тарасов писал про кандидата: «Недостаточно авторитетен, к Московской Патриархии настроен недоброжелательно, участник раскола». И снова высказывал свое мнение по кандидатуре: «Мое мнение по данной кандидатуре отрицательное»²³⁵.

Третьего претендента, благочинного и настоятеля Валгаского Исидоровского собора, эстонца протоиерея Иоанна (Мельтс) Уполномоченный характеризует как крайне пассивного, кандидатура которого «не соответствует», тем более что в Эстонии «имеется засилие лютеранского течения».

Далее Тарасов делает вывод по ситуации в целом. «С назначением ТАНГ авторитет Православной Церкви перед лютеранством будет постепенно подниматься». Любопытна следующая фраза в отчете: «Имеется договоренность с председателем Комиссии Осиповым, что результат обследования после систематизации материалов будет в копии выслан мне»²³⁶.

Грубое вмешательство нового Уполномоченного во внутрицерковный вопрос вызвало беспокойство в Совете, Тарасов был немедленно вызван в Москву. О недопустимости подобных ошибок практически на каждом собрании и кустовом совещании повторяли члены Совета. Впоследствии проступок Тарасова широко обсуждался в Совете. Тогда председатель Совета Г. Карпов написал председателю

---

²³⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 19.

²³⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 19.

СМ ЭССР письмо, где пояснялась причина вызова в Москву Тарасова: «взял на себя несвойственные Уполномоченному функции одобрять назначение епископа <...> неуместно сослался на заявление, сделанное якобы заместителем Председателя Совета Министров ЭССР, что данная кандидатура (ТАНГ) была бы принята с глубоким удовлетворением» (письмо от 1.04.1950)²³⁷.

Обращает на себя внимание та скорость, с которой профессор-протоиерей Осипов наладил взаимодействие с ново назначенным уполномоченным. В доступных архивных материалах не удалось обнаружить ни одного документа, где бы Осипов хотя бы косвенно вспоминался в негативном ключе. Это тем более интересно, что в том или ином контексте негативные отзывы и характеристики встречаются на многих священнослужителей, либо с чьих-нибудь слов цитируются отрицательные отзывы, факты биографии представителей духовенства. Осипов не характеризуется никак, несмотря на его достаточно высокий статус. О нем ничего не говорится, просто констатируются факты взаимодействия с ним, достигнутые договоренности. Никакие вопросы, запросы по Осипову не передавались в Москву. Создается впечатление, что ответственные сотрудники Совета, знали, что Осипов сотрудничает с органами госбезопасности. Возможно, Тарасов знал, что перед ним – сотрудник «работающий под прикрытием», и потому так доверительно обсуждал с Осиповым весьма деликатный вопрос кандидатуры епископа.

Скоропостижная кончина епископа Исидора поставила руководство Патриархии перед непростой проблемой: найти среди небольшого числа эстонских священнослужителей достойного кандидата на епископскую кафедру. Кроме всего прочего, кандидат должен был обладать пониманием специфики местных проблем, и, что самое непростое, владеть эстонским языком. Из архивных документов ясно, что некоторые священники-эстонцы из отдаленных сел, так же, как и прихожане этих церквей, вовсе не говорили по-русски, другие владели слабо, и это делало невозможным эффективное управление епархией для не владеющего эстонским епископа. Кроме того, существовала проблема переходов эстонцев из православия

---

²³⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 20.

в лютеранство и такой фактор, как назначение епископа, не знающего местных традиций и не говорящего по-эстонски, как справедливо могли опасаться в Москве, усилило бы этот процесс.

Как материалы ГАРФ, так и другие архивные фонды содержат ряд документов, в которых стремление видеть эстонца на Таллинской кафедре выражали миряне, духовенство республики, епархиальный совет Эстонии, и митрополит Ленинградский²³⁸.

Помимо назначения епископом эстонца, митрополит Григорий предложил еще ряд мер: введение практики постоянного посещения архиереем приходов и налаживания с ними живой связи, постепенно постараться «привить вкус» православным эстонцам к восточному календарю, убеждать эстонское духовенство не стыдиться своей православной веры и не подражать лютеранам, минимизировать общение с последними, в проповеднической деятельности чаще разъяснять особенности православного богослужения и Таинств, широко использовать церковную литературу, изданную в прежние времена²³⁹.

Очевидно, что результаты работы комиссии содержали ряд рекомендаций по улучшению работы епархии и решение о том, что наилучшим кандидатом следует признать протоиерея Романа Танга.

Патриарх возложил временное управление Эстонской епархией на митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова). По предложению митрополита Священный Синод учредил Таллинское викариатство в составе Ленинградской епархии и определил протоиерею Роману Тангу, настоятелю Богоявленского храма Йыхви, быть епископом Таллинским, викарием Ленинградским. При пострижении в монашество было сохранено прежнее имя ставленника. 16 апреля 1950 г. отец Роман был хиротонисан во епископа. Посвящение совершили Патриарх Алексей I, митрополит Григорий и епископ Лужский Симеон²⁴⁰.

²³⁸ Петров И. Православная Балтия 1939 – 1953 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб, 2016. С. 287.

²³⁹ Петров И. Там же. С. 287-288.

²⁴⁰ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 436.

Почти год преосвященный Роман оставался викарным епископом, это время он провел в тесном сотрудничестве с митрополитом Григорием, что, очевидно, явилось для епископа важнейшим опытом управления церковной жизнью.

Епископ Роман (в миру Роман Иоганнович Танг) родился в 1893 г. в эстонской семье в Аренсбурге, на эстонском острове Сааремаа. Среднее образование получил в родном городе, потом обучался в Москве на Московских Общеобразовательных курсах, трудовую деятельность начал в судебном ведомстве Аренсбурга. В 1920-е гг. приступил к служению в церкви в качестве чтеца и певчего. После изучения пастырских дисциплин, сдал экзамены, и в 1931 г. принял целибатом сан диакона, затем пресвитера в Богоявленской церкви местечка Йыхви²⁴¹, на востоке Эстонии, рядом с Пюхтицким монастырем. С марта 1933 по июнь 1940 г. отец Роман был священником в Успенском Пюхтицком женском монастыре, а затем снова служил в йыхвиском Богоявленском храме.

Новый уполномоченный Тарасов своей задачей считал отслеживание четкого соблюдения советского законодательства о культах и выявление нарушений со стороны священнослужителей Эстонии. Новый уполномоченный сообщил совершенно секретным письмом Совету о фактах нарушения со стороны местных советских органов в отношении духовенства, что приводило к жалобам и недовольству со стороны верующих. Примеры: незаконное обложение налогом на бездетность монаха при наличии соответствующего постановления, незаконное выселения священника с женой и детьми из части квартиры, а затем и из всей квартиры. Член Совета Иванов в ответ просил сообщить о мерах, принятых руководством Совмина ЭССР по фактам нарушений²⁴².

Важным событием в истории взаимоотношений государства и Церкви в Эстонии стало празднование Пасхи 1950 г. Архивные материалы содержат сведения, направленные уполномоченным в Москву о том, что храмы епархии, расположенные в крупных городах, были в тот день переполнены.

²⁴¹ Мянник С. Архиепископ Роман. 40 лет со дня кончины.// Ежемесячная газета «Мир Православия», 2003, № 6. Электронный ресурс: www.baltwillinfo.com, дата обращения – 21. 01.2018.

²⁴² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д.717. Л. 12-14.

Согласно одной из директив Совета уполномоченные должны были присылать отчеты о праздновании Рождества, Крещения и Пасхи. Совет интересовала посещаемость, состав верующих, присутствовала ли молодежь и дети на праздничных богослужениях, не было ли нарушений законодательства, случаев хулиганства. Также интересовало содержание проповедей.

По сообщению уполномоченного Тарасова, в день Пасхи 1950 г. Александровский Собор в Таллине был настолько переполнен при своей вместимости в 3000 человек, что 50% верующих, как докладывал уполномоченный, находились вне здания. В крестном ходе приняли участие молодежь и военные. Похожая ситуация наблюдалась и в Казанской церкви Таллина, где около 30-35 % молящихся составили молодежь и военные (письмо от 12.04.1950).

Также Тарасов докладывал о ситуации с настоятелем Никольской церкви в Копли – протоиерее Василии Веревкине. В распоряжении уполномоченного оказались две жалобы со стороны псаломщика и сторожа Никольской церкви, содержавшие обвинения в адрес священника в антисоветской деятельности. В связи с поступившими жалобами уполномоченный направил подробные сведения в Совет: о судимостях протоиерея, о совершении треб в концлагере для русских пленных в годы войны²⁴³.

Уже не в первый раз с момента освобождения Эстонии от фашистов и прихода советской власти к уполномоченному поступали жалобы со стороны православного духовенства о мобилизации на лесозаготовки, в то время как лютеранских пасторов, согласно заявлениям православного духовенства, власти к таким работам не привлекали. Вновь поступило несколько подобных обращений духовенства и в 1950 г.²⁴⁴. Уполномоченный сослался на невозможность для духовенства уклоняться от исполнения гражданских обязанностей, за исключением больных и нетрудоспособных. Все остальные были обязаны исполнять трудовые повинности на общих основаниях.

---

²⁴³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д.717. Л. 28.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д.717. Л. 37.

В тот же период настоятель Казанской церкви г. Таллина, священник Михаил Ридигер, обращался к уполномоченному по вопросу, который беспокоил многих прихожан. Люди просили разрешения причащаться в период нахождения на лечении в городских больницах. Руководство медицинских учреждений в таких случаях отвечало отказом. Священник М. Ридигер просил разрешить вопрос таким образом, чтобы не было жалоб со стороны верующих. Уполномоченный ответил, что проведение таинства разрешается, но в отдельной комнате больницы²⁴⁵.

Протоиерей Александр Осипов, работавший в те годы секретарем Епархиального управления, судя по архивным текстам, явно настроенный на контакт с уполномоченным, сообщил ему особые сведения по Сааремаскому благочинию. Со слов Осипова, «под руководством благочинного ЛИНД православное течение там разваливается, Линд возглавляет группировку, которая кроме лютеранской ориентации носит темный и политический характер», «проводят националистическую политику, лютеранизируя православную веру. Лютеранствующие – духовенство острова плюс сектанты – заставляют обратить на себя серьезное внимание»²⁴⁶. Как видно из данных архивных материалов, Осипов целенаправленно расправлялся со священником, не приводя никаких конкретных сведений.

В бумагах, переданных Осиповым уполномоченному, содержится также упоминание об особом статусе территорий данного благочиния: остров Сааремаа имел особое стратегическое значение, поскольку являлся приграничной зоной²⁴⁷.

Тарасов рьяно взялся за дело. Новый курс государства в отношении Церкви, судя по всему, заставлял уполномоченного работать с удвоенной энергией. Новый уполномоченный докладывал в Совет о своем намерении предложить председателю Епархиального Совета протоиерею Георгию Алексееву «спустить указание по благочиниям на предмет проведения строгой учетности действующих церквей согласно положения»²⁴⁸. На самом тексте документа сверху надписано

---

²⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 40.

²⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 30.

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 31.

²⁴⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 31.

карандашом: «разъяснить товарищу Тарасову, что предложений тем более таких делать нельзя. Какой учет у них и есть ли вообще нас не касается. А им не должно быть известно о размахе нашей работы»²⁴⁹. Проверивший отчет сотрудник Совета этими словами оставил для исследователей важное подтверждение того, насколько опасались сотрудники Совета доказательств истинного характера деятельности уполномоченных, часто сопряженной с грубым вмешательством во внутренние дела Церкви. Огласка методов и «размаха» работы Совета старательно пресекалась. Неосторожность в этом вопросе стала для уполномоченного Тарасова роковой.

В другой ситуации документ, подготовленный Тарасовым, также вызвал недовольство в Совете. Когда протоиерей Георгий Алексеев поставил вопрос о том, что около 60 процентов приходов находятся в бедственном положении из-за низкой посещаемости сельским населением, Тарасов передал в Совет слова священника о снижении религиозности в таких приходах. Сотрудник Совета сделал Тарасову письменное замечание, пояснив, что такие вопросы ставить нельзя²⁵⁰.

Среди тенденций в церковной жизни данного периода особо следует отметить аресты представителей духовенства. Возобновившись на территории Эстонии в 1949 г., они продолжались. Так, 25 апреля 1950 органами МГБ был арестован священник Пярнуской Преображенской церкви Юмарик Иоанн Иоаннович, благочинный Пятнумаского уезда. В докладе уполномоченного Тарасова в Совет от 11 мая 1950 г. отмечено, что священник «арестован за систематическую антисоветскую деятельность»²⁵¹. Отец Иоанн был известным в Эстонии пастырем, горячо любимым своими прихожанами. Впоследствии священник отсидел в сталинских лагерях несколько лет, вернулся в Эстонию и еще многие годы окормлял свою паству. Когда епископом в Эстонии стал будущий Патриарх Алексей II, он перевел отца Иоанна вторым священником в кафедральный Александро-Невский собор.

---

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 41-44.

²⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 44.

²⁵¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 48.

В июне последовали события на острове Сааремаа. Был закрыт приход Богоявленской церкви в местечке Меннусте. В протоколе заседания Совета от 7.06.1950. значилось, что здание церкви расположено в 30 м от места главного старта аэродрома, 20-метровая колокольня, по мнению партийных чиновников и военных угрожала безопасности полетов авиации...затрудняла обеспечение надлежащей охраны этой техники. Приход был малочисленный, около 40 человек, церковь постоянного священника не имела, богослужения совершались нерегулярно. Церковь была снята с регистрации²⁵².

В 1950 г. случилось прежде нехарактерное для спокойной Эстонии событие – разгром и осквернение неизвестными Кохилаской церкви благочиния Харьюмаа. В архивных материалах значится, что, поскольку ценные предметы не были похищены, целью нападавших не было ограбление.

МГБ СССР доложило в Совет, что хулиганы органами милиции в тот же день были установлены, арестованы и привлечены к уголовной ответственности²⁵³. Столь стремительное раскрытие преступления вызывает недоумение, однако, обращает на себя внимание тот факт, что власти стремились в короткие сроки и показательно строго (уголовная ответственность) наказать преступников. Этими действиями они намеревались показать, что государство сурово и неотвратимо карает виновных в таких деяниях.

Недопустимые действия по вмешательству во внутрицерковные дела уполномоченных Карсакова, а затем и Тарасова обсуждались в Совете на уровне руководства. Сотрудник Совета Иванов доложил председателю Совета Карпову, что беседовал с руководством СНК Эстонии о недопустимости вмешательства во внутрицерковные дела и грубых ошибках в работе, допущенных Карсаковым и Тарасовым. Иванов напомнил своему руководителю, о каких действиях идет речь: Карсаков рассылал циркулярные письма по благочиниям, на основании полученных таким образом данных уполномоченный потом составлял свои отчеты. Вопросник этих писем был составлен по секретным циркулярам Совета. Таким

---

²⁵² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 68.

²⁵³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 71.

образом, писал Иванов, Карсаков «раскрыл духовенству содержание работы Уполномоченного и Совета», «действия Карсакова грубо нарушают основные указания по работе Совета», а именно - «не быть обер-прокурором в отношении церкви».

Вопросник содержал пункты о состоянии религиозности, доходности духовенства и приходов, патриотической деятельности, исполнения религиозных обрядов, о количестве верующих, об отношении верующих к духовенству и т.д.

Советом было принято решение: «чтобы эти циркуляры не попали во вражеские руки, их изъять, причем проделать это надо очень толково»²⁵⁴. Эта фраза, написанная предельно откровенно, подтверждает, что религиозная политика СССР периода первых послевоенных лет осуществлялась достаточно осторожно. «Вражеские руки», которых опасались в Совете, могли передать документы в западную печать, и это явилось бы серьезнейшим доказательством грубого вмешательства государства в дела Церкви в СССР, нарушения советского же законодательства.

Неоднократно упоминались в материалах Совета и просчеты Тарасова, в частности то, что он давал несвойственные ему указания: что члены епархиального совета должны преодолеть сибаритство и прекратить управлять епархией с помощью циркуляров, что они должны посещать приходы и управлять их жизнью, для чего необходимо приобрести машину «Победа». Вызвали негодование в Совете и высказывания уполномоченного о том, что он «приветствовал бы назначение епископом Танга», что «кандидатура Танга была бы принята с удовлетворением в правительственных кругах». По сути Тарасов указывал духовенству на того кандидата, который устроил бы власти, не предполагая возможности самостоятельного принятия решения по этому вопросу церковными структурами.

В документе Совета относительно действий Тарасова содержится следующий вывод: «Эти действия нельзя рассматривать иначе, как вмешательство во внутрицерковные дела и как мероприятия по укреплению православной церкви

---

²⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 717. Л. 65-67.

в Эстонской ССР, что совершенно не входит в обязанности уполномоченных и идет вразрез с указаниями по вопросу отношений уполномоченных с церковными органами». Далее следует совсем неутешительный для уполномоченного, но вполне логичный вывод: «Совет беспокоит, может ли Тарасов выполнять обязанности»²⁵⁵.

При этом относительно судьбы циркуляров, которые разослал по епархии предыдущий уполномоченный Карсаков и которые Совет потребовал изъять, Тарасов доложил, что у большинства благочинных он эти циркуляры изъясил, а оставшиеся пока у священников 4 экземпляра попросил епископа Романа изъять и вернуть. Позднее Совет в письме от 1 августа 1950 г., посвященном различным аспектам деятельности уполномоченного, потребовал срочно доложить, изъяснены ли оставшиеся экземпляры и переслать изъятые в Совет. Разумеется, указание покойного Карсакова о предоставлении подобных отчетов было отменено²⁵⁶.

Действия эстонского уполномоченного Н. Карсакова Председатель Совета Г. Карпов охарактеризовал следующим образом: «грубо вмешивался во внутри-церковные дела», «проявил полную потерю бдительности»²⁵⁷.

Что касается уполномоченного Тарасова, то за него вступился эстонский Совет министров. Тарасов был вызван в Москву, в Совет по делам РПЦ, где с ним был проведен инструктаж. Согласно архивным материалам, Тарасову было разъяснено, что подобные действия недопустимы. В дальнейшем Совет интересовался, все ли разосланные циркуляры были изъяснены и требовал переслать их все в Москву (письмо от 1.08.1950 за № 799). Совет министров ЭССР заверил Совет, что после подробного инструктажа в Совете и при том условии, что Тарасов чаще будет согласовывать действия с Советом, Совмин ЭССР будет уделять больше внимания работе уполномоченного.

Таким образом, Совет по сути переложил ответственность за оценку действий уполномоченного и за решение о его пребывании в должности на

---

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 66.

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 66.

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 602. Л. 47.

руководство Эстонии, которое, в свою очередь, устами секретаря ЦК КП(б) Эстонии Й.Г. Кэбина, отметило, что ошибки уполномоченного могут происходить от прежнего руководства совета министров и компартии ЭССР, в чем они постараются разобраться. Данный пример показывает, что ответственность за деятельность уполномоченных в республиках могла вполне распределяться между Советом и местной властью²⁵⁸.

Оценивая актуальные вопросы церковной жизни в Эстонии в 1950 г., Совет полагал самым важным изучение перемен в жизни духовенства в связи с переменами на селе. Предлагалось обратить особое внимание на то, как духовенство «будет перестраиваться в новой для него обстановке». Совет просил уполномоченного заниматься этим вопросом подробно (письмо от 01.08.50)²⁵⁹. Этот интерес очевиден. «Новая обстановка» предполагала ухудшение жизни сельского духовенства, предполагалось, что многие священники «перейдут на гражданскую работу».

Вторая половина 1950 г. была ознаменована рядом важных событий в церковной жизни Эстонии.

Главным из них была хиротония в сан епископа архимандрита Романа (Танга).

Среди изменений в составе духовенства республики следует отметить рукоположение 17.04.1950 в сан священника Ридигера Алексея Михайловича, будущего Святейшего Патриарха Алексия II. В 1949 г. Алексей окончил семинарию, продолжил обучение в Ленинградской духовной академии, был рукоположен в сан священника и назначен настоятелем Богоявленской церкви г. Йыхви, той самой, где несколькими годами ранее служил протоиерей Роман Танг, поставленный епископом.

Из других заметных событий церковной жизни можно отметить обращение настоятеля Обиницкой церкви священника А. Таломееса вместе с группой верующих из 20 человек с просьбой о постройке новой церкви взамен того

---

²⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 66.

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 72.

помещения, где находился приход на тот момент. Богослужения проходили на этаже здания, где также находилась 7-летняя школа. Ранее, как поясняли подписанты, им было обещано, что церковной общине будет предоставлено другое здание, однако, предполагаемый для церкви дом в деревне Корски нуждался в серьезной перестройке, чтобы можно было приспособить его под церковь, а перестройка эта обошлась бы дороже, чем сама церковь²⁶⁰. Прихожане и священник в своем обращении просили добиться от Правительства СССР разрешения на постройку нового храма. Эту церковь, писали они в заявлении, «желаем построить при Обиницком кладбище на участке между деревней и кладбищем. Участок принадлежит государственному Земельному Фонду». Подписали петицию 20 человек. Уполномоченный доложил в Совет, что настоятелю Таломеесу было разъяснено и рекомендовано с постройкой здания новой церкви воздержаться, «так как надобности в этом нет»²⁶¹. История прихода далее складывалась следующим образом. Вскоре после вступления в управление епархией епископ Роман приехал в Обиницу, где к тому моменту церковное здание было отдано школе, а приходу предложено другое здание. Епископ новым зданием был удовлетворен, предложил священнику начинать работу по переводу церкви в новое здание²⁶².

В 1950 г. в Пюхтицком монастыре пытались добиться сокращения налоговой нагрузки, которая в тот период применялась повсеместно властями для экономического удушения обитателей. Игуменья Рафаила (Мигачева) обратилась в связи с неправильным налогообложением на строения и земли монастыря со стороны Йыхвимааского финотдела. Минфин ЭССР сообщал, что монастыри освобождены от уплаты налога со строений и земельной ренты. Таким образом, монастырь от ренты, суд по всему, был освобожден.

Вскоре после своего поставления епископом Роман (Танг) выехал в Пюхтицы для ознакомления с жизнью монастыря²⁶³.

---

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 81.

²⁶¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 82.

²⁶² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 92-96.

²⁶³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 92.

Сразу после начала проведения первых мероприятий по коллективизации на селе к уполномоченному стали поступать неоднократные обращения священников с жалобами по поводу изъятия из пользования священнослужителями земли и о возврате земли для обрабатывания²⁶⁴. Священниками приводилась следующая аргументация: «бедные приходы не могут существовать, т.к. источником доходов священника была земля». Тарасов в связи с этим докладывал в Совет: «Разъяснено: земля по типовому договору не закрепляется и в виде зарплаты не выдается». Уполномоченный рекомендовал обратиться в земельные органы исполкома на предмет получения земли вне колхозного массива на общих основаниях.

В самые короткие сроки Тарасов отрапортовал, что появились первые результаты коллективизации: «значительно изменяется материальное состояние духовенства с отходом церковных земель в колхозы». Однако далее следует вывод, который вряд ли мог бы обрадовать сотрудников Совета: «вследствие чего изменяется их отношение непосредственно к религиозным вопросам в сторону активизации церковной деятельности» (в тексте эта фраза подчеркнута проверяющим отчет сотрудником Совета).

Тарасов докладывал, что по данному вопросу священник Линд, который уже прежде становился фигурантом отчетов эстонского уполномоченного, «высказал с удовлетворением следующее»: «Наконец могут пастыри духовные посвятить истинно работе духовной, так как теперь мы все в прямом смысле «духовные пастыри» по сравнению с тем, что прежде делили духовную работу с земледельческой, которая отрывала много времени. У приходов больше нет земли и оттого единственным полем работы является – церковь»²⁶⁵. В этих словах представителя духовенства читается глубокое презрение к атеистической власти и убежденность в том, что сложности не сломят эстонское духовенство. И действительно, как мы увидим впоследствии, практически ни один представитель духовенства не покинул своей паствы даже в таких тяжелых условиях. Аналогично высказывался в разговоре с уполномоченным и Вырумааского благочинный Хинтс:

---

²⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 83.

²⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 91-92.

«Духовенство постаралось сделать все, чтобы чаще удовлетворять религиозные потребности и запросы верующих». Также активизировалась работа по ремонту зданий церкви. Ремонты производились почти во всех благочиннических округах ЭССР²⁶⁶.

Остро стоявшая для Эстонии проблема церковных зданий в сельских областях в середине 1950 г. выразилась в постепенном изъятии, формально, на законных основаниях, церковных или занимаемых верующими зданий в тех сельских населенных пунктах, где приходы по сути почти прекратили свое существование. Власти ссылались на новое районирование в Эстонии и изменение границ районов. Вместо прежнего деления в Эстонии было образовано 39 районов, и, соответственно, новым администрациям этих районов потребовались помещения. Претензии на церковные помещения со стороны местных властей стали учащаться. Так, в сентябре 1950 г. в исполком местечка Тырва поступила информация о ходатайстве в СМ ЭСССР и к уполномоченному о необходимости аннулировании договора на аренду дома площадью 182 метра, где в большом помещении совершались православные богослужения, а в остальных проживал священник с женой и располагались складские помещения. Уполномоченный доложил в Совет, что богослужения проводятся редко, а число молящихся 3-4 человек²⁶⁷. С его слов, надлежащего ремонта давно не проводилось. Было принято решение о передаче здания исполкому с предоставлением приходу меньшего по площади здания²⁶⁸.

В уезде Пярнума, в местечке Калласте также были высказаны просьбы передать бывшее школьное здание, находящееся в ведении церковной общины верующих, также в распоряжение исполкома. Мотивировка приводилась следующая: «Религиозная община в настоящее время помещением не пользуется, тогда как в помещении имеется крайняя необходимость». Уполномоченным было разъяснено: «Бывшее школьное здание отношения к церкви не имеет и таковое в

---

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 92.

²⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 102.

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 103.

договор включено неправильно. Возражений к использованию школьного здания по назначению нет»²⁶⁹.

В 1950 г. кроме закрытия Богоявленского храма на острове Сааремаа, Андреевская церковь в Таллине была слита с Александро-Невской, была снята с регистрации Введенская церковь в Таллине, как филиал Пюхтицкого монастыря.

Также произошло слияние двух православных приходов в один в г. Пярну, второе помещение было решено отдать «в общее пользование общин сектантов г. Пярну», что могло дать возможность высвободить 3 помещения, занимаемые общинами сектантов²⁷⁰.

Тяжелым событием для церковной жизни Эстонии в 1950 г. стал снос часовни в центре Таллина. Уполномоченный Тарасов доложил в Совет, что заместитель председателя исполкома г. Таллина Горемыкин поставил вопрос о сносе православной часовни по ул. Пикк и Олевимяги ввиду расширения названных улиц²⁷¹. Тарасов сообщал, что произведенной проверкой установлено: часовня была построена в 1909 г., исторической ценности не имела, в настоящее время не использовалась, на регистрации не состояла. Исходя из вышеизложенного, Тарасов считал возможным разрешить вопрос о сносе положительно. Для окончательного решения материал был передан в Совет Министров ЭССР²⁷².

В среде духовенства республики происходили следующие события. Бывший священник Константин Федорович Каус подал заявление епископу о назначении его на приход в качестве настоятеля. Тарасов сообщал в Совет сведения о биографии священнослужителя: до 1948 г. был священником, потом поступил на работу в Эстонский государственный мужской хор, затем работал председателем артели, после ликвидации артели – заместитель Председателя Потребкооперации поселка Ристи по снабжению.

Священник Ольтер, согласно докладу Тарасова, имел намерение снять сан священника. С 1944 г. был настоятелем прихода, сан совмещал с должностью

---

²⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 103.

²⁷⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 103.

²⁷¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 105.

²⁷² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 105.

начальника отделения связи г. Тярва, был уволен в мае 1949 г. в связи с хищением 20 тыс. государственных средств почтовым сопроводителем Оя²⁷³.

Произошли существенные кадровые перестановки в среде духовенства епархии. Протоиерей Иоанн Стратанович был освобожден от обязанностей настоятеля Александро-Невского кафедрального собора и был назначен настоятелем Воскресенской Церкви г. Нарва.

Протоиерей Георгий Алексеев был освобожден от обязанностей настоятеля Николаевской Церкви г. Таллина и назначен настоятелем Таллинского Александро-Невского кафедрального Собора²⁷⁴.

В этот период посещаемость церквей была неравномерная: многие эстонские сельские приходы пришли в запустение и даже прекратили свою деятельность (в Ляяне-Хийуске благочинный - священник Николай Кокла докладывал, что из 14 приходов благочиния жизнеспособным был на тот момент только один – в г. Хаапсалу), в Харью-Ярваском благочинии Благочинный Н. Кокла считал все приходы нежизнеспособными²⁷⁵.

В связи с тяжелым положением малых приходов епископ Роман старался как можно чаще посещать их. Так, во время одного из первых посещений отдаленных районов Тарту-Иыгеваского благочиния епископ Роман, наряду с православными приходами, совершил всенощное бдение в единоверческой Троицкой церкви. По распоряжению архиерея за этим богослужением соблюдались некоторые характерные черты единоверия – хождения «посолонь», двоеперстие и др. Молящихся пришло около 500 человек, что для периферийного района республики весьма значимое количество²⁷⁶.

Новые тенденции в управлении епархией проявились вскоре после вступления епископа Романа в должность в апреле 1950 года. Так, фактически прекратилась деятельность Епархиального Совета, хотя официально он на тот момент не был упразднен. Судя по архивным материалам, сначала число членов

---

²⁷³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 106.

²⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 106.

²⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 113.

²⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 119.

Совета было сокращено до двух: председатель протоиерей Георгий Алексеев и секретарь, священник Николай Кокла. Прежние члены Совета - протоиереи Иоанн Мальтсар и Иоанн Стратанович вследствие перевода в другое место службы выбыли в Пярну и в Нарву соответственно. Текущие епархиальные дела, как докладывал в Москву уполномоченный, решались резолюциями епископа. В нужных случаях епископ Роман вызывал на консультацию председателя Епархиального Совета или секретаря, а чаще – обоих. Вопросы назначения и перемещения настоятелей церквей, сообщал Тарасов Совету, осуществлялись только после утверждения их митрополитом Ленинградским²⁷⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что стиль управления епархией после кончины епископа Исидора и временного отсутствия собственного епархиального архиерея претерпел существенные изменения. Влияние митрополита Григория (Чукова) на церковную жизнь в Эстонии было весьма значимым, фактически епархия была под усиленным контролем со стороны Ленинградского Преосвященного. Роль епархиального совета была заметно редуцирована, фактически его работа была сведена к техническим функциям.

Одной из специфических эстонских проблем первых послевоенных лет были подозрения в недостаточной лояльности местного духовенства к советской власти. В отчетах уполномоченного неоднократно отмечалось, что в Эстонии националистические проявления «имеют место до настоящего времени, в отдельных случаях это отражается и на духовенстве Русской Православной Церкви», также отмечалось, что в годы войны в епархии «разжигался антагонизм с русскими»²⁷⁸. В связи с подобными подозрениями уполномоченный Тарасов сформировал некий список из представителей духовенства, которыми по его выражению был «засорен» кадровый состав епархии. Таковым, по словам Тарасова, был благочинный священник Николай Кокла, который в период оккупации был членом «реакционной клики синода митрополита Александра». Отец священника был бывшим членом Синода, владельцем типографии, в которой

---

²⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 120-122.

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 148.

в годы оккупации печаталась, по сведениям уполномоченного, антисоветская литература. Сам священник и его отец, по сведениям Тарасова, вели пропаганду, активную националистическую работу по «расколу православной церкви в Эстонии и отрыву ее от Московского Патриархата». Упоминается у Тарасова и священник Георгий Алексеев, в годы оккупации также якобы активно помогавший немецким властям, «разъезжая по лагерям военнопленных в группе: Лозинский, Стратонович, Рахманин, Ридигер, Якобс»²⁷⁹. Далее в списке значился протоиерей Христофор Винк, бывший участник Ярославского мятежа, в период оккупации активно выступавший с антисоветскими проповедями. Муж его дочери был репрессирован как бывший служащий политической полиции. Также шла речь о Веревкине Василии Васильевиче (уже не в первый раз уполномоченный направлял в Совет биографию этого священника), который был дважды арестован в 30-е гг.

Повторно докладывал Тарасов в Совет о других подозрительных, на его взгляд, церковнослужителях: Поведский Валерий Владимирович, Стратонович Иоанн – бывший белогвардеец.

Священник Иоанн Юмарик был арестован в 1950 г. за антисоветскую деятельность.

Упоминался и Чернов Иван Феодорович, активный член церкви, церковный староста. Бывший офицер белой армии, являясь старостой Казанской церкви г. Таллина якобы «проводил антисоветскую работу». В ноябре 1950 г. он был арестован органами МГБ²⁸⁰.

В 1950 г. впервые, как видно из анализа архивных данных, нависла реальная угроза над Успенским женским Пюхтицким монастырем. Уполномоченный по Эстонии запрашивал Совет, возможно ли рассматривать вопрос о слиянии Пюхтицкого монастыря с Рижским женским монастырем или наоборот²⁸¹. Это слияние, а по сути - закрытие монастыря вполне вероятно произошло бы в начале

---

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 151.

²⁸⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 152.

²⁸¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 160.

1950-х годов, если бы не директива Совета, повлиявшая в тот момент на судьбу обители.

Также Тарасов спрашивал Совет, какие конкретно мероприятия может провести уполномоченный в случае невыполнения общиной верующих договора по содержанию церкви, о возможности проведения мероприятия по закрытию церкви самим епископом²⁸².

Создавая основу для будущего закрытия слабых приходов, Тарасов, указывал в отчете за 1950 г., что из 132 церквей фактически действующими в Эстонии можно считать 120, поскольку в некоторых, в основном находящихся на кладбищах, богослужения производятся несколько, а иногда и один раз в год, эти приходы «двадцаток» не имеют, часто приписаны к другим действующим приходам²⁸³. Так, приходские общины 8 церквей уполномоченный предлагал безотлагательно снять с регистрации²⁸⁴.

В тот же период произошло ожидаемое событие в церковной жизни республики. Епископ Роман поднял вопрос о ликвидации Епархиального совета как созданного в 1944 году в помощь управляющему Эстонской епархией. Данный совет надлежало, согласно приведенному в материалах мнению епископа, распустить, как устаревшую форму руководства, сохранив должность секретаря епископа Таллинского и должность референта по эстонским делам. Возражений со стороны уполномоченного данная информация не встретила. Как написал Тарасов в Совет по делам РПЦ, «данное мероприятие не будет содействовать укреплению деятельности церкви»²⁸⁵.

В 1950 г. закрылась православная община на эстонском острове Вормси. Здание церкви было построено в 1889 г. Жителями острова были преимущественно шведы. В результате миссионерской работы в период царской России они перешли в православие. Церковная служба проводилась на шведском языке. В период фашистской оккупации шведы переселились в Швецию. Остров Вормси немецкие

---

²⁸² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 160.

²⁸³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 165.

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 169.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 178.

власти заселили эвакуированными разных национальностей. Как сообщал уполномоченный, «после очистки острова активных церковников остались единицы, в следствие чего православная община самоликвидировалась»²⁸⁶. «Очистка» острова, очевидно, представляла собой репрессии в отношении населения.

Характерной эстонской чертой церковной жизни оставались сложности в работе так называемых «двадцаток». Эстонцы не понимали и даже не принимали этот формат. Так, священник Николай Кокла попросил епископа ходатайствовать перед уполномоченным, чтобы разрешить в отдельных случаях состав двадцатки снизить до пяти человек²⁸⁷, потому что «в свое время заключение договора с 20-ткой была лишь иллюзия, священники выполняли распоряжение епархиальной власти избежать закрытия церквей, создавая двадцатки даже из лютеран и лиц соседних приходов. Некоторые в двадцатках махнули на церковь рукой, вступили в колхоз и стали безбожниками»²⁸⁸.

Из негативных для православной жизни республики тенденций следует упомянуть факты активных переходов из православия в лютеранство. Так, за 1949 г. из православия в лютеранство перешло 173 человека прихожан и два священника-эстонца: Август Руус и священник по фамилии Вахер. За 1950 – перешло 149 человек. Приводятся суммы взносов по квитанциям у лютеран и этими взносами поясняется причина благополучного состояния лютеранских приходов²⁸⁹.

В связи с ожиданиями, что процесс закрытия приходов в республике продолжится, Совет пояснял уполномоченному процедуру снятия с регистрации действующих церквей. «Снятие с учета церквей и молитвенных домов, в которых фактически нет службы более 6 месяцев по причине отсутствия священника или по другой причине, может производиться только с согласия Совета, для чего уполномоченные должны представить в Совет соответствующее заключение»²⁹⁰.

---

²⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 181.

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 183.

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 183.

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 717. Л. 183-184.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 601. Л. 123.

В связи с данным вопросом Совет давал уполномоченному инструкцию, как провести снятие с регистрации, а фактически - закрыть храм быстро и без протестов со стороны населения. Рекомендовалось: «чтобы не возбудить религиозную активность» о снятии с учета не следует ставить в известность как зарегистрированную общину, так и епископа или заменяющее его лицо, не следует отбирать справки о регистрации приходской общины и ставить вопрос о расторжении договора на здание, за исключением случаев, когда действительно существует необходимость использования здания для культурных или хозяйственных надобностей, в случае если приходская община особой активности не проявляет, договор может быть расторгнут решением облисполкома или в случае обращения епископа о регистрации священника в данной церкви или молитвенном доме, можно воздержаться от регистрации, ставя в известность епископа, что священник не может быть зарегистрирован, т.к. церковь фактически не действует более полугода»²⁹¹.

В данный период Совет выпустил некоторые поправки к своим же решениям, которые повлияли на ситуацию в Эстонии. Совет признал, что «несколько увлекся ограничительными мероприятиями, когда вошел в Правительство с предложением о сокращении некоторого количества монастырей». «Так, учитывая особенности политической обстановки в некоторых советских республиках и областях (Прибалтийские ССР, Молдавская, западные Области УССР и БССР) и тот факт, что там в течение 1949-50 гг. проходила коллективизация сельского хозяйства, Совет дал указание о проведении ограничительных мероприятий в этих республиках и областях только лишь в рамках указаний Московской патриархии по данному вопросу»²⁹².

Очевидно, этот циркуляр повлиял на ситуацию в Эстонии, а именно, на судьбу Пюхтицкого монастыря в тот период. Фактически распоряжение сделало невозможным дальнейшие мероприятия по слиянию Пюхтицкого монастыря с

---

²⁹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 601. Л. 124.

²⁹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 601. Л. 39.

Рижским или закрытие обители. Однако, спустя несколько лет вопрос снова будет поднят.

Отдельные циркуляры по «западным областям» означали, что столичное начальство отдавало себе отчет в специфической «политической обстановке» в недавно присоединенных областях до такой степени, что по ним по сути было принято отдельное решение: те антицерковные мероприятия, которые проводились в «тыловых» районах СССР, в тот период проводить в Прибалтике, Молдавии, Украине и Белоруссии не решались.

Несколько раз церковная ситуация в маленькой республике становилась предметом упоминания или обсуждения в Совете на различных совещаниях. Судя по архивным материалам, стиль работы подразумевал публичное обсуждение на закрытых заседаниях ситуаций в различных республиках, для обмена опытом и профилактики ошибок, которые были допущены в работе одного из уполномоченных. О положении дел в Эстонской епархии упоминал Карпов в докладе Совета от 8 сен.1950 г. №927/с.

Председатель Совета Г. Карпов говорил, что одной из причин волны закрытия церквей за 1948-1950 гг. явилась деятельность Совета, направленная на «ограничение деятельности церкви и духовенства». Были отменены крестные ходы, кроме Пасхи, кроме того по указаниям Совета не допускалось обслуживание одним священником нескольких приходов, снимались с регистрации церкви, в которых из-за отсутствия священника не проводились службы в течение 6-12 месяцев, более интенсивно проводилось изъятие у церковных общин бывших общественных зданий и т.д.²⁹³.

В этот период эстонское духовенство активно включилось в движение борьбы за мир. В 1950 гг. был осуществлен срочный перевод и рассылка по приходам воззвания Московского Патриарха о подписании Стокгольмского призыва к миру, состоялось собрание причта по вопросу о международном

---

²⁹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 601. Л. 28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 152

Положении и о Стокгольмском воззвании Постоянного комитета всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия²⁹⁴.

2.4. Нарастание негативных тенденций в отношениях власти и Церкви в 1951 – 1953 гг.

Вместе с тем ситуация продолжала развиваться в негативном для Церкви ключе. В 1951 г. на кустовых совещаниях Совета неоднократно провозглашалась цель – ограничение деятельности Церкви как Председателем Г. Карповым, так и его заместителем - Бельшевым²⁹⁵.

10 января 1951 г. уполномоченный Тарасов направил на имя Карпова подробную докладную записку про Пюхтицкий монастырь, в которой описывается расположение, имеющиеся постройки, количество и возрастной состав монахинь и послушниц, анализировалась география мест проживания прибывающих в обитель послушниц (Ленинград, города и деревни близлежащих регионов СССР). Особо отмечалось, что на тот момент ни одной насельницы-эстонки по национальности нет. Работоспособных насчитывалось около 45%, неработоспособных-55%²⁹⁶.

Так, в 1950 г. выбыло по смерти три насельницы, вновь поступило также три. Однако желавших поступить было 12. Тарасов сообщил, что преимущественно это были женщины из Ленинграда и области в преклонном возрасте. Игуменья монастыря Рафаила (Мигачева) в приеме в монастырь отказала, мотивируя это бедственным положением монастыря. Основной причиной отказов считался преклонный возраст. По данному вопросу член монастырского Совета монахиня

---

²⁹⁴ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 122.

²⁹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 602. Л. 142.

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 3.

Нонна (Орг Надежда Дмитриевна) на приеме у уполномоченного сказала, что желающие поступить в монастырь имеются, но игуменья принимать молодых воздерживается («боится местной власти», т.к. молодых монашек несколько раз вызывали в волсовет); «старых же принимать в монастырь нет интереса, т.к. требуются здоровые рабочие руки в сельском хозяйстве монастыря»²⁹⁷. В документе даны характеристики на некоторых поступивших за последнее время, отмечено, что особое внимание представляют следующие: 9 характеристик на недавно поступивших, в основном из Ленинграда и области. Из характеристик ясно, что практически все прежде работали на различных предприятиях, имели несколько классов образования. Особо заинтересовала членов Совета (и отмечено проверявшим двумя чертами на полях с припиской: «Сделать выписку и передать мне» и там же – «выписка сдана») характеристика Григорьевой Татьяны Васильевны. Уроженка Ленинграда, 1906 года рождения, русская, образование среднее, отец - бывший чиновник, бежавший в 1918 г. во Францию, где и умер в 1932 г. Сама с 1923 по 1935 также находилась во Франции. В годы оккупации Эстонии поступила в Пюхтицкий монастырь, впоследствии перешла в Рижский женский монастырь. Перед освобождением Прибалтики от фашистов вновь эмигрировала в Германию и Францию. В 1946 году, возвратившись из эмиграции, вторично поступила в Пюхтицкий монастырь, где трудилась певчей и помогала в канцелярии. «Развита, с окружающими монашками разговорчива. Читает местную газету «Советская Эстония». Цель действительного поступления в монастырь не выявлена»²⁹⁸. Можно предположить, что подобная характеристика означает возникшие подозрения относительно истинной цели поступления в монастырь. Вероятно, в отношении монахини возникли подозрения в разведывательной деятельности.

Экономическое положение монастыря характеризовалось следующим образом: доходность от сельского хозяйства незначительная, ввиду невыполнения

---

²⁹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 3-4.

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 5.

«элементарных требований агрономии: хорошей обработки и удобрения земли»²⁹⁹, также рост поголовья скота незначительный, доходной частью монастыря являться не может. Натуральными поставками сельскохозяйственных продуктов монастырь не облагался, что спасает его от окончательного развала»³⁰⁰.

Уполномоченный Тарасов докладывал в Москву, что влияние монастыря ослабевает. Сравнение числа пребывавших на престольный праздник обители паломников показывает, насколько упали эти показатели. В Эстонии до присоединения к СССР – до 10.000 человек, в 1945 г. – 3500 – 4000, в 1949 г. – 800 – 1000 человек³⁰¹.

Уполномоченный также докладывал в Москву, что духовенство во главе с епископом Романом по инициативе священника Михаила Ридигера «имели попытку оживить значение «чудотворной» иконы и организовано возглавить течение паломников <...> Это мероприятие духовенства не дало желаемых результатов». Безусловно, естественная убыль населения после двух войн, отсутствие поддержки православия в Эстонии со стороны России, несколько лет антирелигиозных мероприятий и пропаганды стали давать свои плоды.

Уполномоченный рапортовал в Совет о результатах, к которым привели проводимые в стране и республике антицерковные мероприятия, и конкретно, как это сказалось на жизни Пюхтицкого монастыря:

1. Проведенное районирование и преобразования на селе с организацией колхозов и их укрепление затронули жизнь и экономику монастыря.
2. Церковная деятельность его ослабевает с каждым годом.
3. Монашествующий состав чувствует себя неустойчиво и тревожно.
4. Повышение культурного уровня трудящихся, усиление просветительской работы местных органов окончательно уничтожает влияние монастыря на окружающее население Эстонии³⁰².

---

²⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 7.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 9.

³⁰¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 9.

³⁰² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 10.

В 1951 г. произошло весьма значимое, можно сказать, беспрецедентное событие для церковной жизни Эстонии. Пюхтицкая икона Божьей Матери покинула монастырь и была привезена в Таллин для поклонения верующим. Это событие стало возможным в период, когда были запрещены крестные ходы за пределами церковной ограды, молебны на полях, за пределами церковной территории, купания в источниках в праздник Богоявления. Судя по документам ГАРФ в первом квартале 1951 г. к уполномоченному Тарасову обратился правящий епископ Роман (Танг) с просьбой разрешить привезти Пюхтицкую икону в Таллин для поклонения верующим и совершения перед ней богослужений. В качестве мотивировки приводилось желание верующих. Епископ при этом обещал выполнить следующие условия: икона будет привезена в закрытой машине и таким же порядком будет переносима из здания храма в здания церкви в Таллине. Никаких массовых встреч и проводов иконы в публичных местах не допускается. По частным домам и квартирам икону переносить не планируется³⁰³.

Судя по архивным документам, уполномоченный Тарасов на вопрос епископа, можно ли при соблюдении этих условий привезти икону в Таллин, определенного ответа сразу дать не смог. Впоследствии, когда в Москве, в Совете стали разбираться в обстоятельствах этого события, заместитель Председателя Совета Бельшев указывал, что если Тарасов не смог сразу ответить епископу, то уполномоченному следовало обратиться за консультацией в Совет. Из Москвы впоследствии отвечали, что «возить эту икону по церквам нежелательно»³⁰⁴. Судя по документам, уполномоченный дал епископу неопределенный ответ, добавив, что вопрос оставлен открытым до восстановления дороги, и эта реакция вызвала неудовольствие Совета.

Таким образом, в результате недостаточной скоординированности действий Совета и уполномоченного запрета на проведение мероприятия не поступило, что было воспринято в епархии как согласие, и с первого по двадцать девятое июня, т.е. практически целый месяц, икона пребывала в таллинских церквях, приток

---

³⁰³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 24.

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 13.

верующих к ней составил 1900 человек. По сведениям уполномоченного, монастырь выручил на иконе пожертвований на сумму 7.000 рублей. Деньги эти предполагалось потратить на ремонт монастырских построек³⁰⁵.

Безусловно, в Совете это событие было воспринято как весьма негативное. Тарасову было указано на его очередную ошибку. Однако вскоре им был допущен еще один промах, стоивший уполномоченному должности.

Важнейшим событием в церковной жизни 1951 года было назначение епископа Романа (Танга) самостоятельным епископом, управляющим епархией, с титулом «Епископ Таллинский и Эстонский». Соответствующий указ митрополита Ленинградского Григория вышел 28 марта 1951 г.³⁰⁶.

Относительно состава духовенства следует отметить, что несколько священников выбыли, в основном, для служения в Псковскую епархию, что, видимо, было связано со снятием с регистрации и закрытии церквей в Эстонии, особенно сельских храмов.

Продолжались аресты церковнослужителей. Так, настоятель Зачеренской Параскевинской церкви местечка Саатсеринна Ряпинского района, священник Михаил Дубровин 1905 года рождения, уроженец Псковского уезда, был арестован органами госбезопасности по Псковской области 28 марта 1951 года³⁰⁷.

Также был арестован органами МВД ЭССР церковный староста Екатерининской церкви города Пярну, Люнкайнен, Стефан Филиппович, 1900 года рождения. В документе значится, что при обыске квартиры и церкви были обнаружены: «сапожная кожа, воск, парафин, швейные машины, и церковных денег 3800 рублей. По признанию «темная сумма» незаприходованных денег имелась на всякий случай. Среди прочего в документе сообщается, что арестованный имел собственную сапожную мастерскую в годы буржуазной республики. В документе сообщается о неких неучтенных в кассе средствах³⁰⁸.

---

³⁰⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 71.

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 17.

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 19.

³⁰⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 19.

Одним из способов ослабления церковной жизни было налоговое давление, оказываемое на церковные организации со стороны органов финансовой инспекции на местах. Так, в 1951 г. в Эстонии финотделы неожиданно объявили о переоценке церковных зданий и необходимости срочной уплаты налогов. Священники с мест жаловались, что для выполнения этого требования пришлось ходить по домам верующих и собирать деньги на налог³⁰⁹. После того, как о таких действиях духовенства стало известно в Москве, Совет признал подобные сборы средств незаконным и предложил через епископа прекратить подобную практику. Этот пример наглядно показывает широкий был спектр методов, применяемых властями для пресечения церковной жизни в СССР.

Хотя с начала проведения коллективизации в Эстонии прошло совсем немного времени, эта кампания скоро дала свои плоды. Так, уполномоченный Тарасов приводил слова священника Линда с острова Курессааре, который заявлял, что положение Церкви с каждым годом ослабевало, экономика духовенства падала, так, например, средний месячный заработок священника в данном благочинии в 1950 г. составил около 300 рублей, в то время, как 5-6 годами раньше он составлял 600-800 руб. С проведением коллективизации в Эстонии посещаемость церквей упала, духовенству приходилось проводить богослужение в присутствии 5-10 верующих. Приношения верующих составляли 10-12 рублей в год, в то время как ранее церковные взносы были обязательными и приносили на 100% больше. Это позволяло покрывать финансовые потребности церкви и создавало нормальные условия жизни ее служителям. Ряд священников ставили вопрос перед епископом Таллинским о переходе из сельских в городские приходы³¹⁰.

В отчете за 1 квартал 1951 г. Тарасов докладывал, что к нему обратился заведующий коммунальным отделом исполкома СДТ Йыхвиского района Эстонской ССР товарищ Головин по вопросу о передаче зданий монастыря, находящихся на территории района, объясняя необходимость тем, что «здания сдаются в аренду частным лицам и учреждениям, деньги идут в монастырь как

---

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 26.

³¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 59.

доход от эксплуатации зданий монастырей»³¹¹. Уполномоченный выехал на место и установил, что здания, находящиеся вне ограды, сдаются в аренду следующим учреждениям: больница Куремяэ, амбулатория, аптека, почта. Общий доход от сдачи в аренду составляет 751 рублей ежемесячно. Коммунальный Отдел заявил о готовности взять здания на свой баланс. После консультации с членом Совета Сивко, Тарасов дал согласие на оформление решения райисполкома, и оно вскоре было вынесено. Настоятельница монастыря, как докладывал Тарасов, при разъяснении особых возражений не проявила³¹².

Среди прочего уполномоченный докладывал сведения о настоятельнице: Мигачева Параскева Филлиповна (игуменья Рафаила), 1884 года рождения, из крестьян эстонского села Васкнарва, русская, малограмотная, среди монашествующего состава пользуется авторитетом. «Хозяйственная деятельность монастыря перед духовной жизнью у Мигачевой стоит на первом плане», - говорилось в докладе. Такой вывод был сделан уполномоченным, очевидно, по причине того, что в те годы монастырь испытывал серьезнейший дефицит самого необходимого, элементарно прокормиться насельницам было очень сложно. Не слишком плодородная земля тех мест, половина монахинь преклонного возраста, часть их которых еще и нуждалась в уходе, которым занимались молодые насельницы, сокращение числа паломников, что сказывалось на доходах обители, налогообложение со стороны государства – все это требовало постоянного вовлечения игуменьи в хозяйственные вопросы для элементарного обеспечения жизнедеятельности обители.

Имеющаяся в монастыре свечная мастерская была законсервирована в 1951 году, поскольку не было материала и готовности платить установленный государством налог³¹³. Настоятельница приняла решение, что более выгодным являлось приобретение свечей из Ленинграда. Дело в том, что приобретенные свечи налогом не облагались, в то время как изготовленные облагались налогом на

---

³¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 21.

³¹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 22.

³¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 35.

производство. Осуществлять же свечное производство в монастыре, как это было ранее, не представлялось возможным из-за недостатка материала, который приходилось покупать частным порядком и по высокой цене³¹⁴.

Основным вопросом, который, по мнению уполномоченного, беспокоил монашествующих, был земельный, а именно, будет ли продлен арендный договор на 125 га или данная земля отойдет ближайшему колхозу. Как отмечал уполномоченный, с отходом земли колхозу жизнь монастыря окончательно экономически будет подорвана³¹⁵.

До 1937 г. монастырь имел фруктовый сад в количестве 65 фруктовых деревьев, который в 1941 г. от мороза целиком погиб и к тому моменту не был восстановлен. Фруктовые деревья были срезаны. С гибелью сада монастырь также лишился значительного дохода. Уполномоченный отмечал снижение доходов монастыря. По словам настоятельницы, человек 20 работоспособных насельниц не были в состоянии своим трудом прокормить 70 инвалидов монастыря. Приток молящихся стал настолько мал, что доходов от них едва хватало на покрытие налога. Главная надежда была связана с землей. Настоятельница заявляла уполномоченному, что монастырь представляет собой богадельню для престарелых. Игуменья намеревалась просить Патриарха разрешить принимать в монастырь женщин среднего возраста, поскольку были очень нужны рабочие руки. Игуменья считала невозможным существование монастыря без денежной дотации. Одна из монахинь сказала, что единственным путем поддержания экономики монастыря осталась обработка земли, огородничество и работа по найму. Так, в 1950 г. восемь послушниц работали в соседнем колхозе Куремяэи получили за работу 30 мешков картофеля³¹⁶.

Монахиня по фамилии Орг высказывала предложение, что для поднятия экономики монастыря следует нанять 7-8 работников, как было в 1930 г., когда в обители трудились 7 человек. Нанятые работники лучше монахинь могли

---

³¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 36.

³¹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 37.

³¹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 39-40.

обрабатывать не слишком плодородную землю монастыря и доход обители таким образом повышался. Настоятельница же, со слов Тарасова, который в свою очередь цитировал монахиню Нонну Орг, опасалась принимать работников, а также молодых монахинь, боясь санкций со стороны властей. При существующих доходах монастырь прокормить себя не мог, церковные сборы были весьма малы: «эстонцы-лютеране не подавали», а приехать в русские города для сбора средств в пользу монастыря в те годы было невозможно³¹⁷.

По вопросу монастырской земли и претензий на нее соседнего колхоза член ревизионной комиссии колхоза Куремяэ сообщил, что прежде эта земля была монастырской, и крестьяне работали на монастырь, теперь же все изменилось. «Колхозники не пойдут работать на монастырь, а наоборот, монастырь предлагает помогать колхозу. Монастырь нам не мешает, а вот земля монастырская нашим полям помеха. Нужно выделить землю в другом месте», - заявляли в колхозе³¹⁸.

Настоятельница поставила в 1951 г. вопрос о продлении аренды 125 га земли или о закреплении ее на вечное пользование за монастырем. Епископ Роман поддерживал это ходатайство. Уполномоченный высказывал предположение, что земля будет выделена, но в другом месте³¹⁹.

1951 год стал годом резкого снижения посещаемости церковных служб.³²⁰ Спад активности посещения церковных служб в большинстве приходился на эстонские и смешенные приходы. Весьма показательна цитата представителя местного населения, поясняющая причины понижения посещаемости. «Колхозники в церковь не пойдут, это не хуторянин-одиночка, а организация; пойдешь в церковь, правление колхоза зверем смотрит, а уйдешь с работы в церковь, то 5 трудодней вычтут за прогул»³²¹. Этот эмоциональный пассаж прекрасно иллюстрирует истинное положение вещей в религиозной жизни тех

---

³¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 40-41.

³¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 40-41.

³¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 44.

³²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 60.

³²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 63.

времен. Формально старались запреты не вербализовывать, но на деле власти осуществляли активную дискриминацию по отношению к верующим.

Однако на этом давление со стороны властей не заканчивалось. Согласно документам ГАРФ семь человек было арестовано в этот период за антисоветскую деятельность, из которых пятеро являлись священнослужителями³²². 4 священника выбыли на гражданскую работу.

Архивные материалы позволяют судить о том, как епископ Роман пытался решить кадровые проблемы: при освобождении места в городском приходе немедленно переводил священника из сельского прихода в городской, поскольку в городах условия жизни были намного лучше³²³. Таким образом, епископ старался в том числе предотвратить переход на гражданскую работу представителей духовенства, поставленных в результате антирелигиозной политики государства в крайне бедственное положение, особенно в сельской местности.

Среди других мероприятий, направленных на укрепление церковной жизни было празднование 50-летия основания Таллинского кафедрального собора. Состоялось два архиерейских богослужения в рамках празднования, прозвучали проповеди на эстонском и русском языках.

Активность епископа Романа вызывала беспокойство уполномоченного. Он докладывал в Совет, 70-74% своего времени епископ проводил в районах республики, по приходам, а в дни архиерейских богослужений посещаемость храмов увеличивалась на 50-70%³²⁴. Так, отдельно в отчете уполномоченного за 3 квартал 1951 г. отмечено проведение престольного праздника Успения в Пюхтицком монастыре 28 августа 1951 г. Было организовано праздничное богослужение с приглашением большого числа священнослужителей, в том числе и из других епархий. В документе отмечается, что на этот праздник в обитель прибыло паломников больше, чем в аналогичный день в 1950 году. Приводятся следующие цифры: 900-1000 человек в 1950 и около 2500 человек в 1951 г.

---

³²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 70.

³²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 70.

³²⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 71.

соответственно. Из духовенства присутствовали: епископ Роман, протоиереи Петр Белавский из Гатчины, Андрей Ротковский из Олешницы, священник Виктор (фамилия не указана) из Пскова и еще 5 священников из различных приходов Эстонии³²⁵. Уполномоченный докладывал, что паломники прибыли в основном из Ленинградской области, области Нарвы, Псковской области и др. В числе паломников большинство составляли пожилые женщины.

В каждом квартальном отчете уполномоченные должны были отчитаться о церковной жизни во вверенной области, следуя циркулярным письмам и инструкциям Совета, в которых содержался соответствующий список вопросов. Одним из обязательных пунктов были статистические и аналитические сводки о количестве церквей, закрытии, открытии, ремонте, о составе духовенства, перемещениях священнослужителей и т.д. В отчете за второй квартал 1951 г. уполномоченный Тарасов указал, что не давал своего согласия на перемещение священника Рауда в кафедральный собор Таллина вторым священником. Уполномоченный мотивировал свое решение тем, что данный собор находится «среди правительственных учреждений», а также тем, что в биографии священника Рауда есть следующие настораживающие факты: ранее носил фамилию Решкин, 1900 г. рождения, из Ленинградской области. В годы фашистской оккупации значился по национальности финном-ингерманландцем, в годы независимой Эстонии – эстонцем, тогда и сменил фамилию «Решкин» на «Рауд». В данное время, как писал Тарасов, «претендует быть только русским». Со слов Тарасова, священник был прежде эвакуирован в Финляндию при содействии немцев³²⁶.

В ответном письме, которое Совет всегда направлял после получения очередного отчета от уполномоченного, за подписью председателя Совета Карпова указанные методы Тарасова были подвергнуты резкой критике. Было отмечено, что назначения и перемещения священников – дело епископа и уполномоченный

---

³²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 106.

³²⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 90.

своими действиями по одобрению или неодобрению кадровых решений епископа грубо вмешивается во внутрицерковные дела³²⁷.

Очевидно, эта ошибка стала роковой для уполномоченного по Эстонии Тарасова. За неполных два года он допустил несколько серьезных нарушений, что было бы воспринято более спокойно в середине 1940-х, однако, в 1950-1951 гг. воспринималось уже совершенно иначе. Так, на сопроводительном письме к отчету Тарасова от 16.10.51 есть приписка: «Сегодня звонил по телефону председатель СМ ЭССР и сообщил, что им подобрана кандидатура на должность Уполномоченного вместо тов. Тарасова, который будет освобожден от этой должности»³²⁸.

В третьем квартале 1951 года в одном из приходов Эстонии произошел весьма любопытный случай. В Екатерининской церкви города Пярну протоиерей Иоанн Мельтсаар выступил с проповедью в честь 11-летия советской Эстонии. Такие выступления, будучи настоятельно рекомендованными Советом руководству Церкви, стали к этому времени традиционными во всех приходах на территории всего СССР.

Однако стоит учитывать, что лишь недавно вошедшая в состав СССР Эстония жила еще несколько в других реалиях, и для ее коренных жителей такая тематика проповеди могла показаться абсурдной. Итак, в ходе проповеди отдельные лица «из числа бывшей публики», как характеризовал их уполномоченный, на произнесенную проповедь реагировали отрицательно. В документе значится, что гражданка Янкова, «постоянный посетитель церкви», продавщица церковных свечей, заявила священнику Мельтсаар в лицо: "Подлизываетесь, батюшка, в красные попы лезете, все равно Вас советская власть не оценит" <...> Большинство восприняли проповедь положительно»³²⁹.

В декабре 1951 г. состоялось назначение нового уполномоченного по Эстонии, им стал П. Капитонов (акт о приеме дел секретного делопроизводства был подписан 18.12.1951)³³⁰.

---

³²⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 91.

³²⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 835. Л. 99.

³²⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 853. Л. 109.

³³⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 853. Л. 109.

Новый уполномоченный весьма активно взялся за дело. Тон и содержание его отчетов резко отличаются от документов предшественника своей идеологической подготовленностью и твердой решимостью окончательно побороть «пережитки» в виде религии. Капитонов практически сразу направил в Совет справку «О некоторых признаках усиления в отдельных местах Эстонской ССР религиозной активности, как результат ослабления научно-просветительской (атеистической) и политической деятельности среди масс, а также о некоторых фактах администрирования и извращения по отношению к церкви и священнослужителям». Название документа говорит само за себя. Очевидно, что новые тенденции в отношениях государства и Церкви были осмыслены новым уполномоченным, им были получены соответствующие инструкции о необходимости наладить работу в прибалтийской республике. На данном документе имеется резолюция, написанная рукой Карпова: «Тов. Капитонов правильно и грамотно ставит вопросы. Примите соответствующие меры. 18.III.»

Вкратце содержание самой справки сводилось к следующему:

Уполномоченный за короткий период января-февраля 1952 г. посетил целый ряд районов республики (Йыхви (дважды), Тартуский, Йыгева, Ряпина, Рапла, Эльва, Кейласкиа и Таллин – Нымеский район) в связи с возникавшими вопросами о ликвидации ряда приходов, для непосредственного ознакомления с их жизнью, а также с целью «осведомления о делах церкви в партийных и советских организациях», выяснения вопросов о земельных владениях Пюхтицкого монастыря и сенокосных угодьях Печерского мужского монастыря. В результате уполномоченный пришел к выводу о возросшей посещаемости богослужений в 1951 по сравнению с 1950 г. Конкретные цифры не приводятся, (видимо поэтому на полях документа стоит вопрос). Уполномоченный также докладывал, что партийные и советские органы в районах республики недостаточно осведомлены о состоянии религиозного движения, а просветительская пропаганда <...> недостаточна» (на полях резолюция – «плохо»)/ Капитонов также отметил

«стремление к администрированию по отношению к церкви и служителям вместо терпеливой воспитательной работы среди масс»³³¹.

Показательны и любопытны приведенные уполномоченным в документе примеры. Так, он отмечает, что в городе Йыхви православный приход под влиянием деятельности молодого священника Алексея Ридигера «несомненно активизируется. Сколотился порядочный церковный хор, с участием молодежи <...> Увеличивается посещаемость церкви молодежью. Значительно возрастает доходность»³³².

Для изменения ситуации с молодежью Капитонов предлагал в противовес влиянию Церкви создать молодежные клубные хоры. Также вызвал его беспокойство факт требования со стороны большого числа колхозников деревни Агусалу (Овсово) открытия Богослужений во вновь выстроенной часовне, сооруженной силами и на средства местного населения в течение 1947-1951 гг. Пожертвования на постройку собирались несколькими деревнями. В ответ райком и райисполком предложили часовню изъять и передать для использования в качестве красного уголка. На колхозном собрании по этому вопросу многие колхозники выступили с решительными возражениями (видимо, по этой причине на полях документа по этому поводу проверявший отчет член Совета написал: «не следует»)³³³.

Уполномоченным приведены примеры неудачной с его точки зрения работы представителей власти с духовенством. Так, по его информации, председатель Горсовета города Тарту т. Розенталь, агитируя священника снять сан, приводил следующие аргументы: «Не надоело ли Вам церковное дело? Бросайте и переходите к нам столяром (на старую работу). Поможем заработать больше, чем Вы имеете в церкви». Вывод Капитонова: «Естественно, что подобная «антирелигиозная» деятельность ни к каким положительным результатам привести не может»³³⁴.

---

³³¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 3-4.

³³² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 4.

³³³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 5.

³³⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 6.

У нового уполномоченного возникла проблема в связи с преждевременным снятием с учета реально действовавших церквей. Богоявленский храм в местечке Ристи, приход в местечке Ранну, снятый с учета как недействующий 30.03.1951, как доложил в Москву уполномоченный, «имеет некоторую тенденцию к активизации. Возникают вопросы о преждевременном снятии этого прихода с учета»³³⁵.

Даже такое событие, как попытку осквернения храма, новый уполномоченный рассматривал как потенциально опасное с точки зрения усиления религиозной активности. Так, он докладывал в Совет: «Осенью 1951 года произошли события, могущие обострить религиозную активность. Военнослужащие местного гарнизона (по-видимому, из пограничного поста) самовольно ободрали с церковного дома деревянную обшивку, употребив ее на оборудование наблюдательной вышки. Также осенью прошлого года несколько неустановленных военнослужащих сбили замок с дверей церковного здания, проникли внутрь церкви, захватили там ризы, облачились в них и разгуливали в таком виде по улицам. Кроме того, неизвестными лицам похищен шкаф из здания церкви. Уполномоченный проинформировал военного прокурора и министра Госбезопасности республики»³³⁶.

Возмущение Капитонова вызвал тот факт, что в местечке Меекси без уведомления строительных организаций с сентября 1951 года была начата постройка здания молитвенного дома. К моменту посещения Капитоновым этих мест строение уже было подведено под крышу. Местные организации, как докладывал уполномоченный, не были в курсе. «Такова осведомленность о жизни и деятельности церкви», - докладывал в Совет Капитонов³³⁷.

Среди нарушений со стороны представителей советских и партийных организаций отмечены: необоснованное налогообложение священников и церквей, переоценка церковной утвари, попытка взимания расписок с верующих в том, что

---

³³⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 7.

³³⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 7-8.

³³⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 9.

требы на дому священник совершил бесплатно. Капитонов отмечал, что «акты администрирования и оскорбления религиозных чувств верующих...способствуют лишь усилению религиозной активности и возбуждению религиозного фанатизма³³⁸.

Совет продолжал интересоваться результатами проведенных прежде мероприятий, а именно каким образом отразились на положении церкви и духовенства преобразования в сельском хозяйстве, какие меры в ответ были предприняты церковнослужителями для поддержания приходов и своего экономического положения³³⁹. Совет возлагал большие надежды на коллективизацию в Эстонии как средство для ослабления влияния церкви, сокращения сельских приходов. Отчасти это удалось, однако, одновременно набирал силы процесс, также спровоцированный советской властью, а именно, переселение в прибалтийские республики, традиционно являвшиеся сельскохозяйственными областями, большого числа русскоязычных рабочих и служащих из других областей СССР.

Приезд в Эстонию этих людей исключительно положительно сказался на церковной жизни: новые жители республики наполнили городские храмы Таллина, Нарвы и других крупных городов. Стал отмечаться рост посещаемости, причем уполномоченные констатировали, что прирост происходил именно за счет новых жителей республики. Православие в Эстонии не было уничтожено, изменился его национальный состав в пользу русскоязычных прихожан. Соответственно, резко возросла посещаемость городских приходов. Если эстонские сельские приходы вымирали естественным путем, а также вследствие негативного влияния коллективизации, то городские храмы были недостижимы для властей ввиду их все возраставшей посещаемости. Закрывать их теперь властям было еще сложнее.

Наряду с этими процессами епископ Роман (Танг), оставаясь в орбите влияния митрополита Ленинградского Григория (Чукова), насколько было возможно, старался поддерживать жизнеспособные сельские приходы, при этом

---

³³⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 10-11.

³³⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 12.

избирательно порой не препятствуя закрытию недействующих, чтобы не обострять отношения с властью и не навлечь на епархию еще большей волны репрессий. Это была эпоха тяжелых компромиссов для Церкви в целом и для каждого епархиального архиерея. Было очевидно, что активное противодействие советской власти, возобновившей репрессии в отношении Церкви и духовенства, приведет к разрушению и закрытию тех немногих храмов, в которых теплилась церковная жизнь. Вновь возобновились аресты духовенства. 30% продолжавшего служить духовенства вызывали серьезные подозрения у уполномоченного. Первые признаки угрозы закрытия появились и в отношении женского Пюхтицкого монастыря, составлявшего центр притяжения паломников не только эстонской епархии, но и соседних Псковской, Ленинградской и других областей страны. Именно это обстоятельство, а также приход в монастырь девушек из различных регионов страны очень раздражало власти. Ситуация во всех аспектах церковной жизни продолжала осложняться.

Активно взявшийся за дело новый уполномоченный П. Капитонов, всюду старался выезжать лично, насколько можно судить по документам. Основными событиями 1952 года в церковной жизни республики стали, согласно его отчету, следующие:

1. 2 сельские церкви были сняты с учета. Относительно часовни в Овсово уполномоченный ожидал рекомендаций Совета.

2. Не ослабевала активность некоторых представителей духовенства. Так, священник Михаил Ридигер снова обратился уже к новому уполномоченному по вопросу посещения больных священником в больницах³⁴⁰. Как правило, руководство больниц запрещало такие посещения. Капитонов переадресовал вопрос заместителю Председателя СМ ЭССР и министру здравоохранения.

3. Капитонов помог отменить неправомерное решение местных властей об изъятии церковных земель в местечке Лаймяла³⁴¹.

---

³⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 18-19.

³⁴¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 20.

4. Отмечено некоторое снижение доходности небольших церквей. Повышение доходности в больших городах – Нарва, Пярну, Йыхви и по всем Таллинским церквям. Снижение - в Тарту, Муствее, Антсла, Эльва, Пайде. По сельских приходам доходность распределялась неравномерно. Судя по отметкам на полях документа, в Совете настоятельно просили объяснить причину, по которой доходность в городах росла³⁴². Очевидно, этот вопрос беспокоил Совет: антирелигиозные меры принимались, а доходность части приходов в маленькой республике росла.

Взаимоотношения уполномоченного с епископом Романом складывались на данном этапе ровно. Капитонов старался наладить постоянные контакты с епископом, епископ также поддерживал ровные отношения, даже приглашал Капитонова на чай с блинами, но тот по собственному признанию, «под благовидным предлогом отказывался». Епископу Роману очевидно было непросто с одной стороны выстраивать рабочие отношения с уполномоченным и реагировать на его просьбы, порой идущие вразрез с интересами Церкви, а с другой – действовать во благо приходов и духовенства. Так, по анонимной жалобе об отношениях с женщинами был временно отстранен от служения настоятель Скорбященской церкви г. Таллин священник Рауд. Анонимное заявление передал епископу бывший уполномоченный Тарасов. Приняв заявление, епископ тем не менее, через несколько недель восстановил священника Рауд в служении в той же церкви³⁴³.

В другой раз епископ проинформировал уполномоченного о том, что священник Линд был перемещен в другой приход, т.к. на него пало подозрение в «еретизме», а главное – он совершенно не владел русским языком, в то время как среди его прихожан большинство составляли русские³⁴⁴. На его место был назначен священник Клаас. Священник Линд должен был начать служение в другом приходе. Однако, «группа приверженцев Линд» выразила недовольство в связи с

---

³⁴² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 21-22.

³⁴³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 23.

³⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 24.

этим перемещением. Епископ проинформировал уполномоченного об этих событиях на случай возможного вмешательства представителей государственных органов в ситуацию³⁴⁵.

Доложил уполномоченный в Совет и о попытке священника Лозинского, благочинного Тартусского благочиния, предложить ему «подношение» в виде компенсации дорожных расходов, мотивируя тем, что выезжал уполномоченный по церковным вопросам (из-за снятия с учета по представлению епископа трех церквей, входящих в Тартуское благочиние). Капитонов информировал об этом случае секретаря эстонского ЦК, других ответственных сотрудников, а также епископа Романа и выразил пожелание, чтобы подобное не повторялось³⁴⁶.

Уполномоченный П. Капитонов в ходе своей бурной деятельности и активной подготовки различных справок и записок в Совет, также информировал Центр в середине 1952 года о том, что он запросил справку с данными о числе всех верующих всех вероисповеданий по Таллинской, Тартусской и Пяруской областям. В Совете отреагировали сразу, запретив подобное мероприятие. «Вести учет верующих противоконституционно и этого делать нельзя, а тем более показывать в документах»³⁴⁷, ответили из Москвы. Понимая, что новый эстонский уполномоченный своими слишком активными и вместе с тем топорными действиями может нанести непоправимый вред, Совет издал специальное письмо по этому поводу. Оно было отправлено на имя Капитонова 30.06.1952. за подписью Бельшева.

В письме разъяснялось, что собирать сведения о количестве верующих, учитывать их и пользоваться этими данными в документах является делом не только противоконституционным, но к тому же не имеющим какой-либо достоверности. «Можно подумать, что такой учет ведется в епархиальном управлении, откуда Вы и могли получить его, поместив эти сведения в представленных в Совет справках»³⁴⁸, отмечали в Совете. Заметным событием 1952

---

³⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 24 -25.

³⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 25.

³⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 39.

³⁴⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 96.

года стало собрание духовенства епархии в Таллине. Это вызвало резко негативную реакцию в Совете. От Капитонова потребовали разъяснений, кто дал указание на проведение собрания духовенства: если это было указанием со стороны ЦК КП(б) Эстонии, то, спрашивали из Москвы, почему не было согласовано с Советом?³⁴⁹.

Относительно судьбы церковных зданий в 1952 г. следует отметить, что процесс их передачи в ведение различных государственных органов и контор продолжился. Также возник вопрос о передаче Таллинской Скорбященской церкви в ведение горисполкома³⁵⁰.

Продолжали поступать жалобы со стороны духовенства в связи с проводимой коллективизацией. Так, в 1952 г. ряд священников обратились к уполномоченному с просьбой о выделении им приусадебных земельных участков, их заявления были перенаправлены в Минсельхоз ЭССР, просьбы удовлетворены, участки 0,15 га выделены³⁵¹.

Как отмечалось выше, с 1951 г. стали появляться донесения уполномоченного в Совет о проникновении неизвестных в церкви, о грабежах и хулиганстве внутри храмов. Выкидывались или опрокидывались церковная утварь, в том числе предметы, находившиеся в алтаре, иконы. Уполномоченный передавал дела в милиции, информируя Совет лишь о завершении расследования и наказании виновных, если таковые были обнаружены. Например, в середине мая 1952 г. нападению подверглись Тартуский Успенский собор и подворье Пюхтицкого монастыря в Таллине. Капитоновым из Тарту был получен ответ о проведении соответствующего расследования, которым предварительно было установлено, что виновниками являются неизвестные военнослужащие, поэтому материалы были переданы военному прокурору³⁵².

В отдельном отчетном письме Уполномоченного в Совет приведены примеры хулиганских действий в отношении церкви: (церкви в г. Тарту и в Ристи,

---

³⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 97.

³⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 116.

³⁵¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 120.

³⁵² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 120-121.

Кейлаского района Таллинской области, Таллинское подворье монастыря, монастырская часовня в Куремяэ, неподалеку от Пюхтицкого монастыря)³⁵³. Как видно из данного списка, таких происшествий стало происходить немало.

Еще одним подтверждением антицерковной политики в СССР в этот период было усиление аппарата уполномоченных для более эффективного контроля за церковной жизнью. Это коснулось и Эстонии. В 1952 году была введена должность второго уполномоченного в республике – теперь при Пярнуском облисполкоме, в городе Пярну – одном из крупных городов республики³⁵⁴.

В 1952 г. уполномоченным были отмечены следующие случаи нарушения законодательства со стороны властей в отношении Церкви:

1. Запрещение Йыхвиским райисполкомом проведения пасхальных крестных ходов вокруг церкви в церковной ограде. Было отменено.

2. Запрещение секретарем Калестеского райисполкома совершения треб на дому у верующих по их приглашению.

3. Недопуск священников в больницы и дома инвалидов по просьбе тяжело больных.

4. Отказ некоторых райисполкомов выделить приусадебные земельные участки священнослужителям.

5. Самовольная внешняя перестройка церковного здания.

6. Попытка представителей райпотребсоюза закупить у церковной общины колокола для сдачи их государству в качестве лома цветных металлов³⁵⁵.

Нарушения со стороны советских органов и учреждений также проявились в следующих конкретных действиях: запрещение церковных служб под предлогом эпизоотии в районе (г. Тюри, г. Вильянди), запрещение проведения кладбищенских панихид, начисление земельной ренты с церкви за земли, находившиеся в личном пользовании церковнослужителей, обложение налогом священника за добровольное угощение священника на дому у верующих после совершения треб

³⁵³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 146.

³⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 125.

³⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 127.

(протоиерей Веревкин), наклейка ярлыков работниками инвентаризационного бюро на церковную утварь в здании действующей церкви (м. Вальги, Калластеского района)³⁵⁶, официальное требование к священнику сообщить исполкому о проведенных церковных службах и количестве человек, присутствовавших на службе, а также сведения об их возрасте и половой принадлежности (район Кингисепп)³⁵⁷, вызов священника в горсовет, военкомат для официальных бесед и предложений оставить церковную службу (г. Тарту и другие), оскорбительное вызывающее поведение отдельных ответственных работников во время церковных службах и совершении треб (председатель колхоза «Калев» Пярнуской обл.).

Все эти факты были доведены до сведения властей благодаря принципиальной и мужественной позиции простых верующих, которые обращались с жалобами в подобных случаях³⁵⁸. Именно факт наличия таких жалоб заставил уполномоченного реагировать на эти противозаконные требования властей.

Со стороны священнослужителей уполномоченным были отмечены нарушения:

1. Совершение треб незарегистрированным духовенством.
2. Проведение церковных служб в здании снятого с учета молитвенного дома.

Капитонов продолжал информировать Совет об активной деятельности епископа Романа. Так, только за период с апреля по июнь 1952 г. епископ, по данным уполномоченного, выезжал в следующие приходы епархии: приход Вярска, к дню храмового праздника 6 мая, в Пюхтицкий монастырь для проведения службы в праздник Троицы и для решения вопросов внутренней жизни монастыря, в приход Обиница - для освящения восстановленного в 1950-1951 годах храма, на остров Сааремаа и Муху для обозрения приходов. Сообщалось, что на этих островах епископ объехал все православные приходы³⁵⁹.

---

³⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 148.

³⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 149.

³⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 149.

³⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 128-129.

Как это бывало и прежде в конфессионально неоднородной Эстонии, произошел конфликт в одном из приходов. По поводу конфликта в Николаевской церкви Кингисеппа к уполномоченному поступило письмо, которое было им переадресовано в Совет для принятия дальнейших решений.

Документ был озаглавлен «Доклад Членов Николаевского прихода в Курессааре». Верующие писали: «Обращаемся с разъяснениями и просим Вашего вмешательства в ход событий. Создавшееся критическое положение вызвано деятельностью проникших в церковь враждебных народу лиц, что стоит в противоречии с принятыми церковными принципами. В ходе окончания войны в 1944 году из всех частей острова Сааремаа бежал ряд людей, в их числе и Настоятель Николаевского прихода и он же благочинный Лепик. Прибыл назначенный на должность настоятеля Курессаарского прихода Виктор Линд, который указал народу бессмысленность бегства, указывая скорое прибытие Советской Армии для освобождения. Годы войны принесли потрясения благочинию, они были ликвидированы благодаря В. Линд. С весны 1945 г. устраивались богослужения на русском языке, что было возложено на протоиерея В. Таммисту, который безупречно исполнял свои обязанности. Линд увеличил число русских богослужений на 1 плюс праздники. Были довольны все члены прихода – и русские и эстонцы. В среде духовенства царил мир. В мирную жизнь в 1949 году вторгся С. Ульянов, который состряпал ложные доносы, где называл благочинного Линда «еретиком»³⁶⁰. Тот был допрошен епископом Исидором, председателем Епархиального Совета священником Георгием Алексеевым и епископом Романом, факты из доноса не подтвердились. Однако вскоре Ульянов и его единомышленники, как сказано в документе «изготовили ложную жалобу на протоиерея В. Таммисту, где указывались такие недостатки священника, как небрежность, безразличие, старость, «без зубов, его не понимают, русские его не хотят». Будто бы русские верующие желают прихода священника Клааса и образования в приходе своей отдельной группы. «Это им удалось, так как Клаас

---

³⁶⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 131-132.

епископу Роману друг и зять бывшего министра юстиции Ийеэра, буржуазного националиста, которые были когда-то членами Курессаареского прихода», значилось в документе. Последовало увольнение протоиерея В. Таммисту и назначение священника Андрея Клааса на его место. Правление прихода выступило в защиту прот. Таммисту, представив епископу Роману доклад, в котором свидетельствуется безупречное служение прот. Таммисту и обращалось внимание на то, что деятельность свящ. Клааса будет для прихода роковой. «Но епископ Роман не принял во внимание это заявление, даже направил в правление прихода резкий ответ. Там содержались выговор Таммисту и угрозы Линду, вся ответственность за произошедшее возлагалась на священника Линда»³⁶¹. В ответ священник Клаас послал епископу Роману заявление о своем уходе из-за невозможности совместной работы со священником Линдом и выразил пожелание создать единый приход под руководством священника, владеющего обоими языками. В результате священник Виктор Линд был «устранен без всякого расследования», вместо него назначен священник Андрей Клаас.

Авторы жалобы отмечали, что знают положение дел и удивляются действиям епископа Романа, который считается лишь с односторонней информацией маленькой группы и ничего не предпринимает для основательного выяснения действительного положения, что епископ не принял во внимание более 400 подписей, собранных в поддержку священника Линда. Епископа Романа посетила делегация духовенства о. Сааремаа представляя документы, «из которых видно было, что у них отсутствует возможность совместной работы с новым благочинным. Но этого», - писали жалобщики, «епископ Роман не хотел принять во внимание. Теперь после ухода священника Линда создано критическое положение: приход разлагается, правление ушло, ибо у него отсутствует доверие к Клаасу и его «сообщникам». Также и «двадцатка» представила заявление об уходе, ибо и они не доверяют Клаасу, Ульянову и их единомышленникам»³⁶². Авторы послания просили содействия скорейшему выходу из сложившегося положения с

---

³⁶¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 131–132.

³⁶² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 131–132.

применением для этого серьезных мер, ибо, с их слов, они стояли перед дилеммой: или разложение Николаевского прихода и в значительной мере благочиния или восстановление мирного положения и назначения Линда и Таммисту на их прежние места. Кроме того, подписанты просили уполномоченного прислать на место представителя для беспристрастного расследования. После жалобы ситуация переломила. Капитонов сообщил в квартальном отчете в разделе «Выбыли», что священник Клаас Андрей Александрович, настоятель Николаевской церкви гор. Кингисепп Пярнуской области – выбыл в Псковскую епархию (уполномоченный при этом ссылался на свое письмо от 3. 11. 52, № 125).

В данный период стали неожиданно поступать и иные жалобы на епископа Романа. Их внезапное появление вскоре после прибытия Пюхтицкой иконы в Таллин, после доклада уполномоченного об активных посещениях епископом отдаленных приходов и Пюхтицкого монастыря производят впечатление спланированной кампании с целью удаления епископа из епархии, что и произошло через два года³⁶³.

Надо отметить, что кадровые решения, связанные со священниками Линд и Рауд, протоиереем Калинин, проблемы и склоки в приходах в Кингисеппе и в Николаевском в Таллине, написанные в связи с этим жалобы - бросали тень на епархиального архиерея. Эти сугубо внутрицерковные вопросы могли остаться и без внимания уполномоченного, Совета и местных руководителей, однако, создается впечатление, что эти ситуации искусственно подогревались представителями властей.

Вместе с тем, верующие продолжали бороться за спасение своих приходов там, где это было возможно. Похоже, общей атмосферы в стране эти простые люди не чувствовали и докучали властям своими ходатайствами о разрешении возобновить богослужения в снятых с учета церквях и сделать их приписными (Вормси, Рынгу), Выпсу, Хаапсалу и Тарту³⁶⁴.

---

³⁶³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 146-147.

³⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 147.

Параллельно давление государства на верующих усиливалось. Подобно тому, как прежде это происходило в «тыловых» районах СССР, верующие, особенно связанные по работе с детьми и молодежью, стали подвергаться притеснениям. Жалобы на увольнения с учительской работы по мотивам родственных связей с церковнослужителями написали в этот период сестра священника Феликса Кадарика в городе Кингисепп и гражданка Пааланди в поселке Вяндра³⁶⁵.

Статистические сведения на середину 1952 г. были следующими: 115 действовавших приходов и 1 молитвенный дом³⁶⁶.

Распределение приходов Эстонии по местонахождению: 67% находились в сельских местностях, 28% - в городах, 4% - в поселках городского типа. Эти статистические сведения для нас имеют принципиальное значение. Они показывают, сколь велик был в тот период процент приходов, находившихся в сельских районах. И хотя количество прихожан в них было значительно меньше, чем в городских храмах, эти приходы нужно было содержать, требовалось духовенство для их окормления.

По национальному составу прихожане православных храмов республики распределялись следующим образом: 81 приход или 70% в процентном выражении всех приходов - эстонские, 19% или 22 прихода – русских, 13 приходов (11%) – смешанные.

Важно отметить, что чисто эстонские приходы, т.е. посещавшиеся прихожанами – этническими эстонцами, в основном располагались в сельской местности (83%), а русские приходы в городах составляли 64%. Среди городских приходов многие были смешанными (77%)³⁶⁷.

Всего церквей и молитвенных домов, действующих на 1 января 1953 г. в городах было 33, в поселках городского типа или в курортных поселках – 5, в сельской местности – 78 (77 типовых церквей и 1 молитвенный дом)³⁶⁸.

---

³⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Там же.

³⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 135.

³⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 136.

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 167.

В своих отчетах этого периода уполномоченный обращал внимание Совета на укрепление положения Пюхтицкого монастыря, подтверждая это следующими фактами. На 5 сентября 1952 г. в обители находились 90 насельниц (монахинь – 38, послушниц – 52). В монастыре было 4 церкви, также функционировало подворье в Таллине (Введенская церковь). Были приняты в монастырь в период с января по сентябрь 1952 г. 8 насельниц. В это же время умерло 4, и 1 послушница покинула монастырь. Посвящены были из послушниц в монахини 5 человек одновременно, 8 ноября 1952 г. Послушница Наумова за дисциплинарные взыскания была исключена из монастыря епископом, но через несколько месяцев по ее заявлению вновь была принята в монастырь³⁶⁹.

Интерес в Совете вызвала информация о православных часовнях на территории Эстонии. Об этом можно судить по тому, что соответствующий отрывок в архивном документе был подчеркнут и сбоку отмечен чертой проверявшим материал сотрудником Совета. В Москве узнали, что на территории Эстонии имелось также около 40 часовен. Большинство из них были расположены в Тартуской области, около Чудского озера, в районах, пограничных с Псковской и Ленинградской областями³⁷⁰. Возможно, речь могла идти о придорожных часовенках.

Статистика по духовенству епархии в 1952 г. содержала следующие сведения: 1 епископ, иереев 72 (протоиереев 28 и священников 44) и дьяконов 9³⁷¹.

Отмечается «жизнеспособность» приходов в крупных городах Эстонии, отдельно сказано про Таллинскую область, где все действующие храмы считались уполномоченным «весьма жизнеспособными»³⁷².

Что касается доходности церквей, то более половины всех церквей имели доход в год не свыше 5000 рублей, а 20 % до 1 тысячи рублей³⁷³.

---

³⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 171.

³⁷⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 136.

³⁷¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 136.

³⁷² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 137.

³⁷³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 141.

Уполномоченный снова, как и в 1951 г., отмечал оживление религиозной жизни: рост числа церквей и их доходность, главным образом, в городах и в крупных поселках и населенных пунктах, что объяснялось в основном увеличением числа русского населения в них, общим ростом благосостояния горожан, а также активной деятельностью церковнослужителей. Отмечено, что в то же самое время массово-политическая работа оставалась недостаточной.

Уполномоченным в этот период были представлены в совет материалы по снятию с регистрации церквей в ЭССР: два прихода в Тартуской области и пять приходов в Пярнуской области³⁷⁴.

Во второй половине 1952 г. уполномоченный Капитонов доложил в Совет, что наибольшее число поступивших к нему от населения жалоб было связано с запрещением местными организациями проведения панихид на кладбище³⁷⁵. В большинстве случаев запреты властей были мотивированы эпизоотией ящура, вследствие чего был установлен строгий карантин и ограничено передвижение людей, но запреты на общеприходские поминовения усопших на кладбищах были наложены и в других районах. Поскольку уполномоченный докладывал, что по его представлениям эти запрещения в некоторых районах были отменены, эпизоотия, очевидно, явилась лишь предлогом для введения запрета на проведение поминальных мероприятий³⁷⁶.

Количество богослужений к концу 1952 г. характеризовалось следующим образом: из 49 церквей, не имеющих постоянных священников-настоятелей, в четырех в течение 1952 г. службы совершенно не проводились. В одной церкви – Таллинском кафедральном соборе – службы совершались ежедневно³⁷⁷. По количеству богослужений была приведена следующая статистика:

По субботам, воскресеньям и двенадцатым праздникам, а также по средам и пятницам Великого поста службы совершались в 34 приходах.

Только лишь в воскресные дни и великие праздники - в 27 церквях.

---

³⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 142.

³⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 157.

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 158.

³⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 176-177.

Регулярно богослужения проходили в 62 приходах, нерегулярно – в 50.

Вовсе не проводились богослужения в течение года и более – в 4 приходах республики (в районах Кастолатси, Кулламаа, Маритса, Суйслепа).

Относительно Пюхтицкого монастыря приводились следующие сведения. На 1 января 1953 г. в обители отсутствовал постоянный священник. Богослужения в монастырской церкви совершались монахинями³⁷⁸. Священник для обители вскоре был прислан из другой епархии: 30 марта 1953 года в Пюхтицкий монастырь прибыл иеромонах Феодосий (Ефимов Федор Кузьмич)³⁷⁹.

Еще одно помещение, прежде принадлежащее монастырю, к тому времени уже было выведено из его собственности: это помещение, где располагалась больница, в 25 км от монастыря, в деревне Гефсимания. Уполномоченный обосновывал это решение тем, что поскольку это помещение давно фактически монастырем не использовалось и было занято под больницу, уполномоченным было высказано согласие на оформление его для передачи Йыхвискому райисполкому³⁸⁰.

Были поданы вторично ходатайства о возобновлении Богослужений: в недавно построенном храме-часовне в деревне Агусалу (Овсово) Йыхвиского района, Таллинской области, а также в здании недействующей православной церкви на острове Вормс, Хаапсалуского района, Пярнуской области (церковь была снята с учета решением Совета 23.03.1951)³⁸¹. По делу об Овсовской часовне мнение секретаря ЦК и работников отдела агитации и пропаганды ЦК компартии Эстонии сводилось к отказу в ответ на ходатайство верующих. В конце декабря священник Захаров, проживающий там, и являющийся по мнению уполномоченного, инициатором открытия церкви, епископом Романом был назначен настоятелем церкви в Тартуской области, что Капитонов комментировал так: «Полагаю, что после выезда Захарова из Овсово вопрос потеряет свою остроту. Однако, священник Захаров, насколько мне известно, по месту нового назначения

---

³⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 176 – 177.

³⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1205. Л. 3.

³⁸⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1205. Л. 182

³⁸¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1205. Л. 170.

не выезжал и, хотя официального отказа в епархиальное управление не присылал, но и выезжать из деревни Агусалу не хочет³⁸².

В этот же год областными организациями была предложена кандидатура на должность уполномоченного по Пярнуской области – заведующий отделом кадров облисполкома т. Бенцало Исидор Иванович, 1985 года рождения, украинец³⁸³, член КПСС с 1940 г, образование среднее, в 1914 г. окончил учительскую семинарию. Кандидатуру отправили на согласование.

1953 год в церковной жизни Эстонии можно охарактеризовать как один из наиболее интересных для настоящего исследования. Несмотря на усиление гонений в общесоюзном масштабе, именно в 1953 многие показатели церковной активности в Эстонии, в противовес общесоюзным тенденциям, достигли рекордных значений. Так, впервые за рассматриваемый прежде период число насельниц монастыря достигло 100 человек. Это произошло в результате приема 10 новых женщин в течение одного года³⁸⁴. Существенно больше такое число за столь непродолжительный период в последующие десять лет набрать не удастся.

Также, согласно сведениям уполномоченного, увеличилось в 1953 году число участников леери – конфирмаций. Так, в 11 «эстонских» приходах за короткий период обряд прошли более 80 человек, что превосходило показатели предыдущего года³⁸⁵. Данная информация вызвала беспокойство в Совете. Сотрудник Совета Уткин написал на полях: «почему?», очевидно, призывая уполномоченного Капитонова разобраться в таком нетипичном для 1953 года проявлении усиления религиозной активности³⁸⁶.

Еще одной неприятной для Совета новостью стало увеличение посещаемости Пюхтицкого монастыря в летний период. Паломники приезжали на 2-4 недели и проживали, трудились в монастыре. «Займитесь этим вопросом», - последовало указание из Совета уполномоченному по Эстонии³⁸⁷.

---

³⁸² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1205. Л. 183.

³⁸³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 968. Л. 185.

³⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1205. Л. 5.

³⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1098. Л. 107.

³⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1098. Л. 107.

³⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1098. Л. 107 – 113.

Увеличилась в 1953 и посещаемость храмов республики по сравнению с предыдущим годом³⁸⁸. Одним из факторов, доказывавших заметное отличие религиозной ситуации в Эстонии от общесоюзной было неприятие в тот период коренным населением республики антирелигиозной агитации. В одном лишь отчете уполномоченного приводятся сразу три примера активных протестов слушателей лекций на антирелигиозные темы. Так, когда на лекции «Происхождение религии и ее реакционная сущность» был затронут вопрос крещения детей, слушатели в резкой форме спросили у лектора, «почему крестить нельзя, если религия разрешается»? Вывод организаторов был таким: «лекция была воспринята враждебно и ничего положительного не дала»³⁸⁹. Другой случай. Парторгу Хаммер эстонцы-слушатели его лекции заявили: «что ты задеваешь религию? Советская власть разрешает церкви и запрещать обряды никто не может». А вскоре после лекции секретарь комсомольской организации совхоза сам пошел на конфирмацию в церковь³⁹⁰. Нетрудно представить себе, какую реакцию такая информация из Эстонии вызвала в Совете. Данные примеры показывают, насколько эстонские реалии существенно меняли религиозную ситуацию в республике и определяли отличие ее от общесоюзной. Несмотря на принимаемые меры, в 1953 году в Эстонии они не достигли результата. Однако, уже вскоре ситуация станет меняться.

Епископ Роман (Танг) в 1953 году обратился к уполномоченному с просьбой о переносе останков архиепископа Евсевия (Гроздова), захороненного в Нарвском соборе, ввиду частичного разрушения здания во время войны. В связи с тем, что руины собора могли быть разобраны и захоронение пострадать, епископ просил разрешения перенести останки в катакомбы Псково-Печерского монастыря. Епископ обещал перевозить гроб на автомашине, без церемоний, в ночное время. Со стороны Совета Министров Эстонии возражений не было. Уполномоченный направил запрос в Совет, откуда был получен ответ, что «нет необходимости»

---

³⁸⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1098. Л. 106.

³⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1098. Л. 50.

³⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1098. Л. 51.

переносить останки епископа Евсевия в Псково-Печерский монастырь. Если же части Нарвского собора будут разобраны, то перенос останков епископа может быть произведен на местное кладбище³⁹¹. Останки вскоре были захоронены на городском нарвском кладбище, а в 2006 году по благословению Патриарха Алексия II перезахоронены на кладбище Пюхтицкого монастыря.

В 1953 году произошли 2 перехода церковнослужителей на «гражданскую работу». Как отмечалось выше, представители местных властей неоднократно агитировали священников оставить церковную службу и перейти на гражданскую работу с учетом перспектив закрытия приходов. 3 января 1953 года такой переход осуществил священник Антон А.Ю., настоятель Покровской церкви села Карула, Валгаского района. Также перешел на гражданскую работу дьякон Шарин И.А. из Богоявленской церкви села Лохусуу, Муствееского района³⁹². Эти два перехода (один переход священника и один дьякона) стали немногочисленными примерами оставления церковной службы в Эстонии. Несмотря на все усилия властей в сфере коллективизации и агитации, массовым это явление в Эстонии так и не станет.

Таким образом, рассматриваемый в данной главе период с 1948 по 1953 гг. характеризуется осложнением церковно-государственных отношений как в стране в целом, так и в Эстонии. В эти годы епархию возглавляли сначала епископ Исидор (Богоявленский) (1947-1949), затем епископ Роман (Танг).

Анализируя положение Церкви в условиях государственного атеизма в СССР и динамику отношений властей и РПЦ в Эстонии в этот период отметим, что 1947 год еще можно охарактеризовать как спокойный для церковной жизни, однако, уже со второй половины 1948 г. ситуация стала меняться в худшую сторону.

В Совете по делам РПЦ однозначно озвучили новую тенденцию по сокращению влияния Церкви в обществе, вышел целый ряд документов, явно антирелигиозного характера. В Эстонии в ходе реализации новой политики государства в отношении Церкви была проведена проверка работы уполномоченного, которая привела к резким переменам в стиле работы последнего.

---

³⁹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1098. Л. 99.

³⁹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1205. Л. 3.

Результатом явилось противостояние уполномоченного и епископа Исидора, выразившееся в попытках функционера инспирировать кампанию против архипастыря.

Во второй половине 1948 г. стали проявляться первые результаты коллективизации в республике. Власти возлагали большие надежды на коллективизацию и формирование колхозов в контексте антирелигиозных мероприятий. Формального запрета на вступление священников в колхозы не было. Однако, фактически это было крайне затруднительно. В свою очередь без членства в колхозе многодетные семьи священников были лишены земли, и, соответственно, пропитания. Эти трудности затронули прежде всего самую необеспеченную часть эстонского духовенства - сельское. Власти рассчитывали на то, что в результате тяжелых условий жизни произойдут массовые переходы на гражданскую работу. Однако, этого в Эстонии не случилось. Такие случаи были в Эстонии единичными.

Вторая половина 1949 г. ознаменовалась сразу несколькими крайне болезненными для церковной жизни республики событиями. Впервые был поставлен вопрос о судьбе Пюхтицкого женского монастыря. Уполномоченный Н. Карсаков доложил в Совет о фактах якобы имевших место нарушений в жизни монастыря и в отношениях между насельницами. Впервые уполномоченным было озвучено предложение о закрытии монастыря.

Вестой 1949 г. произошли аресты нескольких представителей духовенства Эстонии.

Последовавшая в конце 1949 г. смерть епископа Исидора (Богоявленского) практически совпала со смертью его оппонента, уполномоченного Н.Ф Карсакова.

Епископу Исидору пришлось руководить епархией в сложный период. Многолетнее отсутствие экономической поддержки епархии из Москвы к этому времени уже существенно сказалось на церковной жизни республики, делая существование отдаленных сельских приходов почти невозможным. Иерарх понимал это и неоднократно высказывал озабоченность. У архиерея не было реальных возможностей принципиально переломить ситуацию. Вместе с тем, по свидетельству покойного Патриарха Алексия II, именно благодаря стараниям

епископа Исидора епархия была освобождена от установленных священноначалием выплат на общецерковные нужды, которые осуществляли все епархии. Также стараниями Владыки кандидаты из Эстонии, намеревавшиеся рукополагаться в республике, бесплатно обучались в духовных семинариях и Академиях, а престарелое духовенство республики стало получать пенсии из центрального пенсионного фонда Русской Православной Церкви³⁹³.

В марте 1950 г., после кончины епископа Исидора, в республику по решению митрополита Григория (Чукова) была направлена ревизионная комиссия в составе председателя – профессора-протоиерея Осипова А. А., преподавателя ЛДА Шишкина А.Ф, и бухгалтера-ревизора митрополии Иванова К.К. В задачи комиссии входило в том числе и рассмотрение кандидатур на должность главы епархии. Грубое вмешательство уполномоченного Тарасова в обсуждение кандидатур впоследствии стоило ему должности, чему предшествовал вызов в Москву и критика в Совете.

После проведения инспекции церковной жизни республики руководство епархией было временно возложено на митрополита Ленинградского Григория (Чукова). Для того был целый ряд причин. Скоропостижная кончина епископа Исидора не позволила обстоятельно рассмотреть вопрос о возможном приемнике. Кроме того, комиссия выявила ряд недостатков, которые предстояло преодолеть, при этом не осложняя отношений с властями. Ошибки, допущенные на этом этапе, в отношениях Церкви и государства могли бы сыграть трагическую роль для православия в нашей стране, потому, очевидно, отдавая себе отчет в новом характере отношений государства и Церкви в СССР, руководство Патриархии старалось действовать предельно осмотрительно.

Большой опыт митрополита Григория был в этой ситуации совершенно необходим будущему эстонскому епископу, которому предстояло осуществлять служение в очень непростых условиях. Около года епископ Роман (Танг) оставался викарным и проводил большую часть времени в Ленинграде, в непосредственном

---

³⁹³ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 433-434

контакте с митрополитом. И в дальнейшем митрополит утверждал все основные решения епископа Романа.

В 1950 г. с одной стороны, стало отмечаться повышение посещаемости храмов, особенно в крупных городах, обусловленное прибытием в республику специалистов из других регионов страны, вместе с тем, произошла череда трагических событий для церковной жизни: были арестованы некоторые представители духовенства, случилось прежде невиданное для спокойной и веротерпимой Прибалтики событие - осквернение храма в Кохилаа. Антирелигиозная кампания набирала обороты.

В 1950 г. в Эстонии был рукоположен во священника Алексей Михайлович Ридигер, будущий Святейший Патриарх Алексий II.

Под предлогом законных оснований в 1950-1951 гг. были изъяты ряд церковных помещений в пользу государства. Произошел снос часовни в Таллине на улице Пикк.

Из внутри-церковных событий следует отметить сокращение, а затем и упразднение епархиального Совета по мере усиления влияния епископа Романа в республике. Несколько приходов были слиты в один.

Епископ с первых месяцев самостоятельного управления (с марта 1951) стал активно посещать удаленные приходы, Пюхтицкий монастырь. Многочисленные поездки епископа по республике не остались незамеченными в Совете. Прежде незаметный священник теперь проявлял себя как активный и деятельный епископ. На данном этапе государственно-церковных отношений в глазах власти это было весьма негативным фактом.

Также епископ Роман при поддержке духовенства республики организовал прибытие Пюхтицкой иконы в Таллин, где она пробыла около месяца, что вызвало недовольство в Совете и претензии к уполномоченному, допустившему такое мероприятие.

В декабре 1951 г. новым уполномоченным по Эстонии стал П. Капитонов. Состоявшееся в этот период собрание духовенства республики в Таллине было крайне негативно воспринято в Совете.

Постепенно в адрес епископа Романа стали появляться критические замечания со стороны уполномоченного. Очевидно, активная деятельность на своем посту, постоянные поездки по храмам республики, мероприятия по активизации церковной жизни Эстонии стали вызывать раздражение в Совете.

1952 год, несмотря на усиление антирелигиозной пропаганды в стране в целом и в Эстонии в частности, характеризовался ростом посещаемости больших городских храмов, прежде всего, за счет пребывавшего в республику русскоязычного населения. Вместе с тем в 1951-1952 гг. произошел ряд случаев вандализма в отношении храмов. Также отмечалось улучшение экономических показателей в жизни Пюхтицкого монастыря, что было связано с приходом заметного числа молодых насельниц в предыдущие годы, и, как нам представляется, с притоком русского населения из других регионов СССР в окружающие монастырь промышленные районы республики.

Дальнейшее повышение религиозной активности отмечалось и в 1953 году. Посещаемость храмов, участие в конфирмации, рекордное число насельниц в Пюхтицком монастыре – эти особенности церковной жизни республики вызывали крайнее недовольство в Совете. Таким образом, на тот период антирелигиозные мероприятия властей в Эстонии не могли переломить тенденцию по активизации церковной жизни.

Таким образом, период 1948-1953 гг. для эстонского православия характеризуется обострением отношений государства и Церкви на фоне аналогичных общесоюзных тенденций.

Начало нового витка гонений на Церковь в СССР стало сказываться и на церковной ситуации в республике. Аресты духовенства, закрытие храмов или же слияние приходов, давление и инспирирование кампаний против архиереев – эти прежде характерные для остального СССР антирелигиозные мероприятия теперь стали реалиями эстонской церковной жизни.

Следует отметить лишь, что слияние и закрытие приходов в Эстонии происходило в большинстве случаев не по волевому решению партийного начальства, как это обычно происходило в так называемых «тыловых районах»

СССР, а в силу экономических и объективных причин (отсутствие священника, переходы эстонцев из православия в лютеранство, вымирание приходов, невозможность для прихода содержать священника). Однако, партийные руководители и уполномоченный, используя эти объективные сложности, старались всячески ускорять и провоцировать данные процессы. Такова была особенность эстонской церковной жизни.

Понимая это, местное партийное руководство, судя по документам, весьма активно выполнявшее распоряжения из Москвы, и проявлявшее готовность немедленно проводить линию Центра, при этом достаточно лояльно настроенное по отношению к лютеранству и совершенно противоположным образом - к православию, возлагало большие надежды на коллективизацию, поставившую сельское духовенство республики в тяжелейшее положение. Однако, эстонское сельское духовенство продолжало нести свое служение в изменившихся условиях.

Активное участие митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) в руководстве епархией в первые годы после кончины епископа Исидора (Богоявленского) сыграло весьма важную и благотворную роль. Опытный церковный деятель, прекрасно понимавший все сложности взаимодействия с властями, оказал большую помощь епархии в период обострения государственно-церковных отношений в стране.

Следует отметить характерную именно для Эстонии особенность - активизацию церковной жизни сразу в нескольких аспектах в период начала 1950-х годов. Причиной такой активизации стали прежде всего действия самих властей по организации прибытия в республику тысяч русскоязычных граждан, с одной стороны, активность епископа и духовенства с другой стороны и феномен местного коренного населения, непривыкшего к грубому вмешательству властей в религиозную жизнь и на тот момент времени неготового безмолвно терпеть нападки на религию.

Дальнейшие изменения положения Церкви в Эстонии в условиях антирелигиозной политики государства и государственного атеизма будут рассмотрены в следующей главе.

ГЛАВА 3. ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЭСТОНИИ В 1954 - 1958 ГОДАХ: ОБЩЕСОЮЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭСТОНСКИЕ РЕАЛИИ

3.1. Ситуация в отношениях Церкви и государства к 1954 году

В 1953 г. закончилась сталинская эпоха. Завершился долгий и трагический для страны и для Церкви период, когда антицерковные гонения достигали колоссального масштаба, но вместе с тем явились тысячи новомучеников и праведников, представителей духовенства и простых верующих, свидетельствовавших истину в условиях воинствующего государственного атеизма. Этот период не был однородным. Как было показано в предыдущих главах, периоды репрессий сменялись их ослаблением, затем гонения возобновлялись снова.

После недолгого потепления периода 1944-1947 гг. в самом конце 1940-х снова начались притеснения Церкви и верующих. К 1951-1952 гг. в стране вновь попали в места заключения тысячи мирян и священнослужителей.

В Эстонии также произошли аресты представителей духовенства, усиливалась антирелигиозная пропаганда, под запретом оказались многие требы и религиозные обряды, стали сниматься с регистрации приходы, угроза закрытия нависла над Пюхтицким монастырем.

Однако, в силу различных причин, рассмотренных выше, религиозная активность в Эстонии в эти годы не уменьшалась, что вызывало сильное раздражение властей. В начале 1950-х стабильно росла посещаемость храмов, количество треб, увеличивалось количество насельниц Пюхтицкого монастыря. Лишь один показатель шел стабильно вниз – численный состав духовенства. Происходила естественная убыль, особенно сельского эстонского духовенства,

замены им не было. Жизнь священника на селе после начала коллективизации была очень сложной. Ввиду численного сокращения духовенства, под угрозой закрытия оказывались небольшие сельские приходы.

Важная роль в поддержании церковной жизни республики принадлежала правящему архиерею Роману (Тангу) и митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову). Усилиями епископа Романа и при щедрой материальной поддержке со стороны Московской Патриархии³⁹⁴ велись обширные ремонтные и реставрационные работы в храмах Эстонии. Активность на своем посту епископа Романа в условиях изменившегося характера государственно-церковных отношений обусловила негативный тон отчетов уполномоченного, что не могло остаться незамеченным в Совете. Это в свою очередь, рано или поздно должно было привести к кадровым решениям.

Таким образом, все активнее проявлялись в Эстонии общесоюзные тенденции.

3.2. Перемены в церковной жизни Эстонии

В 1954 году происходили следующие заметные события в жизни епархии. Продолжался рост посещаемости богослужений. Кроме вышеупомянутых новых жителей республики, храмы Эстонии поддерживали и представители военных гарнизонов³⁹⁵, также появившихся в Эстонии с приходом советской власти. Продолжался заметный рост числа насельниц Пюхтицкого монастыря. Теперь их было 111³⁹⁶. В этом вопросе уполномоченный усматривал влияние самого епископа

---

³⁹⁴ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 437.

³⁹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1205. Л. 15.

³⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 103.

Романа, который прежде сам был священником обители, и как докладывал в Совет Капитонов, постоянно интересовался жизнью монастыря, всячески старался помочь³⁹⁷. 9 октября 1954 в обитель прибыл священник Петр Серегин³⁹⁸. На многие годы отец Петр станет духовником обители, любимым для многих паломников пастырем. По этому поводу уполномоченный докладывал в Совет биографию отца Петра: что священник происходил из «кулаков», был раскулачен, получил 3 года ИТЛ, отбывал срок с 1931 по 1934 годы, затем состоял за штатом, в годы войны воевал рядовым, с 1946 по 1954 служил священником в Петрозаводске³⁹⁹. Очевидно, что столь подробно биографию священника уполномоченный докладывал в Совет по причине подозрений, которые отец Петр вызывал у функционера.

В 1953 году Ленинградскую Духовную Академию со степенями кандидатов богословия окончили Алексей Ридигер (будущий Патриарх) и Александр Таркмеев. Едва назначенный руководить приходом священник Александр Таркмеев был охарактеризован уполномоченным так: «религиозный фанатик, склонен ко всяческой активности в религиозной деятельности»⁴⁰⁰.

Существенно снижалось за минувшие годы количество священнослужителей республики. Капитонов приводил следующую статистику: в 1950 в Эстонии служило 78 священников, в 1951 - 72, в 1952 - 68, в 1953 - 64, в 1954 - 60⁴⁰¹. Эта убыль прежде всего тяжело сказывалась на положении отдаленных сельских «эстонских» приходов. Жизнь там была сложной, пожилые священники умирали, новых со знанием языка было очень мало. Происходила и убыль прихожан. Многие переезжали в города, ввиду коллективизации и общей урбанизации. Некоторые эстонцы переходили назад в лютеранство. Новое поколение росло уже в иной ситуации. Антирелигиозная пропаганда усиливалась, посещение храмов детьми и молодежью становилось все более редким явлением.

---

³⁹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 103.

³⁹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 107.

³⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 107.

⁴⁰⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1205. Л. 18.

⁴⁰¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1205. Л. 37.

В церковной жизни Эстонии к 1955 г. сложились обстоятельства, приведшие к заметным кадровым переменам. Ушла на покой много лет руководившая Пюхтицким монастырем игуменья Рафаила (Мигачева). В самом конце 1955 г. сменился и правящий архиерей. В качестве официальной версии было заявлено, что причина перевода епископа Романа (Танга), занимавшего эстонскую кафедру с 1950 года, в его назначении викарным епископом Ленинградской епархии в помощь болевшему ленинградскому митрополиту Елевферию (Воронову). Однако, как было показано выше на основании анализа архивных документов, активность епископа Романа вызывала раздражение в Совете, и уполномоченным по Эстонии велась планомерная работа по его дискредитации.

Патриарх определил протоиерею Георгию Алексею стать эстонским архиереем. Георгий Алексеев родился в Гатчине, в семье служащего Гатчинского дворца, окончил реальное училище, учился в Технологическом институте, в 1914 г. поступил в Петроградскую духовную академию, которую окончил в 1918 г. со степенью кандидата богословия, в 1919 г. с остатками армии генерала Юденича оказался в Эстонии, работал педагогом, написал учебник русского языка для эстонских школ, был псаломщиком, регентом, священный сан принял в 1931 г., в 1952 г. овдовел. 17 декабря 1955 г. в Троице-Сергиевой Лавре принял монашеский постриг с именем Иоанн, 22 декабря митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) был возведен в сан архимандрита. 25 декабря 1955 г. в Богоявленском соборе в Москве был хиротонисан в епископа Таллинского и Эстонского⁴⁰². Пять с лишним лет епископу Иоанну предстояло управлять эстонской епархией. Этот период и является предметом рассмотрения в данной главе.

В целом на этом этапе одним из важнейших аспектов государственно-церковных отношений в Эстонии становится судьба Пюхтицкого Успенского женского монастыря.

---

⁴⁰² *Маякова И.А.* Иоанн (Алексеев) // Православная Энциклопедия. М., 2015. Т. 23. С. 378-380.

В июне 1955 г. игуменья Рафаила (Мигачева), управлявшая обителью с 1947 г., по болезни в связи с ее прошением была уволена на покой. Новой настоятельницей стала Ангелина (Афанасьева). В связи с назначением новой настоятельницы епископ Роман (Танг) распустил созданный при прежней игуменье Монастырский духовный собор, предоставив новой настоятельнице Ангелине право «единолично управлять хозяйственной и административной жизнью обители, как и живущими в монастыре сестрами»⁴⁰³.

В информационных отчетах эстонского уполномоченного в тот период особое внимание уделялось деятельности монастыря. Делались попытки детального анализа происходивших в обители событий. Наиболее подробно исследовался кадровый вопрос: возраст монашествующих и послушниц, их социальный статус, причины ухода в монастырь с его непростым и не слишком комфортным бытом и тяжелым физическим трудом. На фоне закрытия монастырей в СССР подобный поступок требовал личного мужества. Чиновники и партийные функционеры, судя по всему, не могли представить себе, что приводить девушек в обитель могла вера в Бога и потому искали доказательств агитации со стороны духовенства и монашествующих. Подтверждение фактов такой агитации было бы весьма полезно властям в контексте возраставшей антирелигиозной политики в СССР.

Уполномоченный Капитонов докладывал, что к началу 1956 г. в монастыре проживали 111 женщин, в том числе монахинь – 52 (из них 1 схимонахиня), инокинь - 23 и послушниц – 36. Согласно таблице из отчета Капитонова 49,5% монашествующих были в возрасте от 19 до 30 лет, 50,5% - старше 55 лет.

В течение 1954 и 1955 г. перевелись из Пюхтицкого в другие монастыри – монахиня Сошальская – в Горненский монастырь в Израиле и послушница Валентина Трофимова (будущая игуменья Пюхтицкого монастыря Варвара) в Вильнюсский монастырь, 3 послушницы ушли из монастыря (их возраст соответственно - 20, 26 и 49 лет). Их достаточно молодой возраст был отмечен на

---

⁴⁰³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 1420. Л. 29.

полях документа членом Совета как особенно важный аспект. И действительно, приход в монастырь взрослых или пожилых женщин не сильно беспокоил власти, в отличие от ситуации с молодыми. При этом были приняты в монастырь за истекшие 2 года 24 женщины, из которых никогда в монастыре не были 21, и 3 вступили повторно, среди них 1 – монахиня. За эти же 2 года были облечены в рясофор 7 насельниц, из них 6 – старше 55 лет и 1 – 37 лет⁴⁰⁴. На подворье монастыря в Таллине в то время несли послушание от 6 до 8 монашествующих.

По статистическим данным уполномоченного можно прийти к выводу, что с 1949 года произошло заметное увеличение приема новых насельниц в обитель: с 2-3 человек в 1949-1952, до 10-12 в год в течение 1953-1955 гг. На этот факт обратили внимание в Совете⁴⁰⁵.

В Москву направлялись и краткие характеристики на поступивших в обитель (возраст, образование, род занятий). Особый интерес представляли бывшие работницы и служащие, особый интерес вызывали жительницы больших городов, в частности – Ленинграда. В документах отмечены 7 фамилий жительниц крупных городов⁴⁰⁶.

Уполномоченный докладывал, что в разговоре с ним как предыдущая настоятельница Рафаила (Мигачева), так и новая, игуменья Ангелина (Афанасьева) утверждали, что число желающих поступить в монастырь, особенно лиц пожилого возраста, весьма значительное. Игуменья Рафаила со слов Капитонова заявляла, что она в короткий срок могла бы довести число насельниц до 200 и более (эти слова в тексте также подчеркнуты членом Совета как важные), но приходилось отбирать из числа желающих молодых и физически здоровых, которые смогли бы заниматься сельскохозяйственными работами⁴⁰⁷.

По наиболее чувствительному для властей вопросу о причинах продолжавшегося и даже увеличивавшегося числа желавших принять монашество женщин уполномоченный докладывал в Москву, что у него нет конкретных данных

---

⁴⁰⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 29.

⁴⁰⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 103.

⁴⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 104.

⁴⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 105.

о проведении специальной «вербовочной» работы среди населения, однако, вместе с тем Капитонов предполагал, что, что «выезды монахинь в отпуска играют известную популяризирующую монастырь роль. Также известно, что в церковных кругах и особенно среди многих архиереев монастырь известен, и при случае ему оказывают всемерную поддержку». В условиях массового закрытия монастырей, начиная с конца 1940-х, о чем было сказано выше, обителей оставалось все меньше, и Пюхтицкая стала чаще попадать в поле зрения архиереев из разных епархий страны. Соответственно, в Пюхтицы стали пребывать сестры из различных регионов страны.

Капитонов отмечал особую роль епископа Романа в жизни монастыря. Владыка некогда был священником в Пюхтицком монастыре и с тех пор интересовался жизнью обители, и по словам уполномоченного, всячески старался помогать. Анализ географии, откуда приходили новые послушницы, показывал, что большинство прибывало из Ленинграда и Ленинградской области, поступали также из столицы и области, в том числе, как отмечено, при участии Патриархии (не очень понятно, откуда эти сведения у уполномоченного). Сообщалось, что несколько человек прибыли из Ростова-на-Дону по рекомендации митрополита Вениамина (Федченкова)⁴⁰⁸.

Биография священника Пюхтицкого монастыря, Петра Серегина, вызывала много подозрений у уполномоченного, и потому была им переправлена в Совет. В частности, сообщалось, что он происходил из семьи крестьян-кулаков, в 1931 г. был раскулачен и по статье 72 УК РСФСР и осужден к 3 годам исправительно-трудовых работ, отбывал наказание с 1931 по 1934 годы, затем находился за штатом и в период войны воевал рядовым. В 1946-1954 годах был священником Крестовоздвиженского собора в Петрозаводске. С 9.10.1954 служил в Пюхтицком монастыре.

Подробно описанное расписание церковных служб в монастыре с указанием примерного числа местных жителей, посещавших их, имело целью

---

⁴⁰⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1 Д. 1319. Л. 106.

проанализировать то влияние, которое оказывал монастырь на население и возможно, каков будет уровень протестных настроений в случае закрытия обители. Так, в воскресные дни на богослужение, несмотря на подавляющее число лютеранского населения в округе, приходило несколько десятков человек из местных, а в дни больших праздников люди приезжали из соседних деревень, в том числе из Агусалу (Овсово), находящегося в 12 км от обители, поскольку в деревне около года не было своего священника. В Совет также было доложено, что летом в обитель приезжают в отпуск паломники, в странноприимном доме с июня по сентябрь минувшего года было зарегистрировано 258 человек, каждый из которых прожил в монастыре в среднем 2 недели. Этот факт был подчеркнут сотрудником Совета в документе как важный. Также в Москве заинтересовались информацией о том, что на праздник Успения в обитель прибыли более 3 тысяч человек. Доходы монастыря в 1955 г. возросли, что позволило отремонтировать некоторые здания и улучшить условия жизни монашествующих⁴⁰⁹.

Нарушений законодательства монастырем уполномоченный не обнаружил, однако, доложил об увеличении суммы пожертвований и сообщил о намерении проверить источник этих средств. В то же время Капитонов докладывал о конфликтах среди насельниц, отмечал, что несколько послушниц якобы обращались к нему с жалобами на настоятельницу и на епископа. Так, по словам Капитонова к нему обратилась послушница Гайван, 1926 года рождения, живущая в монастыре с 1953 г., с жалобами на слишком резкую грань между молодыми и пожилыми монахинями и полным бесправном подчинении молодых пожилым, на что, по его словам, Капитонов разъяснил, что при отсутствии нарушений советских законов это считается внутренним делом монастыря. В 1954 и 1955 гг. в обитель были приняты среди прочих 3 женщины, биографии которых были направлены в Москву. Вот основные пункты этих биографий согласно документам ГАРФ:

Резон Леонида Леонидовна (урожденная Чичагова) 1883 года рождения, высшее образование, вдова, из дворян, прибыла из Москвы, в монастыре с января

---

⁴⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 1319. Л. 107-111.

1954 г., в рясофор принята с именем Леониды, в монахини - с именем Серафимы. Отец - дворянин, артиллерист, врач. Две дочери остались в Москве. Не судима. Родственников за границей не имела⁴¹⁰.

Соболева Надежда Андреевна, из служащих, 1899 года рождения Пострижена в рясофор с именем Вениамины 29.5.1954. Окончила гимназию им. Алферовых в Москве, в 1920 г. уехала за границу, где вышла замуж, жила в Париже и в Швейцарии, там пережила смерть мужа, 1947 г. реэмигрировала на Родину из Франции. Сын остался во Франции. 1949-1953 – исполняла обязанности сторожа-старосты при православном храме в Кемери, в Латвии. К судебной ответственности не привлекалась. Послушание в храме в Латвии (Кемери) Надежда Андреевна несла по благословию своего духовного отца, митрополита Вениамина (Федченкова)⁴¹¹.

В биографии Фролкиной Марии Федоровны было отмечено, что прибыла она из г. Электросталь Московской области. К судебной ответственности не привлекалась, родственников за границей не имела, в августе 1954 г. из списков монастыря была исключена. Информация по этой насельнице была направлена в Московский Комитет КПСС, а также Трушину, уполномоченному по Московской области. Принятые в обитель послушницы крестьянского происхождения интереса в Совете, судя по всему, не вызывали, поскольку никаких отметок относительно их биографий в документах нет⁴¹².

В ответ Капитонову Советом был дан целый ряд распоряжений конкретно по поводу монастыря, а именно: монахиню Соболеву следует «иметь ввиду и интересоваться ее деятельностью в обители». Также уполномоченному было поручено поговорить с епископом о том, чтобы монастырь ограничил пребывание паломников 1-2 днями, вместо 2 и более недель, как это бывало прежде, разобраться в возможных злоупотреблениях с церковными свечами в бытность настоятельницей Рафаилы (Мигачевой). Было принято во внимание мнение

---

⁴¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 124

⁴¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 125-126.

⁴¹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 126.

Капитонова о том, что, уезжая в отпуск, монахини могут вести «вербовочную работу», в связи с чем уполномоченному было поручено получить сведения и доложить в Совет для дальнейшего там изучения информации о сроках отпусков насельниц, количестве отъезжающих и о соответствии этих отпусков монастырскому уставу⁴¹³.

Экономическое положение Пюхтицкого монастыря существенно осложняли высокие нормы поставки сельхозпродукции, установленные государством. В этот период, согласно документам ГАРФ, настоятельница обращалась к уполномоченному с вопросом о снижении этих норм в связи с низкими надоями молока. Однако, чиновники министерства заготовок навстречу просьбе не пошли⁴¹⁴.

В период второй половины 1950-х годов кампания по закрытию монастырей набирала обороты по всей стране. Совет постоянно требовал от уполномоченных отчеты о деятельности действующих монастырей и указывал в своих поручениях всем уполномоченным на необходимость больше интересоваться деятельностью монастырей по приему новых лиц, в особенности молодых, в возрасте 20-25 лет.

В целом по стране в этот период Совет отмечал следующие тенденции в жизни монастырей:

1. Повсеместно было отмечено увеличение монастырских доходов, происходившее в основном за счет церковных доходов, а также переводов значительных денежных средств патриархией и епископатом в течение последних 2 лет. В некоторые монастыри кроме денежных переводов направлялись продуктовые и промтоварные посылки, адресованные как отдельным лицам, так и монастырю в качестве пожертвования. Например, в мужском монастыре Глинская пустынь за недолгий период пожертвования увеличились более чем на 60 %.

2. По мнению властей, монастыри пытались усилить свое влияние и связь с окружающим населением не только путем церковной деятельности, но и с помощью других мероприятий. В качестве примера общесоюзного масштаба как

---

⁴¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1319. Л. 138.

⁴¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 7.

раз был приведен Пюхтицкий женский монастырь, предоставлявший насельницам отпуска для выезда в разные города. Также отмечался факт длительного проживания паломников в гостинице эстонского монастыря ⁴¹⁵.

3. Совет также обращал особое внимание всех уполномоченных на важность и необходимость предоставления сведений о таких важных событиях, как монастырские (престольные) праздники.

В 1955-1956 гг. статистические данные по Эстонии были следующие: 116 православных общин, 125 храмов, из которых 111 типовых церквей и 14 молитвенных домов (из 125 – приписными являются 9, из них церквей 6, молитвенных домов – 3, один монастырь. В республике находилось 33 часовни, наибольшее число которых (20) - в районах Ряпинаском и Вастселинаском. Ходатайств об открытии храмов не поступало. Важными событиями в среде духовенства можно назвать следующие: выбыл в Псковскую епархию священник Сарв Иаков (игумен Лазарь), бывший настоятель церкви Захарии и Елизаветы в поселке Ряпин. Вернулся священник Клаас Андрей из Крымской области и был назначен настоятелем Покровской церкви в деревне Нина. Священник Ремберг Феликс Янович 1889 года рождения, возвратился из заключения и был назначен настоятелем Яковлевской церкви местечка Удувере. Всего зарегистрированного духовенства на тот момент было 67 человек, дьяконов 7⁴¹⁶. В городах располагалось 37 храмов, в поселках городского типа – 5, в сельской местности – 88 ⁴¹⁷. По национальному составу: эстонских общин насчитывалась 81, (из них 67-в сельской местности), русских общин – 23, при этом большинство (15), находилось в городах и поселках. Смешанных общин – 12, большинство из них располагались в городах (75%). Согласно сведениям уполномоченного, русские общины имеют постоянных церковнослужителей, а в некоторых имеется даже по 2-4 постоянных священника, что наглядно свидетельствует о достаточной доходности русских общин⁴¹⁸. Смешанные приходы были обеспечены духовенством на две трети. Совершенно

---

⁴¹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 8-10.

⁴¹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 3-4.

⁴¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 9.

⁴¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 11.

иное положение отмечено в эстонских православных общинах, большинство из которых, особенно в деревне, было не в состоянии содержать постоянного священника. Духовенство по национальному составу: из общего числа протоиереев, священников и дьяконов – эстонцев было 41, русских – 23, по 1 украинцев и белорусов.

В документе подчеркнута следующая фраза: «владеют одним только эстонским языком 6 человек». По образованию духовенства – окончивших Духовную Академию и богословские факультеты – 5, имеющих незаконченное духовное образование – 5, выпускников духовных семинарий - 21, сдавших экзамены на священника или дьякона экстерном – 36 человек. Иностранцами из всего эстонского духовенства владели 5 человек, среди них - епископ Иоанн (Алексеев). Впервые в документах уполномоченного в Совет приведен список посвященных в диаконы и священники в годы оккупации. Очевидно, это было веянием времени: отследить священников неблагонадежных, с подозрительными фактами биографии. Таких в Эстонии уполномоченным было выявлено 10 человек, среди них - Ридигер Михаил А. – 1902 года рождения, из семьи дворян, на тот момент - настоятель Таллинской Казанской церкви⁴¹⁹. Представителей духовенства, состоящих в тот момент на регистрации, но имевших в прошлом судимость - всего 5 человек, среди них: протоиерей Василий Веревкин, в 1937 был осужден Особым Совещанием к 3 годам ИТЛ. Священник Ф. Ремберг, осужденный Верховным Судом ЭССР в 1949 г. по статье 58.10 на 6 лет ИТЛ. Освобожден 30.4. 1955. Священник Петр Серегин осужденный в 1931 г. на 3 года. Протоиерей Иоанн Юмарик, осужден Особым Совещанием в Москве в 1950 году, по статье 58. 10 на 10 лет ИТЛ. Освобожден досрочно по болезни в августе 1954 г. Священник Я. Кийратс с 1941 по 1946 находился в ссылке в Томской области «как бывший торговец». Освобожден в июне 1946 года⁴²⁰.

Русские общины были признаны более жизнеспособными. Наиболее активных из священников русских и смешанных общин отметил для себя

---

⁴¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 1420. Л. 13-14.

⁴²⁰ ГА РФ. Там же. Л. 14-16.

уполномоченный и выслал список в Совет. В списке значились священники: «в Таллине - Рауд и М. Ридигер, в Нарве - священник Андре, в Тарту-Лозинский, в Йыхви - Ридигер А.М (будущий Патриарх Алексей II-ремарка наша), в Хаапсалу – священник Александр Таркмеес⁴²¹. В эстонских приходах: в Таллине-протоиерей Николай Кокла, в Пярну - Бежаницкий, в Пыльтсамаа – Каус, в Абьяском приходе – Линд». Уполномоченный докладывал в Совет, что священник Соколов П.И направил жалобу на то, что его не допустили в больнице к тяжелобольной по ее приглашению, жалоба была перенаправлена уполномоченным в Минздрав ЭССР, в результате было получено решение о допуске священника по приглашению больных. Настоятель церкви города Йыхви, священник Алексей Ридигер обращался с ходатайствами о допуске его в один из Ленинградских архивов, где хранились бумаги митрополита Филарета, для работы над диссертацией. Он же ходатайствовал о разрешении совершать требы на дому, главным образом, причащать тяжело больных, проживающих в поселках запретной зоны. Оба ходатайства были удовлетворены⁴²².

Относительно показателей религиозной активности - в этот год отмечалось увеличение числа конфирмаций и венчаний в эстонских общинах, а также на 40 процентов выросло число венчаний в русских общинах⁴²³.

На основании архивных документов можно заключить, что уполномоченный старался вникать во внутренние дела Епархиального Совета, выявлять, какие шаги будут предприняты руководством епархии. Всю информацию по этому вопросу он направлял в Совет. Так, настоятели сообщали, что в некоторых приходах стараются больше служить на церковно-славянском, священники эстонских приходов пытаются постепенно изучать русский язык, а настоятели просят предоставить русские богослужебные книги и сборники церковных песнопений на церковнославянском. Это факт необходимо отметить отдельно. Как уже было сказано выше, проезд в республику большого числа специалистов из других

⁴²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 17.

⁴²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 5-7.

⁴²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 18-19.

областей СССР, приглашенных на работу для создания промышленных предприятий Эстонии, открытия новых и расширения имеющихся – несомненно стал одним из важнейших факторов религиозной жизни Эстонии 1950-х годов. В результате прибытия русскоязычных граждан число прихожан городских храмов резко возросло. Упомянутые выше примеры касались, в частности, приходов района Кингисепп, куда и прибыло значительное число рабочих и служащих из разных республик СССР. Прежде посещавшиеся этническими эстонцами приходы теперь наполнились русскими прихожанами, однако, священники-эстонцы, и тем более, хористы и регенты не имели богослужебных сборников на церковнославянском и потому обратились за помощью в Епархиальный Совет.

Вообще об активной позиции и искреннем стремлении духовенства Эстонии максимально поддерживать и укреплять свои приходы говорят многие факты. Так, священники транслировали уполномоченному просьбы прихожан о печатании сборников церковных песнопений⁴²⁴ (в эстонских приходах было принято исполнять всем приходом много песнопений), а также периодического духовного журнала на эстонском языке. Духовный композитор, профессиональный музыкант, один из старейших на тот момент священников епархии, протоиерей Христофор Винк отмечал важность хорошего хорового сопровождения богослужения для привлечения богомольцев⁴²⁵.

Усердно ремонтировались храмы. Прихожане активно подключались к этим работам, что в свою очередь, вызывало недовольство уполномоченного, с раздражением замечавшего в своих отчетах и справках, что такого усердия не наблюдается при создании «красных уголков», «а скорее обратное». Особо подчеркивалась в документах Епархиального совета важность произнесения проповедей на двух языках, чтения акафистов в церквях, регулярные богослужения. Звучали призывы уделять особое внимание содержанию проповедей, по примеру лютеранских общин, где проповедь является основным моментом богослужения. Было рекомендовано по возможности привлекать к

---

⁴²⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 20.

⁴²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 21-22.

богослужению двух и более священников, чтобы служба выглядела более торжественно⁴²⁶. Безусловно, данная рекомендация относилась к городским приходам, на селе такой возможности не было.

Характерной особенностью этого этапа истории православия в Эстонии является относительно более мирное и спокойное сосуществование православной и лютеранской конфессий. О былых конфликтах и противоречиях, факты которых встречались в архивных материалах середины 1940-х годов и в середине 1950-х, теперь не упоминалось. Очевидно, что перед лицом общей серьезной угрозы – в данном случае – усиливавшейся атеистической пропаганды со стороны властей – было забыто о прежних противоречиях. Так, в местечке Торнимяэ здание церкви использовалась и православной, и лютеранской общинами мирно и попеременно с тех пор, как была разрушена кирха в местечке Пейде. Когда летом 1955 г. церковь ремонтировали, подаяния шли от обеих конфессий⁴²⁷. Во втором полугодии 1955 г. Епархиальное управление выпустило и разослало настоятелям 2 номера отпечатанных «Известий Эстонской епархии» на русском и эстонском языках⁴²⁸.

Контакты православного духовенства с лютеранскими пасторами, которые были налажены, согласно воспоминаниям участника этих событий Патриарха Алексия II, еще епископом Исидором (Богоявленским), теперь продолжались его приемниками на этом посту. Взаимоотношения официальных лиц - епископа Иоанна (Алексеева) и лютеранского архиепископа Яна Кийвита, по сведениям уполномоченного, носили регулярный характер, главы конфессий обменивались визитами, согласовывали мероприятия по приему иностранных гостей.

Вскоре после сообщения в Совет биографии протоиерея Василия Веревкина, как вызывающей подозрения, священник был выведен за штат по болезни, что очевидно, позволило ему избежать повторного ареста. О распространенной тогда практике арестов «повторников» говорилось выше. Из других кадровых решений стоит отметить следующее: священник Евгений Тамм 1917 года рождения, бывший

---

⁴²⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 24.

⁴²⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 30.

⁴²⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 29.

настоятель Петропавловской церкви Ориссаареского района, был уволен 1 февраля 1956 г. за штат, поскольку перешел из православия в секту методистов⁴²⁹.

Значительно более оживленно по сравнению с предыдущими годами, согласно информации уполномоченного, проводились «общекладбищенские панихиды». Число участников было больше в полтора раза, чем в предыдущем году.

Относительно проведения обряда конфирмации в эстонских приходах отмечалось не столько увеличение числа конфирмантов, сколько значительное число присутствующих при обряде⁴³⁰. При этом уполномоченному стало известно, что систематическая подготовка к конфирмации (изучение основ вероучения), не всегда проводилась, вместо положенных нескольких месяцев девушки и юноши лишь накануне дня конфирмации (леери) собирались в церкви ненадолго для ознакомления с правилами молитвы и основами вероучения. В связи с укоренившимся в эстонском православии обычаем конфирмации уполномоченный докладывал, что настоятель Таллинского Преображенского собора писал епископу о следующей ситуации с подготовкой к конфирмации (леери): поскольку сбор молодежи в церкви более не разрешен, конфирманты не умеют себя вести в церкви, не знают, когда креститься, когда встать на колени, как принять причастие. В отсутствии этих навыков прихожане часто винят священника, что он не подготовил конфирмантов. Верующие не понимают причин запрета на обучение конфирмантов и все их неловкости при совершении обряда приписывают вине священника. В связи с этим настоятель собора обращался с просьбой разрешить священнику хотя бы несколько раз собирать конфирмантов для подготовки к обряду. Настоятель Тартуской церкви также писал о необходимости обучения конфирмантов в свободное от работы время, а также о печатании песенных листков ко дню конфирмации (леери)⁴³¹.

---

⁴²⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 33.

⁴³⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 38.

⁴³¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 39.

Начавшееся вскоре после окончания Второй мировой войны противостояние СССР с бывшими союзниками - США и Великобританией и впоследствии - с другими западными странами вновь поставило мир на грань войны. Советский Союз, обескровленный войной, допустить новой войны не мог.

Потому, несмотря на возобновление гонений на Церковь, власти настоятельно рекомендовали Патриархии участвовать в миротворческом движении и оказывали всестороннюю помощь. Участие русских иерархов в работе Всемирного совета церквей (с 1961 г.), Пражского христианского движения в защиту мира всячески поддерживалось и в значительной мере - регулировалось властями⁴³². Надо отметить, что в те годы роль церквей на мировой арене была совершенно иной, нежели сегодня. Религиозный фактор играл в тот период действительно значимую роль в политических процессах. Достаточно вспомнить, что тему гонений на религию в СССР неоднократно поднимали в переговорах с представителями СССР британцы. В период 1950-1960-х годов советское руководство вынужденно было учитывать мнение западных лидеров и зарубежных СМИ о свободе религии в СССР. Безусловно, большинство западных политиков и журналистов были далеки от искреннего беспокойства за судьбы Церкви и православия, однако, это был серьезнейший аргумент в переговорах с представителями СССР и одной из основных тем антисоветской пропаганды, причем тем, которые вызывали яркий отклик в европейских странах, где население тогда было достаточно религиозным, а влияние Церкви - значительным.

Имел место еще один специфический фактор, имеющий отношение именно к Эстонии - контакты с зарубежными СМИ. Западные журналисты проявляли большой интерес к религиозной жизни в СССР и этим весьма досаждали советскому руководству. Западные регионы СССР в этом смысле были для властей хорошей «площадкой». С одной стороны, советские органы безопасности не были заинтересованы в путешествиях западных журналистов вглубь страны, где находились секретные предприятия и закрытые военные части. В Прибалтике,

---

⁴³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 3.

недавно вошедшей в состав СССР, таких объектов к тому моменту еще практически не было. Кроме того, балтийские республики располагались вблизи от европейских стран, а заметно большее, чем в остальном СССР число храмов, причем действующих, позволяли продемонстрировать иностранцам отсутствие гонений на религию. Со второй половины 1950-х гг. такие мероприятия стали проводиться все чаще, проходили они, в том числе, и в Эстонии.

Актуальной для эстонского православия оставалась проблема перехода из православия в лютеранство. «Непрерывно шел процесс» перехода верующих из православия в лютеранство, чему немало способствовали многочисленные смешанные браки⁴³³. Посещение богослужений, совершение отпевания и иногда даже крещение детей в Эстонии проводились порой священниками противоположных конфессий, четко разграничивалось лишь проведение конфирмации (воцерковления), которая проходила только в церкви своего вероисповедования. Венчание смешанных пар часто проходило по договоренности с родственниками, причем порой каждый из молодоженов оставался в своей вере⁴³⁴.

Один лютеранский пастор крестил нескольких детей военнослужащих гарнизона «без миропомазания – т.е. просто в христианскую веру», а православный священник говорил, что при обращении к нему лютеран крестил без миропомазания, в христианскую веру, без условия обращения их в православие. Вместе с тем секретарь епископа священник Кокла по поводу крещений им детей родителей лютеран сообщал, что он всегда предупреждал, что при крещении им ребенка последний тем самым обращается в православие⁴³⁵.

Совершенно иной характер имели отношения между православным духовенством и сектантскими организациями. Наблюдалось либо отсутствие контактов, либо непримиримая вражда со стороны последних. Так, в Пярну баптисты и адвентисты развернули активную вербовку в том числе и среди православных, а в Валге баптисты даже старались обратить в свою веру

---

⁴³³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 42.

⁴³⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 42-43.

⁴³⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 44-45.

православного священника Савина и его семью, систематически приходя к нему домой. Когда в Эстонию из Швеции прибыла делегация шведских баптистов, гости выразили желание встретиться с православным епископом и посетить православный собор, епископ встретиться согласился, но до уполномоченного было доведено мнение православной Церкви о том, что с баптистами никакой духовной близости у православных быть не может⁴³⁶.

Относительно деятельности нового епископа Иоанна (Алексеева) уполномоченный сообщал в Совет, что епископ активно ездит по епархии, проводит богослужения, выступает с проповедями на русском и эстонском языках. С неудовлетворением уполномоченный отмечал, что епископа встречают на местах «хлебом-солью, устраиваются трапезы», а многие колхозы для выезда верующих колхозников на церковные службы с участием епископа даже выделяют автомашины⁴³⁷. Также уполномоченный сообщал, что новый епископ «приблизил к себе священника Рауд, сделав его Таллинским благочинным». В отчетный год Епархиальным Управлением были напечатаны: православный календарь за 1956 г. на эстонском языке в количестве 2000 экземпляров, а также «памятные листки» ко дню конфирмации - 2000 экземпляров⁴³⁸.

23-25 октября 1956 г. состоялся третий пленум ЦК компартии Эстонии, на котором особое внимание было уделено вопросам идеологии⁴³⁹ в свете выполнения соответствующих решений XX съезда КПСС. Был констатирован факт «запущенности» в проведении политической работы с населением Эстонии, многочисленные факты небывалого для СССР свободомыслия, в критике национальной политики царской России, политики СССР, негативное отношение к эстонцам, приехавшим из других областей СССР, проявления националистических настроений⁴⁴⁰. В эстонской студенческой среде активно критиковали политику СССР, действия СССР в Венгрии, многие студенты не желали вступать в комсомол.

---

⁴³⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 46.

⁴³⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 47 – 48.

⁴³⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 49.

⁴³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д.3. Л. 86.

⁴⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д.3. Л. 87-89.

Так, из 2300 студентов Сельхозакадемии за год в комсомол был принят только 1 человек!⁴⁴¹ Отчет с данной информацией был направлен из Эстонии в Москву.

Перечисленные факты доказывают колоссальное отличие в настроениях молодежи в Эстонии и остальном СССР в данный период. Ответственность за эти тенденции была возложена партией на комсомольские организации ВУЗов и местное партийное руководство комсомолом. Было отмечено «увеличение влияния церковников» на фоне неудовлетворительной организации научно-атеистической пропаганды». Литературный критик Лаоссон и заведующий Отделом культуры Таллинского райисполкома Тийтс открыли на партийном мероприятии дискуссию, в ходе которой заявили, что «в Таллине во время буржуазной Эстонии жилось значительно лучше, чем в настоящее время»⁴⁴². Этот факт также с очевидностью показывает, сколь значительно отличались настроения людей в Эстонии от ситуации в центральных областях СССР. На партийном пленуме эстонские сотрудники позволяли себе заявлять то, что не обсуждалось даже в бытовых разговорах между людьми в «тыловых» районах СССР в тот период. По результатам заседания были предложены кадровые решения, секретарь ЦК компартии Эстонии Кэбин И.Г. был приглашен Москву, в ЦК КПСС для беседы.

Для понимания общей ситуации также представляет интерес справка, подготовленная в октябре 1956 г. уполномоченным Капитоновым к пленуму ЦК компартии Эстонии, впоследствии перенаправленная в Совет на имя Карпова, под названием «Религиозная обстановка в республике и состояние научно-атеистической пропаганды», в которой значится, что в сравнении с 1937 г. стало заметно уменьшение числа верующих. Причины усматриваются в развитии социалистических идей, науки, однако, Капитонов предостерегает вместе с тем, что «некоторые товарищи полагают, что в церковь никто уже не ходит, одни старушки. Это товарищи ошибаются».

---

⁴⁴¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 3. Л. 90.

⁴⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 3. Л. 92.

Уполномоченный докладывал в Совет, что в Эстонии сохранилась «чрезвычайно густая сеть церквей и молельных домов»⁴⁴³, а также общины баптистов, адвентистов. Отсюда, делал вывод эстонский уполномоченный, происходит размах деятельности всех этих религиозных направлений. Активная церковная деятельность подтверждалась большим числом участников религиозных обрядов. Приводится статистика: в лютеранской и православной церквях за 1955 г. крещений детей произошло около 9 тысяч, венчаний около 2 тысяч пар, похорон более 8 тысяч, причастий около 130 тысяч.

Уполномоченный констатировал, что это значительно ниже довоенных показателей, но ситуация, по его мнению, требовала усиления воспитательной работы. Особенно высокая посещаемость церквей наблюдалась в южных районах Эстонии. За 3-4 года, с 1953 по 1957 гг., происходил непрерывный, из года в год, рост всех показателей религиозной активности: посещаемости, участия в обрядах, объема пожертвований и доходности приходов. В результате улучшения финансового положения приходов проводились ремонты и украшения церковных зданий, что еще больше способствовало, по мнению функционера, привлечению людей в Церковь⁴⁴⁴. Причины сохранения влияния Церкви Капитонов видел в недостатках в научно-атеистической пропаганде: так, начавшееся после появления передовицы «Правды», а затем и постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10.11.54 оживление научно-атеистической пропаганды продолжалось недолго и стало затихать в 1956 г. и далее велось в недостаточных, по его мнению, масштабах. Вместе с предложениями по усилению соответствующих инициатив Капитонов отмечал, что церковные деятели, разворачивая свою активность вокруг борьбы за мир, одновременно с этой борьбой занимались и религиозной пропагандой, и не только в проповедях, но и в личных беседах. Упоминался и обряд конфирмации, ежегодно проводимый всеми лютеранскими и даже православными церквями и

---

⁴⁴³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 53-54.

⁴⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 55.

сопровождаясь значительным числом участников, особенно молодежи⁴⁴⁵, в то время как, отмечалось в документе, районные и городские власти не уделяли должного внимания этим мероприятиям. Например, летом 1955 года в Вяйке-Марья с утра и до середины дня при большом скоплении народа проводился такой праздник и весь воскресный день был «предоставлен в распоряжение местной церкви». В это время местными властями не проводилось никаких развлекательных мероприятий, особенно, спортивных, сетовал Капитонов. Вину уполномоченный возлагал на местные партийные органы. В качестве положительного примера Капитонов приводил пример с празднованием так называемого Иванова дня. Так, прежде чисто религиозный праздник, как полагал уполномоченный, был «превращен нами во всенародный праздник, дающий массе атеистическое воспитание».

Действительно, в прибалтийских республиках этому дню всегда была свойственна его древняя языческая обрядность. Вероятно, в советское время эта тенденция усилилась. Образ святого Иоанна был полностью редуцирован, все внимание было смещено на идею солнцестояния, люди не посещали церковь, а устраивали длительные пикники с обязательными танцами, прыганием через костры и купанием в водоемах. Те традиции, которые много столетий назад Церковь заменила религиозными ритуалами и наполнила духовным содержанием, под влиянием атеистической пропаганды советских властей вернулись во всех своих языческих формах.

Капитонов предлагал практиковать в деревнях в дни больших религиозных праздников проведение массовых мероприятий, спортивных и культурных. Предлагал также улучшить работу ЗАГСов, подобрать в них «авторитетный состав регистраторов», приспособить часы работы к запросам вступающих в брак, практиковать регистрацию на дому, в клубах, на предприятиях с участием общественности, улучшить работу коммунальных отделов по приведению кладбищ в порядок, чтобы этим не занималась Церковь⁴⁴⁶.

---

⁴⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 56-57.

⁴⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 58.

Борьба с усилением влияния Церкви в обществе велась по всем направлениям. Подорвать экономическую основу деятельности приходов считалось важной задачей и в предыдущие периоды антирелигиозной политики в СССР. В рассматриваемый период активнее анализировались доходы церквей, сотрудники Совета старались выявить «слабые места» и наоборот, те факторы, которые позитивно сказывались на финансовом состоянии приходов. В Эстонии ни производства церковной утвари, ни какого-либо другого церковного производства не имелось, а свечами приходы снабжались через Епархиальное управление, которое их получало из Ленинградской свечной мастерской. Таким образом выявить надежный потенциальный способ пополнения епархиальной казны не получилось. Закупка топлива производилась каждой общиной самостоятельно⁴⁴⁷. На фоне улучшения экономического положения, повышения доходности Церквей, высвобождались средства на благоустройство и ремонт приходов. Так, примерная сумма затрат на ремонты по городским и сельским церквам составила: в 1951 году – 50 тыс. рублей, в 1955 – 430 тысяч, а в 1956 - 200 тысяч, всего с 1951 по 1957 – 1.130.000 рублей⁴⁴⁸. Часто работы проводились силами церковнослужителей и верующих, при помощи прихожан, и в итоге «в случаях ремонтных работ в церкви всегда увеличивался приток пожертвований и происходила известная активизация в церковной жизни общин». Капитонов доложил, что он поддержал ходатайства о выделении стройматериалов лишь на строения, состоящие под охраной государства.

---

⁴⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 60.

⁴⁴⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 62.

3.3. Усиление давления на Церковь со стороны властей, обострение ситуации вокруг Пюхтицкого монастыря

По-прежнему с особым вниманием относились в Совете к информации, связанной с деятельностью единственного в республике монастыря – Пюхтицкого женского Успенского. В течение 1956 г. были приняты 18 женщин, из которых послушницами – 10, 4 из них – повторно, и 2 женщины, которые также уже ранее состояли в монастырях⁴⁴⁹. Всего насельниц насчитывалось 116 (в 1954 их было 111). Изменение в количестве монашествующих за несколько лет выглядело следующим образом: с 1951 по 1957 гг. всего было принято 56, всего выбыло – 30. Никаких существенных изменений в жизни обители уполномоченный не отметил. Вместе с тем в 1956 г констатировал увеличение посещаемости церковных служб в монастыре молящимися извне, как из окружающего населения, так и приезжими⁴⁵⁰. Выросло число причастников, проданных свечей и принятых поминаний, увеличились «тарелочные» и «кружечные» сборы. Были проведены и ремонтные работы: отремонтирована часовня на источнике, проведены внутренние ремонты крыши и прочее⁴⁵¹. Обязательные поставки государству молока, мяса и зерна были монастырем перевыполнены⁴⁵². Поскольку в предыдущие годы отъезд насельниц в отпуска рассматривался уполномоченным и Советом как повод для «агитации», этот вопрос теперь им отслеживался весьма внимательно. По просьбе уполномоченного в обители теперь велась книга учета отпусков, из анализа приведенных в которой данных можно сделать вывод, что в 1955 году в отпуск выезжали 35 насельниц, в 1956 – 22. Топография мест проведения отпусков в целом совпадала с предыдущим местожительством. Вывод Капитонова: «Большинство по-видимому, действительно выезжали по личным делам к своим родственникам,

---

⁴⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 1420. Л. 118-119.

⁴⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 1420. Л. 121.

⁴⁵¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 1420. Л. 123.

⁴⁵² ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 1420. Л. 126.

но некоторые из них возможно выполняли те или иные поручения монастыря. Однако, об этом не говорят». Десять человек в течение 1955 и 1956 гг. выезжали в отпуска дважды, а монахиня Силуана Соболева 3 раза – 2 раза в 1955 г. и один раз, в 1956 г. - в Москву, Горький и Ленинград⁴⁵³. Очевидно, что этот вопрос отслеживался уполномоченным с целью профилактики возможных «вербовок» новых девушек в монастырь. Подобной агитацией, как полагали в Совете, и был обусловлен тот факт, что молодые женщины поступали в обители. Кроме того, очевидно, власти искали повод для закрытия Пюхтицкого монастыря, и в этом смысле информация о возможной «вербовке» была бы очень кстати для членов Совета.

Один факт из жизни монастыря весьма примечателен. В местном сельском совете уполномоченному Капитонову сообщили, что в монастыре «хорошие рачительные хозяева, общий порядок, высокая дисциплина, большое трудолюбие и просто поразительная выносливость монашек. По первой просьбе колхоза помочь в сельхозработах монастырь выделяет свою рабочую силу. В колхозе отмечали, что насельницы работали «очень хорошо. В районе даже подумывали о том, чтобы еще выделить дополнительно земли монастырю», а секретарь Йыхвиского райисполкома отметил, что монастырь основательно и существенно помогает колхозу своей рабочей силой. По этим сведениям можно судить о том, сколь самоотверженно и старательно трудились его насельницы, если снискали столько положительных откликов со стороны колхозного начальства. Вместе с тем селяне докладывали, что у них в колхозе нет порядка, плохая дисциплина, земля обрабатывается плохо, урожаи низкие, кормов не хватает, доходы малые, людям выдают мало денег за «трудодни». «Образцовым колхозом» селяне назвали Пюхтицкий монастырь, где все происходило организованно, по заведенному порядку. Говорили так: «Вовремя сеют, прополят, по-хозяйски относятся к имуществу», «там женщины в летнюю пору кажется работают сутками». На предположение, что у монастыря земли лучше, чем колхозные, последовал ответ,

---

⁴⁵³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 127.

что земля «там самая последняя, хуже и быть не может, да руки там другие, работают там очень упорно и много»⁴⁵⁴.

На вопрос, почему в колхозе не могут так же работать, уполномоченному ответили, что в колхозе каждый «тянет в свою сторону и нет сплоченности интересов, такого порядка быть не может, кроме того в колхозе председатель - старый шахтер и сельское хозяйство знает плохо». Комментарий уполномоченного по этому поводу свелся к тому, что в монастыре хозяйство не на высоком уровне, оно ведется по старинке, но там действительно работают трудолюбиво и все, что произрастает на земле, собирают полностью, не допуская потерь. Относительно новой настоятельницы, игуменьи Ангелины (Афанасьевой), уполномоченный сообщал, что она обращается с монахинями строго и требовательно. Некоторые насельницы якобы говорили о предыдущей игуменье Рафаиле как о «доступной и ласковой» настоятельнице⁴⁵⁵.

В целом же, по мнению уполномоченного, в 1956 г. влияние монастыря не только не ослабло, но возросло и укрепилось. Даже местное лютеранское население приходило на богослужение в большие монастырские праздники посмотреть и помолиться, а в праздник Крещения – взять освященную воду. Местные говорили, что «молиться можно и в православной церкви»⁴⁵⁶. Капитонов предлагал местным советским и партийным органам усилить массовую культурно-просветительную работу среди населения Йыхвиского района, оказать помощь соседним с монастырем колхозам в их укреплении и усилении работы с населением.

В тот период в качестве вызывавших подозрение своими биографиями названы насельницы. Примечательна одна биография, по фактам которой легко прослеживаются тенденции в отношениях государства и Церкви. Голубцова Наталия Александровна (монахиня Сергия) 1896 года рождения, родилась в Загорске, отец – Голубцов Александр Петрович, профессор МДА, мать Ольга Сергеевна – дочь ректора МДА протоиерея С. К. Смирнова, умерла в 1920 г. в

---

⁴⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 129.

⁴⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 129-130.

⁴⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 130-131.

Чащино, Тамбовской области. Старший брат Иван Александрович – историк, профессор МГУ, другой брат Николай – священник в Донском монастыре, еще один брат – епископ Сергей, еще один – Серафим, священник в Коломне. Сама Наталия окончила гимназию, работала учительницей, библиотекарем, с больной сестрой уехала в Крым, где поступила в женский Троице-Казанский Крымский монастырь. Обитель была закрыта в 1929 г., монахиня вернулась в Загорск, служила псаломщицей во Владимирской, затем в Ивановской областях. В 1937 г. Ивановской тройкой была осуждена по 58 статье на 10 лет ИТЛ, отбывала на Беломорканале. В 1947 г. вернулась из заключения в Переяславль. Однако в 1948 г. была сослана в Сибирь, в Ачинск, в 1954 г. была освобождена из ссылки, приехала в Струнино Владимирской области. В 1954-1956 гг. была певчей в Загорске, помогала в Троице-Сергиевой Лавре. В сентябре 1956 г. была принята в Пюхтицкий монахиней с именем Сергия⁴⁵⁷.

Во втором полугодии 1956 г. статистика количества церквей не претерпела изменений (116 общин со 125 церквами и молитвенными домами и 1 монастырь с 5 церквами). Всего духовенства на 1 января 1957 г. насчитывалось 66 человек, священников - 59, дьяконов - 6⁴⁵⁸. За полугодие выбыли: священник Андрей Клаас – в июле 1956 годы выбыл в Крымскую епархию, священник Александр Таркмеев – в Ташкентскую и Средне-Азиатскую епархию, священник Петр Кярк, 1878 года рождения – за штат по старости и болезни. Диакон Таллинского кафедрального собора - Подекрат С.И. епископом снят с должности и выведен за штат за пьянство, протодиакон Иосиф Лонгинов выведен за штат по болезни и старости.

Прибыли: вернулся из заключения в Ангарлаге Иркутской области священник Михаил Дубровин 1905 года рождения, и в августе 1956 г. был назначен настоятелем церкви св. Параскевы Ряпинаского района.

Священник Юлий Нийнеметс, 1911 года рождения, прибыл из заключения в ИТЛ Джекказганского района Карагандинской области Казахской ССР, назначен в декабре 1956 настоятелем Ряпинаской церкви святых Захарии и Елизаветы.

⁴⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1420. Л. 144.

⁴⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 19.

Владимир Залипский посвящен в сан священника и назначен вторым священником Богоявленской церкви в Йыхви. Лысак, Василий, 1922 года рождения, назначен дьяконом в Таллинский Александро- Невский собор⁴⁵⁹.

Список подозрительных с точки зрения уполномоченного представителей духовенства в этот период дополнили: рукоположенные епископом Иоанном (на что обращалось особое внимание членов Совета): Столяров М.И. 47 лет, русский, из крестьян. До 1941 г. он проживал в Эстонии, во время войны служил по мобилизации рядовым в трудовом батальоне в Челябинской области, в феврале 1946 был осужден Челябинским областным судом на 5 лет за антисоветскую агитацию и до 1950 г. отбывал срок. После освобождения приехал в Нарву и работал на Кременгольмской мануфактуре, с 1954 г. – псаломщик, затем дьякон, в 1956 посвящен в священники.

Залипский Владимир, 31 год, русский, из Таллина, окончил Таллинскую русскую гимназию, трудился рабочим, в августе 1944 г. был мобилизован в фашистскую армию, направлен в Германию, где прошел военную подготовку, после чего с января 1945 г. до окончания войны в составе немецкой армии воевал рядовым на восточном фронте. После войны и до 1947 г. находился в фильтрационных лагерях под Москвой, затем работал в Эстонии, в 1948-1950 гг. проходил обучение в Ленинградской духовной семинарии, откуда был исключен, работал счетоводом, в сентябре 1956 – рукоположен в священники⁴⁶⁰.

Эстонское духовенство, как было показано выше, проявляло активную позицию в случаях грубого нарушения законодательства в отношении Церкви. Эти меры были весьма эффективны, власти часто вынуждены были реагировать. За недолгий период в середине 1950-х гг. поступило порядка 10 жалоб от священников уполномоченному только по одному вопросу: о взимании обязательных сельхозпоставок с приусадебных участков «по нормам единоличников». Капитонов перенаправлял жалобы в министерство финансов ЭССР. Они были оставлены без удовлетворения, поскольку оснований к

---

⁴⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 20-22.

⁴⁶⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 21-22.

изменению норм поставок не было обнаружено. Впрочем, два священника, не имевшие коров в личном хозяйстве, были освобождены от поставок молока⁴⁶¹. Государство продолжало беспрецедентное давление на сельское духовенство. Как мы отмечали выше, целью этого давления было вынуждение священников оставить церковную службу и перейти на «гражданскую службу».

Как и с предыдущие годы, в данный период происходили случаи вандализма по отношению к православным храмам. Так, от протоиерея Иоанна Юмарика, настоятеля тартуской церкви поступила жалоба, в которой сообщалось, что учащиеся средней школы разбивают камнями стекла в церкви, портят деревья и растительность. Проведенная по запросу уполномоченного проверка подтвердила эти факты, а Тартуский городской отдел милиции сообщил о принятии мер⁴⁶². Повторная жалоба поступила от настоятеля Кергуской церкви, священника Феликса Ремберг. В ней говорилось, что учащиеся местной школы разбивали окна церкви.

Тираж православного церковного календаря на эстонском языке был увеличен на 1 тысячу и составил 3 тысячи экземпляров. Кроме того были даны разрешения, как и в предыдущие годы, на печатание листков на эстонском языке для пения в дни больших праздников и поминовения умерших⁴⁶³.

Снова был поднят календарный вопрос. Так, епископ сообщил уполномоченному о своем намерении подготовить письменное обращение к православным эстонцам с догматическим обоснованием необходимости перехода всех приходов Эстонии на старый календарь и восточную Пасхалию. Однако дальше предварительного разговора решение вопроса не продвинулось⁴⁶⁴. Это вполне объяснимо. Как уже отмечалось выше, приходы, посещавшиеся этническими эстонцами, придерживались западной пасхалии, и их прихожане не планировали менять положение вещей. Попытки искусственно переломить ситуацию порой просто приводили к переходу этнического эстонца или эстонки в

---

⁴⁶¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 24-25.

⁴⁶² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 25.

⁴⁶³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 26.

⁴⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 27.

лютеранство, чтобы жить по одному календарю церковных праздников со своими родственниками – лютеранами. Эта ситуация явно не соответствовала интересам Православной Церкви.

Священники эстонских приходов добивались от епископа права проводить церковные службы по западной пасхалии, объясняя это тем сильным влиянием, которое оказывало лютеранское окружение на православных эстонцев. Так, настоятель таллинской Преображенской церкви докладывал, что проведение пасхальных служб по восточному календарю принесло его приходу лишь за последние 6 лет около 30 тысяч рублей убытков⁴⁶⁵.

Таким образом, инициирование повсеместного введения старого календарного стиля и восточной пасхалии со стороны руководства епархии создавало опасность массового перехода этнических эстонцев из православия в лютеранство и могло подорвать существование небольших сельских приходов, которые и так находились на грани закрытия.

Также надо отметить, что православные эстонцы привыкли к западной пасхалии, совершенно не желали перемен, тем более, навязанных «сверху». Решение установить восточную пасхалию повсеместно в Эстонии могло дискредитировать в глазах части населения нового епископа. В ситуации продолжавшегося давления государства на Церковь разобщение среди православных по национальному признаку было бы вредно для епархии. Это скорее бы отвечало интересам атеистической власти, но никак не Церкви. Именно поэтому данные инициативы и не были реализованы в епархии, как нам представляется.

Религиозная жизнь в республике в данный период характеризовалась как более оживленная, чем в предшествующем году⁴⁶⁶. Так, число крещений и венчаний увеличилось за год более чем на 15 %, общая валовая доходность увеличилась более чем на 6%. Во всех смешанных приходах, в которых проводились конфирмации, количество участников обряда также увеличилось.

---

⁴⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 110.

⁴⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 28.

Наибольшая активизация отмечалась в русских и смешанных православных общинах в г. Таллине, Нарве, Пярну, Тарту, по всем городам сланцевого бассейна: Йыхви, Кохтла-Ярве, Кивиыли, а также в городах Кингисепп, Раквере, Синди, Тапа и Хаапсалу. Из сельских приходов отмечена Зареченская община Ряпинаского района, которая и прежде отличалась активностью. Как сообщал в Совет уполномоченный, после возвращения в приход из заключения прежнего священника Дубровина, церковная жизнь еще заметнее оживилась⁴⁶⁷. В целом по республике более чем в полтора раза выросло количество причастников, более многолюдно стало в дни кладбищенских праздников, почти на 20% увеличилось число конфирмантов. Вместе с тем в ряде «эстонских» приходов уменьшилось количество крещений детей, а также церковных служб вследствие длительного отсутствия постоянных священников.

Вывод уполномоченного Капитонова был следующим: начавшийся в 1951-1952 гг. рост религиозной активности православных общин не останавливался, но продолжался⁴⁶⁸. На ситуацию, по мнению Капитонова, повлияли священники и миряне, вернувшиеся из ссылок и заключений, что было особенно заметно по эстонским приходам, где основным источником дохода являлись годовые денежные взносы граждан. Уполномоченный предлагал отслеживать, как они будут проявлять свою активность: войдут ли в состав церковных исполнительных органов? Вернувшиеся из заключения однозначно представляли опасность для властей, что подтверждалось словами Капитонова о том, что эти люди теперь станут опорой приходов. Безусловно, власть осознавала опасность, исходившую от тех, чья вера выдержала суровые испытания заключением, а страх был преодолен.

Другим фактором, усилившим религиозную активность в республике, уполномоченный считал дальнейшую активизацию деятельности духовенства. Где позволяли условия, было увеличено число богослужений, а также произведены ремонт, проведено тепло и «обеспечено благолепие»⁴⁶⁹.

---

⁴⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 29.

⁴⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 30.

⁴⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 32.

По мнению Капитонова, епископ Иоанн проводил еще более активную деятельность, нежели его предшественник, епископ Роман. Так, епископ Иоанн в первом полугодии объехал 14 приходов, был в 5 городах. Во втором полугодии посетил уже 26 приходов⁴⁷⁰, не считая регулярных архиерейских служб во всех таллинских церквах. Надо отметить, что у епископа Иоанна, который не был викарным (как первое время епископ Роман), а сразу стал самостоятельным епископом, не было обязательств, требовавших его частого отсутствия в республике. Это епископ Иоанн безусловно использовал во благо вверенной ему епархии. По сообщениям уполномоченного, в большинстве эстонских приходов отношение к епископу было положительным⁴⁷¹. Весьма важную роль играло то, что епископ выступал с проповедями на эстонском языке, на котором он говорил уверенно. Вспомним, что в молодые годы будущий епископ был преподавателем, автором учебника. Епископ владел несколькими языками, был прекрасно образован, являлся ярким проповедником.

Владение языком коренного населения – важнейший фактор в налаживании отношений в национальной республике, где до прихода советской власти процент русскоязычных был сравнительно невысок, а местное население, принадлежавшее традиционно к лютеранству, совершенно не владело русским. Этот тонкий момент нужно всегда учитывать, когда мы рассуждаем об особенностях исторических событий, произошедших на прибалтийских землях, где языковой вопрос до сих пор остается одним из важнейших политических факторов.

Личные качества нового эстонского иерарха уполномоченный характеризовал так: властолюбив, препятствует непосредственным контактам духовенства с уполномоченным, стремится к тому, чтобы вся переписка шла через него. Также Капитонов высказывал подозрение, что епископ Иоанн порой избегал делиться некоторой информацией с ним, ссылаясь на усталость, забывчивость, болезни. При этом епископ, по словам уполномоченного, проявлял изысканную вежливость в общении с функционером. Комментарии уполномоченного

---

⁴⁷⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 33.

⁴⁷¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 34.

относительно характера епископа по какой-то причине привлекли внимание члена Совета, проверявшего документ, что отмечено следующим комментарием на полях: «Обратить внимание»⁴⁷². Вероятнее всего, подозрение могло вызвать предположение уполномоченного о сознательном утаивании некоторой части информации. Епископ, очевидно, действовал сознательно во благо епархии, что и могло породить подозрения со стороны уполномоченного и Совета.

Духовенство Эстонии в тот период в своих докладах часто отмечало схожесть некоторых целей, которые ставят перед собой Церковь и власть в работе с людьми: Церковь всегда стремилась к повышению нравственности в народе, что никак не препятствовало интересам государства. Также по имеющейся информации священники часто говорили прихожанам, что христиане первыми провозгласили те же нравственные принципы, за которые впоследствии стали бороться коммунисты⁴⁷³.

Эстонские священники в качестве родителей начали активнее и настойчивее выступать на школьных родительских собраниях по вопросам воспитания в семье и школе (священник Феликс Кадарик, протоиерей Николай Кокла, диакон Подекрат С.И., лютеранский пастор Селиов)⁴⁷⁴.

Все это вместе показывало, по мнению уполномоченного, что духовенство всячески «приспосабливалось к обстановке» и одновременно усиливало свою деятельность. Обвинения в «приспособленчестве» часто звучали в тот период в отношении представителей духовенства в СССР. Уполномоченный Капитонов в этом контексте сетовал на недостаток научно-атеистической пропаганды в школах и среди родителей⁴⁷⁵ как на одну из основных проблем епархии.

На этом фоне позиция духовенства республики часто характеризовалась как «активная», что в тот период безусловно воспринималось властями как фактор негативный и подозрительный. Так, в таллинской Преображенской «эстонской» общине, бессменным настоятелем которой на протяжении 40 лет являлся

---

⁴⁷² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 34.

⁴⁷³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 35.

⁴⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 36.

⁴⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 37.

протоиерей Кокла, благочинный Харью-Ляянеского благочиния и секретарь епископа, приходская жизнь характеризовалась ростом доходности, увеличением расходов на содержание хора и на украшение храма в 10 раз по сравнению с 1949 годом⁴⁷⁶. В своих проповедях настоятель, по словам уполномоченного, часто говорил о необходимости привлечения детей к церкви. Когда в церкви оказывались дети, священник, по информации уполномоченного, старался погладить их по голове, что уполномоченный объяснял желанием нивелировать негативное представление о священниках, привитое антицерковной агитацией. Среди прочих претензий к священнику назывались следующие: при совершении треб на дому проводил беседы с родителями о необходимости религиозного воспитания детей. По просьбе родителей давал почитать на дом Евангелие и другие духовные книги. Перед проведением конфирмации часто давал почитать книгу священника Мытус «Закон Божий» (в приходе имелось около 30 экземпляров)⁴⁷⁷.

Население военных гарнизонов, развернутых советскими властями в Эстонии, становилось основным источником материального существования таких относительно небогатых приходов, как, например, в городах Валга, Тапа, Хаапсалу⁴⁷⁸. Напомним, что Эстония являлась приграничной республикой СССР и прежде всего этим определялась необходимость увеличения военных подразделений. Как и в случае с заселением в республику русскоязычных граждан, существенно поддержавших религиозную жизнь в республике в рассматриваемый период, служащие гарнизонов и члены их семей стали новыми прихожанами эстонских храмов, заметно активизировав церковную жизнь республики. Это один из специфических, характерных далеко не для всех республик СССР, аспектов церковной жизни Эстонии периода 1950-х-1960-х годов.

Для поддержания затухающих сельских приходов Епархиальное управление Эстонии выделило дотацию в размере 100 тысяч рублей⁴⁷⁹. Значительное число сельских «эстонских» общин были малочисленны, слабы в материальном

---

⁴⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 96.

⁴⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 97.

⁴⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 99.

⁴⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 100.

отношении и едва справлялись с уплатой налогов, страховки за церковные здания, земельной ренты и расходов на ремонт. Ряд священников из эстонских сельских общин получали ежемесячные доплаты от епархиального управления за обслуживание этих бездоходных общин.

Капитонов отмечал, однако, что все эти параметры временные, поскольку слабая община могла укрепиться благодаря активному пастырю, так и сильная при отсутствии такового могла уменьшать активность. Много зависело от священника. «Стоит более активного священника заменить на менее, такие общины ослабнут», - настаивал уполномоченный⁴⁸⁰.

Таким образом, это подтверждает уже неоднократно высказанную нами мысль, что именно активная позиция духовенства и правящих архиереев в период возобновления гонений сыграла определяющую роль в укреплении церковной жизни в Эстонии в этот период. Духовенство, поставленное в рамки жестких ограничений в проведении треб и обрядов, а также в других аспектах приходской жизни, активизировалось, когда это было возможно. Ситуация таким образом не ухудшалась, и несмотря на все предпринимаемые властями меры, церковная жизнь не затухала. Беспokoил власти и тот факт, что в Эстонии достаточно много молодежи продолжало посещать церкви. Пытаясь осмыслить причины притока новых молодых верующих в приходы, отмечали две причины - формирование верующей молодежи в религиозных семьях и приток новых граждан в Эстонию из других регионов СССР. Точнее, не приток новых, а перемещение уже имеющих верующих⁴⁸¹. Назывался и третий фактор – доступность для прослушивания в Эстонии, ввиду ее географической приближенности к западной Европе, иностранных радиостанций «Свободная Европа», «Би-Би-Си», «Голос Америки». Отмечалось, что «слушание этих радиостанций имеет довольно широкое распространение в сельской местности»⁴⁸².

---

⁴⁸⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 100.

⁴⁸¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 101-102.

⁴⁸² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 104.

В усилении религиозной активности отмечалась роль так называемых «помощников церкви» - членов церковных советов, хоров, двадцаток и добровольных активистов. Их численный состав в тот период выглядел следующим образом:

Церковнослужителей с учетом псаломщиков – около 100 чел.

Служащих церкви около 100 чел.

Членов ревизионных комиссий и церковных советов – около 700 чел

Членов хоров – ок.800 чел.

Двадцаток и активистов – более 4 тыс.⁴⁸³.

Несмотря на реализованные антицерковные меры (прекращение хождения с чудотворными иконами начиная с 1952 года, а после 1954 – прекращение служб в часовнях, прекращение практики прислуживания детей в церкви), духовенство стремилось активнее работать по другим направлениям своего служения: увеличение числа служб в храмах в целом по республике, а также активность руководства епархии и духовенства в продвижении вопроса о необходимости 2-3 недельной предконфирмационной подготовки⁴⁸⁴. Со ссылкой на настойчивые требования верующих Капитонов докладывал в Совет о таких требованиях⁴⁸⁵.

В ответ на указанную позицию духовенства Капитонов предложил в качестве ответных мер усилить влияние школы и системы общественного воспитания (пионерия, комсомол, кино, театры, библиотеки), проводить научно-атеистическую пропаганду среди родителей. При этом уполномоченный отмечал, что не вся учительская масса подготовлена к решению таких задач, поскольку часто имели место случаи религиозности самих учителей⁴⁸⁶. Так, сообщалось, что в Тартуском районе две молодые, только начинающие свою педагогическую деятельность учительницы, перед началом учебного года сами прошли конфирмацию, а несколько учителей в Таллине были «тесно связаны с

---

⁴⁸³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 107.

⁴⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 108.

⁴⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 109.

⁴⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 113.

церковью»⁴⁸⁷ Капитонов предлагал взаимодействовать с педагогическими институтами, проводить научные лекции в школах для родителей, обеспечить школьные библиотеки атеистической литературой, проводить пропаганду среди военнослужащих⁴⁸⁸.

Еще одной причиной для беспокойства Совета были случаи экскурсионного посещения группами эстонских учащихся под руководством педагогов действующего Псково-Печерского монастыря. Уполномоченный предложил привлечь к решению вопроса ЦК компартии Эстонии⁴⁸⁹.

Кампания по закрытию монастырей нарастала по всей стране. В середине 1957 года Совет предполагал внести на рассмотрение СМ СССР вопрос об изменении постановления Совмина от 29 мая 1946 г. «О православных монастырях»⁴⁹⁰.

В течение одного только 1957 года в Пюхтицкий Успенский женский монастырь было принято 11 человек. Это значительное число безусловно возмутило представителей власти. Из принятых – одна женщина поступила повторно. Возраст принятых был различным – одна женщина – 20 лет, 4 человека – от 24 до 30 лет, от 31 года до 40 лет – 2 человека, 41 год – 50 лет – 3 человека, и 1 старше 70 лет⁴⁹¹. Все одинокие, замужем не были. По роду занятий – работницы (7 человек), медсестра, колхозница, служащая при церкви. В 1957 г. были пострижены из инокинь в монахини – две насельницы, из числа послушниц – в рясофор – 6.

Таблица убытия-прибытия монашествующих показывает, что с 1954 г. число принимаемых росло (приходило по 12 женщин в год в 1954, 1955 и 1956 гг., 11 пришло в 1957 г.)⁴⁹², таким образом за минувшие 6 лет общая численность насельниц Пюхтицкого монастыря увеличилась на 36 человек⁴⁹³. Увеличенный приток монашествующих в течение 5-6 лет сопровождался укреплением материальной базы, увеличением доходности монастыря, и соответственно -

⁴⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 114.

⁴⁸⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1528. Л. 117.

⁴⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1532. Л. 178.

⁴⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 136.

⁴⁹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 82.

⁴⁹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 83.

⁴⁹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 83

значительным улучшением условий жизни монашествующих, отмечалось в документах⁴⁹⁴. Также отмечалась роль Пюхтицкого источника и вера паломников в его исцеляющую силу. Все это, по мнению уполномоченного Капитонова, обусловило усиление влияния Пюхтицкого монастыря в республике⁴⁹⁵.

Снова был поднят вопрос о часовне в деревне Агусалу, в 12 километрах от монастыря. Игуменья и епископ выступили с предложением, чтобы часовня была взята под свое попечение монастырем, чтобы несколько раз в год там можно было проводить службы. Причиной такой инициативы, по мнению уполномоченного Капитонова, явился проводимый совхозом учет помещений и вызванная этим среди верующих тревога за дальнейшую судьбу часовни⁴⁹⁶.

Капитонов поставил также вопрос о судьбе гостиницы-странноприимного дома монастыря, он докладывал, что «епископ и деятели монастыря» считают крайне желательным сохранение гостиницы и в дальнейшем, поскольку она существует издавна, на всем протяжении существования монастыря, и ее ликвидация вызвала бы очень большие затруднения для обители с размещением приезжающих. Местные и республиканские органы не находили пока препятствий к ее сохранению⁴⁹⁷. О доходах монастыря отмечалось, что начиная с 1955 г. у обители оставались значительные суммы неизрасходованных средств, а к началу 1958 г. остаток составил свыше 100 тысяч рублей, а монастырь впервые за последние годы обошелся без дотаций Патриархии и епархиального управления⁴⁹⁸. В 1957 г. даже был проведен ремонт нескольких монастырских зданий.

Вместе с тем аресты представителей духовенства происходили и в данный период. Так, 27 февраля 1957 г. был арестован священник Вячеслав Якобс, будущий митрополит Корнилий. В обвинительном заключении значились следующие пункты обвинения: антисоветская агитация с использованием религиозных предрассудков верующих, клевета на советскую действительность,

---

⁴⁹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 83-84.

⁴⁹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 85.

⁴⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 87.

⁴⁹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 105.

⁴⁹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 97.

советскую печать и колхозный строй, «обработка» молодежи в антисоветском духе, хранение и распространение антисоветской литературы. Приговор предполагал 10 лет лагерей⁴⁹⁹. В 1960 г. отец Вячеслав будет возвращен из заключения⁵⁰⁰.

В тот же период в Эстонию прибыли: священник Иннокентий Хиет 1926 г.р., эстонец, из крестьян, образование - 7 классов, с 1953-1957 гг. – студент ЛДС, по окончании был направлен в Эстонскую епархию и здесь епископом Иоанном посвящен в духовный сан дьякона, затем - священника.

Священник Кукк Ю.Ю, возвратился из заключения по отбытии наказания в ИТЛ, сроком 10 лет, и назначен настоятелем церкви в д. Сарде Килинги Нымеского района.

Во втором полугодии 1957 г. священник Михаил Ридигер был назначен вместо выбывшего в Ивановскую епархию протоиерея Р.Р. Лозинского настоятелем Тартуского Успенского собора и благочинным Тартуского округа с 15 июля 1957 года, с оставлением его в обслуживании Йыхвиской городской церкви⁵⁰¹.

Духовенство Эстонии в ситуации продолжавшегося давления на церковную жизнь со стороны властей продолжало отслеживать факты нарушения законодательства и подавать жалобы. Так, жалоба поступила от регента Вярскасской церкви по поводу материалов оскорбительного характера в сатирической газете местного сельсовета. Жалоба Капитоновым была направлена секретарю Рапинаского райкома для сведения в ЦК КПЭ, а также в Совет.

Широко распространенные в Эстонии общекладбищенские панихиды в 1957 г. проходили по епархии с участием большего на 10 процентов числа участников, чем в предыдущем году. Всего, по данным уполномоченного, примерно на 100 кладбищах республики в этих мероприятиях приняли участие 40 тысяч человек. Эта информация была подчеркнута в документе проверяющим отчет членом Совета как заслуживающая внимания⁵⁰².

---

⁴⁹⁹ Корнилий, митр. О моем пути. Таллин, 2009. СС. 131 – 134.

⁵⁰⁰ Там же. С. 128.

⁵⁰¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 5.

⁵⁰² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 8.

Вместе с тем местные эстонские партийные власти также стремились противодействовать возраставшему влиянию церкви по всем направлениям. Верховным Советом ЭССР было принято постановление о регистрации Актов гражданского состояния в республике, что рассматривалось как одна из мер по противодействию религиозной обрядности путем замены ее гражданскими обрядами. Также Бюро Таллинского городского комитета компартии Эстонии приняло в августе 1957 года постановление «О состоянии научно-атеистической и естественно-научной пропаганды в городской партийной организации»⁵⁰³. Идеологическая работа набирала обороты в Эстонии.

Заметное беспокойство вызывали у уполномоченного частые поездки епископа Иоанна по Эстонии, о чем Капитонов неустанно докладывал в Москву. Так, по его сведениям, епископ каждый месяц выезжал в различные приходы епархии, трижды – в августе, в сентябре и ноябре приезжал в Пюхтицкий монастырь, в декабре - в Ригу к архиепископу Филарету, по его приглашению⁵⁰⁴. Во время поездок епископ Иоанн всегда лично служил, что вызывало большой приток прихожан и безусловно способствовало поддержке приходов.

Говоря о заметных событиях в жизни епархии и характеризуя духовенство, Капитонов докладывал, что из восьми благочинных Эстонии активность и «качества благочинного» проявляет молодой священник А.М. Ридигер, назначенный вместо протоиерея Лозинского благочинным Тартуского округа⁵⁰⁵. На тот момент будущий Патриарх Алексей II, вступив в должность, по наблюдениям уполномоченного, изучал все приходы своего благочиния, составляя характеристику каждого из них⁵⁰⁶.

Что касается отделенных сельских храмов, которые традиционно были дотационными со стороны царского правительства, а теперь, оставшись без необходимой поддержки, находились в тяжелом состоянии, и не могли самостоятельно содержать священника, власти отслеживали ситуацию с такими

---

⁵⁰³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 9.

⁵⁰⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 10.

⁵⁰⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 10.

⁵⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 11.

приходами и оказывали давление на правящего епископа, ссылаясь на законодательные нормы, предписывавшие снимать с регистрации приход, где не было постоянного священника более 6 месяцев. Правящему архиерею в некоторых случаях приходилось соглашаться на снятие с регистрации таких храмов, дабы не допустить закрытия более значимых приходов, обслуживающих значительное число верующих.

Нужно отметить важное обстоятельство: процесс снятия прихода с регистрации завершался отчетом уполномоченного в Совет, и Совет чаще всего не вникал в количество прихожан закрываемого прихода. Учитывалось общее количество снятых с регистрации храмов. Этим достижением мог отчитаться уполномоченный, и Совет безусловно был удовлетворен, когда общее количество приходов республики становилось меньше. В некоторых случаях закрытие 2-3 маленьких «затухавших» приходов, которые так или иначе могли в силу естественной убыли населения или отсутствия постоянного священника вскоре перестать существовать, было намного менее болезненным событием для церковной жизни республики, чем закрытие одного крупного прихода или собора. Этим объясняется, на наш взгляд, отсутствие активных попыток сопротивления со стороны архиереев на снятие с регистрации некоторых небольших приходов. При этом за крупные приходы и за монастырь велась активная борьба. В период с 1950-го г. до середины 1958 г. в Эстонии были сняты с учета 19 действующих храмов, из которых 3 здания были разрушены, а таллинская Андреевская церковь, фактически находясь в подвальном помещении кафедрального Александровского собора, была формально закрыта, по сути была объединена с собором. Из остальных 15 – 8 церковных зданий были переданы для использования под культурные учреждения и товарные склады. 7 недействующих церковных зданий на момент середины 1958 года пустовали⁵⁰⁷.

Таким образом, период 1954 -1958 годов характеризовался следующими событиями в церковной жизни и в отношениях власти и Церкви в Эстонии:

---

⁵⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 16.

1. Одним из самых важных вопросов стала судьба Пюхтицкого монастыря. Статистика приема новых насельниц показывает, что в данный период в монастырь пришло рекордное число женщин, что не могло не беспокоить власти, особенно в период нового витка антицерковных гонений. При этом монастырь строго выполнял и систематически перевыполнял нормы сдачи сельскохозяйственной продукции государству, чтобы не давать властям поводов к закрытию. Более того, монахини оказывали помощь соседнему колхозу. Однако, согласно решениям ЦК, наступление властей на монастырскую жизнь продолжалось. В 1957 был введен запрет на пребывание в монастырской гостинице Пюхтиц более 10 дней.

2. Значительные изменения произошли в жизни епархии. В 1955 году скончался митрополит Ленинградский Григорий (Чуков), много лет курировавший жизнь эстонской епархии.

Епископ Роман (Танг) в том же году стал епископом Лужским, первым викарием Ленинградской митрополии в помощь тяжело болевшему новому Ленинградскому митрополиту Елевферию (Воронову). Эстонскую кафедру в декабре 1955 возглавил епископ Иоанн (Алексеев), 30 лет проживший в Эстонии, отлично владевший эстонским языком, опытный пастырь. Активную деятельность епископа на новом посту сразу отметил уполномоченный, и к 1957 году этот факт уже систематически фигурировал в докладах в Совет. В данный период государственно-церковных отношений подобная активность архиерея воспринималась властями весьма негативно.

3. Несмотря на все трудности и препоны, чинимые властями, религиозная активность в республике нисколько не ослабевала. Наоборот, продолжался рост религиозной активности по всем основным показателям: посещаемость, участие в таинствах, доходность приходов. Исключение составляла часть маленьких отдаленных сельских приходов, посещавшихся коренным населением. Некоторые такие приходы были закрыты.

Несмотря на все трудности, епархия выделяла средства для поддержки таких малочисленных сельских приходов. Учитывая тот факт, что в бедственном положении по разным данным находилось около 25 таких храмов, тот факт, что

многие удалось сохранить от закрытия, можно однозначно отнести к успехам руководства епархии.

Большую роль в процессе роста всех указанных показателей активности церковной жизни республики сыграли специалисты, прибывшие в Эстонию из других регионов СССР. Города так называемого «сланцевого бассейна», а также Таллин, наполнились русскоязычными гражданами, имевшими стабильный доход. Появление новых военных гарнизонов в отдаленных районах республики также способствовало поддержанию жизни некоторых приходов.

4. Власти в данный период оказывали сильнейшее давление на Церковь с целью снизить ее влияние в обществе, добиться закрытия приходов, монастыря, перехода священников на гражданскую службу, отпадения людей от веры. Был применен весь арсенал доступных средств. Запреты коснулись большинства ритуалов и традиций церкви, более того, практически всех сторон церковной жизни. Церковные таинства местные власти под влиянием идеологических и пропагандистских отделов партии стремились заменить регистрацией актов гражданского состояния. Развивалась сеть ЗАГСов, государство стремилось взять в свои руки проведение свадеб, похорон и других обрядов, полностью заменив церковные – светскими, для чего властями выделялись значительные человеческие и финансовые ресурсы.

5. Seriously осложняло церковную жизнь экономическое давление на приходы и монастырь. Для монастыря были также увеличены нормы поставки сельхозпродукции. На священников, как на «единоличников», не состоявших в колхозах, были возложены высокие нормативы сдачи сельхозпродукции, сельское духовенство обращалось с жалобами, но результата это не приносило. Состоять в колхозах для церковнослужителя было почти нереально, поскольку для принятия в колхоз требовалась поддержка путем голосования всех колхозников, среди которых руководящие позиции занимали члены партии. Их отношение к служителям Церкви было негативным. Без членства в колхозе на пригодный кусок земли рассчитывать было сложно. Невыносимые условия жизни должны были подтолкнуть сельских священников оставить службу и перейти на «гражданскую

работу». Властям были необходимы примеры таких переходов. Каждый такой случай считался идеологической победой. Однако, среди эстонского сельского духовенства таких примеров в почти не было. Более 3 случаев за несколько лет по архивным материалам насчитать не удалось.

б. Вновь, как и в предыдущий период, поднимался календарный вопрос. Приходы, посещавшиеся этническими эстонцами, продолжали служить по западной пасхалии. Епископ Иоанн инициировал обсуждение этого вопроса, в котором главная роль принадлежала настоятелям «эстонских» приходов. Именно они четко и однозначно дали понять, что при введении восточной пасхалии в «этнически эстонских» приходах произойдут массовые переходы из православия в лютеранство, что повлечет снижение доходов по большим праздникам и последующее закрытие и без того небогатых сельских церквей. В конечном счете это сыграло бы на руку атеистической власти. По этой причине данная инициатива самой епархией по сути поддержана не была. Казалось бы, чисто церковный вопрос был снят с обсуждения самой же церковной организацией для недопущения дальнейшего осложнения религиозной жизни в республике.

В целом данный период можно описать так: на фоне набравшей обороты в СССР антирелигиозной политики 1954-1957 годы были непростыми для эстонской епархии, однако, прошли без заметных потрясений. Вместе с тем общесоюзные тенденции по дальнейшему удушению религиозной жизни становились все более заметны в Эстонии. Дальнейшее развитие отношений властей и Церкви в условиях государственного атеизма мы рассмотрим в последней главе диссертации.

ГЛАВА 4. 1958-1964 ГОДЫ В ИСТОРИИ ЭСТОНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ: НОВЫЕ РЕАЛИИ И ТЕНДЕНЦИИ

4.1. Первые годы хрущевской антицерковной кампании в Эстонии

В настоящей главе будет рассмотрен период с 1958 по 1964 гг. в истории православия в Эстонии, а также те новые исторические и политические реалии, в которых Церкви приходилось осуществлять свое служение.

Нараставшие с конца 1940-х гг. притеснения в отношении верующих явились следствием восприятия значительным числом представителей партийной элиты нормализации отношений государства и Церкви военного периода как исключительно временного явления⁵⁰⁸. Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) – КПСС дважды предпринимал попытки изменить характер отношений Церкви и государства: в 1948-1949 и в 1954 годах⁵⁰⁹. Но полностью реализовать планы не удалось ввиду наличия во властных структурах значительного числа сотрудников ЦК и правительства, выступавших за сохранение прежней линии. Лишь разгром «антипартийной группы» в 1957 году позволил сторонникам «жесткой линии» изменить ситуацию в свою сторону⁵¹⁰. С приходом к власти Хрущева Н.С., в особенности после его доклада на XX съезде КПСС, провозгласившего развенчание культа личности Сталина и возврат к ленинским принципам, ужесточение антирелигиозной политики логично встроилось в новые планы по построению коммунизма и воспитанию человека нового типа. Сталинская

---

⁵⁰⁸ Чумаченко Т. А. Государство и Русская Православная Церковь в 1958 – 1964 годах: новая политическая война с религией, Церковью и верующими. // Вестник Челябинского Государственного Университета. 2014. № 19 (348). Право. Вып. 39. С. 82 – 90.

⁵⁰⁹ Там же. С.82.

⁵¹⁰ Там же. С. 82.

политика в отношении религиозных организаций была расценена как отступление от принципов марксизма и подлежала ревизии⁵¹¹.

Хрущев поставил цель добиться уничтожения духовенства и Церкви в стране. Были приняты новые программные документы партии, открывающие путь к дальнейшим гонениям, готовились и осуществлялись кадровые перестановки, самой знаковой из которых станет смена в самом начале 1960 года руководителя Совета по делам РПЦ.

28 августа 1958 г. комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей приняла решение подготовить постановления о новом порядке налогообложения церковных предприятий, а также о православных монастырях. Начался новый виток гонений на Церковь.

Вместе с тем советское руководство старалось сохранить возможность использовать международные связи Патриархии в своих интересах. В свою очередь открытые репрессии в отношении Церкви не дали бы такой возможности, а потому было принято решение разработать ряд мер, которые поставили бы приходы и духовенство в настолько тяжелое положение, что храмы стали бы закрываться, а представители духовенства переходить «на гражданскую работу».

4 октября 1958 г. вышло секретное постановление ЦК «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам "О недостатках научно-атеистической пропаганды"».

Но это было только началом нового наступления на Церковь со стороны государства. Теперь меры продумывались тщательно и готовились обдуманно, в обстановке повышенной секретности.

В Эстонии по статистике на 1 января 1958 г. на учете состояли 114 православных общин со 123 церквями и молельными домами, из которых 9 – были приписные. Также был 1 монастырь с 4 церквями⁵¹² и подворьем в Таллине (будет закрыто в 1959 г.).

---

⁵¹¹ Чумаченко Т. А. Государство и Русская Православная Церковь в 1958 – 1964 годах: новая политическая война с религией, Церковью и верующими. // Вестник Челябинского Государственного Университета. 2014. № 19 (348). Право. Вып. 39. С. 82-83.

⁵¹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 3.

Снятые с учета храмы стремительно переоборудовались, очевидно, чтобы исключить возможность ходатайств об их повторном открытии. Так, церкви в деревне Ристи и местечке Кыпу Хийумаского района были стремительно переоборудованы местными властями в «народные дома», храм в поселке Вяндра переоснащался под кинотеатр. Церковные здания в Кастолатси и Маарится были переданы под склад и краеведческий музей соответственно.

Представителей духовенства в республике было 65 (из них 1 епископ, 56 священников, 8 дьяконов), т.е. на 1 человека меньше, чем это было на 1 января 1957 г.

Надо отметить, что в 1957-1958 гг. в эстонской прессе появляются многочисленные материалы на антирелигиозную тематику: анонс лекций на научно-атеистические темы, информирование населения о гражданских празднованиях свадеб, дней молодежи, статьи пропагандистского характера⁵¹³. Так, события весьма локального значения неожиданно стали освещаться в центральной республиканской газете «Советская Эстония». Однако, проанализировав содержание таких заметок, нетрудно понять, что они являются примером набирающей обороты идеологической работы со стороны компартии республики. Так, в первые дни нового 1958 г. «Советская Эстония» сообщает об организации силами комитетов комсомола и профсоюза льноткацкой фабрики «Большевик» свадьбы членов комсомольской организации, электрика Виктора Лайнела и ткачихи Динтры Вилитис⁵¹⁴. В других публикациях подробно освещается работа лекторских групп по пропаганде научно-атеистических знаний. Читателям сообщалось, сколько десятков лекций по данной тематике было прочитано в отдельных районах республики. Названия лекций красноречиво свидетельствуют об их содержании: «Атеистическое воспитание в семье»,

---

⁵¹³ Газета «Советская Эстония». 29.06.1958. № 151 (4546). С.1.

⁵¹⁴ Газета «Советская Эстония». 03.01.1958г. № 2 (4397). С.3.

«Возникновение христианства и его сущность» и т.д. Под видом пропаганды научных знаний велась антирелигиозная агитация⁵¹⁵.

Первые достижения СССР в космической отрасли также использовались как повод для антирелигиозной пропаганды (например, статья «Человек проникает в космос»⁵¹⁶).

Как отмечалось выше, власти всячески препятствовали проведению церковных обрядов вне ограды церкви. В частности, в этот период уже были под запретом крестные ходы и купания в источниках. Однако некоторые представители эстонского духовенства не сдавались и подавали жалобы. Так, в связи с подготовкой к проведению праздника Богоявления настоятель церкви села Вярска протоиерей Хантс просил разрешения провести 19 января крестный ход на источник, мотивируя это тем, что до 1956 г. такие крестные ходы всегда проводились и вошли в прочную традицию, однако, в предыдущем году в связи с протестами местной школы села Вярска по указанию епископа крестного хода не было, и водосвятие производилось в здании церкви. По данному вопросу к уполномоченному обратился епископ, Капитонов высказал отрицательное отношение к проведению крестного хода на источник, и ход не проводился⁵¹⁷. В письме от 11 февраля 1958 г. Совет выразил одобрение позицией Капитонова и предпринятым им мерам по обращению священника. Совет приказал уполномоченному регулярно проверять, не проводятся ли аналогичные крестные ходы в других приходах республики. В Совете недоумевали: неужели епископу неизвестно, что имеется указание патриарха, запрещающее проводить крестные ходы на водоемы⁵¹⁸?

Вместе с тем верующие с Эстонии не смирились с закрытием храмов и продолжали писать жалобы. Так, 8 июля 1958 г. уполномоченным было получено заявление группы верующих (61 человек) с ходатайством разрешить

---

⁵¹⁵ Газета «Советская Эстония». 7. 01. 1958, № 5(4400), С. 2. Там же. 24.01.1958, № 20 (4415), С. 2., 08.04.1958. № 83 (4478) С. 1

⁵¹⁶ Газета «Советская Эстония», 18.05.1958, №115 (4510), С. 2

⁵¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 7.

⁵¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 13.

отремонтировать церковное здание в деревне Тиириметса, Кингисеппского района. После ремонта верующие просили приписать храм к Люмандской православной общине и разрешить церковные службы. Уполномоченный ответил активистам, что изучит этот вопрос, выехав лично на место событий⁵¹⁹.

Эстонское духовенство, как отмечалось выше, регулярно обращалось к уполномоченному с жалобами на притеснения со стороны властей и нарушения закона. Оскорбительные фельетоны в прессе, карикатуры, нанесение ущерба и случаи вандализма в отношении церковных зданий, попытки закрытия действующих приходов и просьбы разрешить богослужения в уже закрытых храмах – все это становилось поводами для таких обращений. В 1958 г. протоиерей Николай Кокла обратился с жалобой по поводу досмотра, учиненного учителями школы в отношении его дочери. Педагоги осуждали ученицу 6 класса за ношение нательного креста⁵²⁰. В своей жалобе священник отмечал, что девочка страдает пороком сердца и после проведенного досмотра, который обнаружил церковный медальон на цепочке у ребенка, пришла домой в болезненном состоянии. Педагоги спрашивали ученицу, верит ли она в Бога, и заявили ей о недопустимости ношения креста. Данное письмо уполномоченный направил министру просвещения ЭССР. Из министерства ответили, что после проведенной ими проверки учительнице т. Сикк даны соответствующие указания о том, что «в подобных случаях вопросы следует обсуждать с родителями учащихся». Весьма примечательна отметка на полях документа, внесенная членом Совета, проверявшим отчет: «Как обсуждать?»⁵²¹ Действительно, неясно, подразумевалось ли запретить ношение под одеждой медальона? Но это было бы нарушением закона. Очевидно, сотруднику Совета так же было неясно, как именно надлежало реагировать педагогам на такую ситуацию, учитывая, что девочка была дочерью священника, который вряд ли согласился бы с подобным требованием.

---

⁵¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 16.

⁵²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 18.

⁵²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 18.

Данный пример иллюстрирует основную тенденцию тех лет: власти избегали грубого нарушения закона, духовенство не скрывало случаев таких нарушений, обращалось с жалобами на незаконные действия, создавая таким образом прецедент, доказательство наличия притеснений и гонений в отношении Церкви в СССР. Чем больше было таких примеров, тем больше было шансов у церковного руководства доказать факты притеснений, а значит добиться по меньшей мере соблюдения законов. При получении жалобы уполномоченные как правило передавали их в компетентные ведомства. Если речь шла о хулиганстве и вандализме – в МВД, если об оскорбительных фельетонах – в партийные органы. В случае нарушения прав родителей в вопросах воспитания детей – в министерство просвещения и т.д. В некоторых случаях реакция наступала. Так или иначе, такие действия требовали личного мужества. Вместе с тем именно активная позиция духовенства могла удержать власти от активной эскалации дальнейших гонений на Церковь.

Так, 29 апреля 1958 г. в районной газете Вастелинаского района «Коххози Кюла» вышел фельетон под названием «Рассказ о председателе колхоза и о попе», в ответ на что последовала жалоба, которую направил настоятель Обиницкой церкви протоиерей В. Таломеес. В заявлении настоятеля указывалось, что в фельетоне приведены неправдоподобные факты, а текст написан в оскорбительном тоне. Письмо уполномоченным было направлено секретарю ЦК КП Эстонии⁵²².

Одним из важнейших вопросов церковной жизни оставалась судьба Пюхтицкого монастыря. Число насельниц на момент начала 1958 г. составляло 125 человек, из которых монахинь – 57, послушниц – 68 (в числе последних – инокинь – 18 человек). По возрасту больше всего (39 человек) – от 19 до 40 лет⁵²³.

Всю серьезность положения Пюхтицкого монастыря можно оценить по следующему факту: по заданию Совета старший инспектор Совета Л. В. Алимов с 12 по 21 апреля 1958 г. прибыл на место для ознакомления с деятельностью

---

⁵²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 18.

⁵²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 81.

Пюхтицкого женского монастыря⁵²⁴. Было отмечено наличие 3 часовен у монастыря: в деревне Сотпа в 2 км от обители, другая - на территории монастырского кладбища, третья - над святым источником в 1 км от монастыря⁵²⁵.

В распоряжении уполномоченного имелась копия договора о передаче монастырю церковных зданий в ограде монастыря. На здания вне ограды – кладбищенской церкви и 3 часовен, не имелось договора на их использование. Не было также договора и на передачу монастырю жилых построек, находящихся как на внутренней территории, так и вне ее. Ввиду отсутствия таких договоров монастырь продолжал считать своими ряд построек вне ограды. За часть этих построек обитель получала арендную плату с учреждений и частных лиц.

В мае 1957 г. Йыхвинский райисполком обратился с письмом к уполномоченному о том, что монастырь незаконно присваивает и даже занимается разборкой некоторых жилых домов (указывается 7), считая их своей собственностью⁵²⁶.

По результатам проверки сотрудник Совета Алимов сделал следующие выводы: для нужд монастыря достаточно построек, находящихся внутри ограды. Изъять следует дом на станции Йыхви и двухэтажный странноприимный дом. Не следует закреплять за монастырем 2 часовни на расстоянии 1,5 – 2 км от монастыря. Прекратить деятельность монастырской часовни, которая служит местом паломничества. Отъем странноприимного дома и часовни стало сильным ударом для обители.

Еще один вопрос касался налогов. Монастыри Прибалтики и Молдавии в соответствии с решением правительства от 1946 г. были освобождены от арендной платы за жилые постройки. Вопрос теперь подлежал пересмотру, поскольку, как полагали в Совете, монастырь материально вырос, имел накопления денежных средств. Алимов предлагал в связи с этим дальнейшим взимать арендную плату⁵²⁷.

---

⁵²⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 138.

⁵²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 139.

⁵²⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 139.

⁵²⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 140-141.

Также Алимов сделал выводы относительно работы уполномоченного Капитонова по данному вопросу: в 1956 г. в монастырь с согласия епископа приняли несовершеннолетнюю девушку Савину – работницу швейной фабрики из Новгорода. Капитонову было известно о том, что монастырь поступил незаконно, однако мер им не было принято, и Савина продолжала находиться в монастыре. Алимов подчеркивал, что в марте 1958 г. монастырь принял некую 19-летнюю Хохлову из Одессы, где та окончила 10-летнюю школу и работала в Институте глазных болезней им. Филатова. Принятие молодой и относительно образованной девушки в обитель рассматривалось властями как весьма негативный факт, считавшееся следствием недостатков в работе уполномоченного.

В документах, направленных в Совет, отмечалось, что монастырь имел доходы от подворья, расположенного в Таллине. В связи с чем уполномоченным было внесено предложение – церковь у монастыря отобрать, ее сделать обыкновенной приходской церковью, поскольку нигде, кроме Эстонии, в тот период подворий у монастырей не осталось, а для Пюхтицкого монастыря подворье являлось еще и доходной статьей⁵²⁸. Это стало еще одним ударом по монастырю и церковной жизни Эстонии в целом.

Секретарь ЦК компартии Эстонии Ф. Ушанев в беседе с инспектором Совета Алимовым высказал мнение, что монастырю для того, чтобы монашествующие больше трудились, а это очевидно, по задумке функционера должно было сделать жизнь монахинь невыносимо сложной, и подтолкнуть некоторых к уходу из обители, следовало выделять земли меньше, чем было у монастыря на тот момент. В частности, пашни предлагалось выделять из расчета десяти соток на монашествующего. По мнению Ф. Ушанева, монастырю выгоднее было иметь овощеводческое сельское хозяйство, в то время как зерновыми культурами, а также животноводством монастырю заниматься было намного сложнее⁵²⁹. Следует обратить внимание на следующий момент: монастырь не выражал никакого намерения диверсифицировать свое хозяйство, отказываться от животноводства.

---

⁵²⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 144.

⁵²⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 146.

Именно партийные начальники намеревались решать, чем заниматься монахиням, а чем – не следует.

Так, секретарь Йыхвинского Райкома компартии Эстонии тов. Ким и председатель райисполкома тов. Щеберов заявили, что гостиницу следует ликвидировать, как предприятие, которым монастырю «несвойственно заниматься». Отметим, что в данной «гостинице», существующей и по сень день, останавливались паломники, проживали, разумеется, совершенно бесплатно, потому и называлось это здание «странноприимный дом» монастыря. Он был построен без какого-либо участия государства (тем более советского), существовал десятки лет к моменту описываемого разговора и обслуживался исключительно насельницами монастыря. Тем не менее, власть покусилась на это монастырское здание. Также обсуждался вопрос об изъятии лесных угодий у монастыря⁵³⁰.

Капитонов, согласно мнению Алимова, вопрос изучил хорошо, однако, недостаточно работал над ослаблением активизации деятельности монастыря.

В результате 9 мая 1958 г. в Совет было внесено предложение обсудить следующие вопросы, касавшиеся эстонского монастыря: об откреплении подворья от монастыря, об изъятии часовен, находящихся вне монастыря, в особенности - у святого источника, об отчуждении части пахотных земель и лесных угодий, об изъятии и передаче местным советским органам бывших монастырских построек вне ограды монастыря, о запрете иметь гостиницу для приезжающих, а также о возможности увеличения числа насельниц за счет переселения из других монастырей, намечаемых к ликвидации⁵³¹.

В ответ на эту критику в июне 1958 г. Капитонов направил в Москву письмо со своими предложениями:

1. Поскольку в пользовании монастыря находилось всего около 24 га пахотной земли, т.е. менее 0.2 га на каждую насельницу и то, что сельхозпродукция, получаемая монастырем, не покрывает полностью потребностей в питании монашествующих и используется только на внутренние

---

⁵³⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 147.

⁵³¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1533. Л. 147-148.

нужды, то вносить какие-либо существенные изменения в землепользование монастыря нет необходимости.

2. Что касается льгот, установленных пунктом 6 названного выше Постановления Совета министров СССР для республик Прибалтики – льготы снять и распространить на Прибалтику общее положение – т.е. все находящиеся в пользовании нецерковные здания передать монастырю на правах аренды.

3. Возможность перемещения монастыря за пределы республики не должно вызвать сколько-нибудь существенных осложнений в республике, ибо по составу монашествующих он слабо связан с Эстонией. В послевоенное время пополнение в него поступало откуда угодно, только не из республики. Посещался также он в основном жителями Ленинграда и Ленинградской области.

4. В случае перевода монастыря из республики вполне достаточно оставить действующей либо 1 небольшую церковь из 4 монастырских церквей, либо разрешить редкие службы в помещении, выстроенном под часовню в деревне Агусалу, находящейся в 12-15 км, т.к. именно в Агусалу приходят постоянные прихожане монастырских храмов.

Таким образом, из этого документа мы видим, что сельскохозяйственные вопросы жизни монастыря уполномоченный и местные партийные руководители предлагали оставить в рамках имеющегося статус кво. Предлагалось отменить введенные в первые годы советской власти в Эстонии льготы для монастырей, и вынудить обитель использовать свои же помещения на правах аренды, что неизбежно должно было привести к отказу со стороны монастыря от пользования ими. Сама идея закрытия монастыря (в документе это названо «вывод из республики», а по сути - закрытие) встретила поддержку как у уполномоченного, так и у эстонского начальства, более того, было предложено сохранить лишь один, причем небольшой, храм в качестве богослужебного помещения на территории обители.

Детальная проработка представителями властей этого вопроса дает четкое представление о том, сколь реальным было закрытие монастыря в тот период.

В рамках продолжавшейся антицерковной кампании в СССР Совет продолжал проводить ограничительные меры в отношении Церкви. В частности, в документах середины 1958 г. были намечены планы, коснувшиеся, казалось бы, сугубо внутрицерковного вопроса – празднования церковных торжеств, юбилеев архиереев и духовенства епархии⁵³². Ссылаясь на то, что подобные мероприятия отрывают колхозников от полевых работ, Совет настоятельно предлагал духовенству заранее оповещать уполномоченного о предстоящем торжестве, а тот в свою очередь должен был согласовать вопрос с Советом. Празднования было рекомендовано проводить как можно скромнее, без привлечения большого числа народа. Для практической реализации этих директив Совет рекомендовал использовать указание Патриархии от 17 марта 1949 г., запрещающее пышные выезды и церковные службы в рабочее время. Управляющим епархиями надлежало следить, чтобы такие случаи не допускались. Священников, нарушавших это требование и после предупреждения, предполагалось снимать с регистрации⁵³³.

Заслуживает внимание еще одно направление деятельности Совета в указанный период – контроль за работой церковных деятелей с иностранными делегациями. Г. Карпов выпустил отдельную директиву в ноябре 1958 г., разъясняющую, как именно надлежало показывать церковные объекты и рассказывать о положении Церкви в СССР.

Директива требовала «умелого показа церковных объектов», «правильного» проведения бесед, согласно предварительно составленному плану. Особо отмечалась нежелательность бесед с иностранными дипломатами (в качестве негативного приводился конкретный пример уполномоченного Шерстюка)⁵³⁴. Совет указывал Церкви на необходимость содержать в надлежащем порядке церковные объекты для показа их иностранцам, не допускать присутствия поблизости нищих, требовал провести благоустройство территории, а сотрудникам государственных органов рекомендовалось отвлекать иностранцев от того, что

---

⁵³² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1542. Л. 45-46.

⁵³³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1542. Л. 46.

⁵³⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1542. Л. 79-80.

может выставить ситуацию в невыгодном свете (например, фотографирование нищих на паперти). Рекомендовалось выбирать маршрут осмотра города, минуя разрушенные церковные здания, не допускать их фотографирования иностранцами, а при возникновении «неудобных» вопросов - ссылаться на декрет 1918 года об отделении государства от церкви⁵³⁵. Требовалось своевременно информировать Совет и местные руководящие органы о посещениях иностранцев и о беседах с ними⁵³⁶.

Продолжалась активная борьба государства с посещением верующими святых мест⁵³⁷. Совет предлагал уполномоченным в сотрудничестве с местными руководителями организовывать в таких районах культурно-просветительские учреждения, организовать опытные посева, проводить иные мероприятия, предполагавшие техническое ограждение этой территории. Архиереям было указано, что они не должны содействовать паломничествам. Аналогичные директивы касались святых источников и колодцев. В качестве примера приводились святые места Жировицкого района, Почаевская лавра, источник Пюхтицкого монастыря. О нем было сказано отдельно. Подчеркивалось, что ежегодно, 28 августа, в Пюхтицах совершался массовый крестный ход. Совет признавал службы такого рода, организованные монастырями, «недопустимыми», о чем Уполномоченного по Эстонии просили переговорить с архиереем и рекомендовать такие службы не проводить⁵³⁸.

Анализируя рост посещаемости церквей и совершаемых треб, а также процентное соотношение количества обрядов в русских и в эстонских общинах, уполномоченный Капитонов пришел к выводу, что для русскоязычной молодежи постепенно церковный обряд венчания становился менее значимым. Многие стали ограничиваться записью в ЗАГСе. В сельских же «эстонских» приходах доля венчаний была значительно выше. Уполномоченный полагал, что причиной тому – отсутствие возможности в условиях деревни провести светское мероприятие

---

⁵³⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1542. Л. 80.

⁵³⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1542. Л. 81.

⁵³⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1542. Л. 90

⁵³⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 92.

торжественно⁵³⁹. Впрочем, эта трактовка уполномоченного явно тяготеет к предвзятости. Сельские жители более консервативны, чем городские. На протяжении столетий традиционный уклад сельской жизни предполагал венчание с последующим общеприходским праздником. Стремительно отказаться от этих традиций на селе вряд ли были готовы. Не следует забывать и о роли старшего поколения, бок о бок с которым в сельских районах проживали молодые, в то время, как покинувшая село и уехавшая в город молодежь, вдали от предков и родственников, быстрее перенимала различные нововведения светских властей. Кроме того, антирелигиозная агитация безусловно медленнее достигала сельских районов.

Следует подчеркнуть, что тенденция по активизации церковной жизни в предшествующие -1956 и 1957 годы - беспокоила власти. Так, количество крещений в тот период в республике возросло с 3320 до 3604 соответственно, венчаний – с 244 до 313 пар, церковных панихид с 1361 до 1395, конфирмаций с 240 до 295, число причастников возросло: с 47594 до 53414⁵⁴⁰. Безусловно, такая статистика, даже с учетом того, что население республики увеличилось из-за прибытия русских специалистов из других регионов страны, не могла не вызывать недовольство Совета.

В материалах архивных дел есть сведения о состоявшемся в этот период разговоре уполномоченного с настоятелем таллинского Преображенского собора протоиереем Николаем Кокла. Настоятель, судя по словам Капитонова, заявил, что общественные молодежные организации республики ничего не делают для того, чтобы сложившейся у православных эстонцев практике конфирмации противопоставить гражданские формы празднования совершеннолетия и таким образом добиться ослабления влияния лютеранства и вытеснить конфирмацию. При этом протоиерей якобы ссылаясь на опыт ГДР, даже принес уполномоченному для ознакомления немецкие журналы. Капитонов отмечал, что священнослужитель был при этом движим не симпатиями к комсомолу или стремлением к

---

⁵³⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 27.

⁵⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 25.

антирелигиозной деятельности, но таким образом выражал серьезную тревогу в связи с влиянием лютеранских конфирмаций на православную эстонскую молодежь⁵⁴¹. Сообщалось, что обряд конфирмации вошел в практику эстонских православных приходов еще с 80-х гг. XIX века под влиянием лютеранского окружения, постепенно приобрел силу традиции и был официально разрешен Священным Синодом и признан съездом духовенства Рижской епархии в начале 1900-х годов. С тех пор данный обряд укоренился в православных приходах республики и в тех случаях, когда не проводилась конфирмация в православном приходе, многие молодые эстонцы направлялись для проведения обряда в лютеранскую⁵⁴². Таким образом, ежегодно среди конфирмантов в эстонских кирхах появлялись православные эстонцы, часто таким образом происходил плавный переход из православия в лютеранство, что в свою очередь вызывало большое беспокойство православного духовенства республики.

Анализ статистики, проведенный уполномоченным по требам за 1957 год показал, что число крещений от числа всех рожденных детей составило – 55, 8%, венчаний 29, 8% от всех вступивших в брак, погребений по церковному обряду – 64, 5% от всех умерших⁵⁴³. Капитонов с беспокойством констатировал большой процент крещений детей, но вместе с тем отмечал неуклонный рост числа атеистов среди молодежи, что в свою очередь, по его информации, вызывало беспокойство у духовенства республики. В связи с этим священники сконцентрировались «на индивидуальной работе» с верующими⁵⁴⁴, активно проводя ее во время совершения треб на дому, как подозревал уполномоченный.

Всерьез заинтересовались теперь в Москве и вопросом общекладбищенских панихид, о которых еще с 1945 г. эстонские уполномоченные регулярно докладывали в Совет. На полях документа член Совета ставит уточняющий вопрос о том, где еще, кроме Эстонии, в стране проходят общекладбищенские панихиды и

---

⁵⁴¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 29.

⁵⁴² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 28.

⁵⁴³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 30-32.

⁵⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 32-33.

«не пора ли с этим покончить?»⁵⁴⁵. В связи с чем в Эстонии был немедленно введен новый порядок: теперь епископ был обязан оповещать уполномоченного о предстоящей общей панихиде на кладбище не позднее, чем за две недели до события⁵⁴⁶. Насколько можно судить, вряд ли эта мера смогла воспрепятствовать проведению дней поминовения усопших, поскольку, как известно любому православному, и очевидно не было известно уполномоченному, особые дни поминовения установлены издревле и отмечены в церковном календаре, так что за две недели до такого дня духовенство и верующие безусловно были информированы о событии и невыполнение указания уполномоченного, которое могло бы повлечь за собой запрет проведения мероприятия, вряд ли было возможно. Вместе с тем, иных мер власти изобрести не могли: верующие и священники закон формально не нарушали.

24 мая 1958 г. скончался архиепископ Рижский и Латвийский Филарет (Лебедев), в связи с чем в течение полугода епископ Иоанн (Алексеев) часто бывал в Риге, принял временное управление Рижской епархией, однако, поездки по Эстонии не прекратил, посещал в частности Пюхтицкий монастырь и Нарву⁵⁴⁷.

В октябре 1958 г. снова был поднят вопрос о Пюхтицком монастыре, на сей раз в новом, неожиданном контексте: Совет поручил уполномоченному отобрать в монастыре кандидатуры монахинь, которые были бы согласны поехать в Иерусалим для проживания в Горненском монастыре. Совет рекомендовал придерживаться следующих принципов: не отбирать престарелых и ослабленных, учитывая специфический климат. О проведении этой работы уполномоченному надлежало договориться с руководством епархии, в соответствующих органах согласовать выезд монахинь за границу, и представить в скором времени в Совет заполненные анкеты⁵⁴⁸.

Следует учитывать тот факт, что 1959 год стал годом очередной волны закрытия и разорения монастырей в СССР. Архивные материалы этого периода

---

⁵⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 35.

⁵⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 35.

⁵⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 36.

⁵⁴⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1627. Л. 38.

содержат сотни и тысячи страниц, посвященных этому процессу. Специальные заседания проходили в Совете, по результатам которых уполномоченные по всем республикам СССР получали для ознакомления отчеты, в которых описывались принятые решения и меры по их реализации. Так, в документах Совета детально отражен процесс закрытия на Украине Кременецкого женского монастыря, закрытие скита Почаевской Лавры на Украине, который был ликвидирован 10 августа 1959 года⁵⁴⁹. Протокол заседания Совета по вопросу сокращения монастырей содержит подробную информацию о ликвидации Густынского монастыря, передаче его построек одноименному дому инвалидов⁵⁵⁰, рапорты о закрытии 8 монастырей на Украине⁵⁵¹. Эти материалы представляют большой интерес для историков, поскольку в них, как в секретных документах, без прикрас и предельно подробно, описаны методы, примененные при закрытии обителей. Власти опасались возможных протестов со стороны местного населения, а потому ими был разработан целый комплекс мер для проведения закрытия обителей максимально секретно и стремительно. Местным партийным органам было рекомендовано придерживаться следующих правил: объявлять официально в монастыре о закрытии рано утром дня самого закрытия, предоставлять монашествующим всего 4 часа на сборы, провести заранее распределение монашествующих: кто переходит в другой монастырь, кто уезжает к родственникам, билеты при этом должны были быть также обеспечены властями заранее. При закрытии женских монастырей привлекались женщины – помощницы для упаковки вещей и для паспортизации. Таким образом, были прописаны все меры для того, чтобы окончить мероприятие в течение нескольких часов во избежание протестов со стороны местного населения. Заранее были подготовлены десятки дружинников, перекрывавших местами автомобильное движение. Также заранее организовывалось большое число автобусов, чтобы оперативно осуществить вывоз монашествующих. Такие инструкции по проведению закрытия

---

⁵⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 7.

⁵⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 19-21.

⁵⁵¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 21-26.

монастырей были разосланы уполномоченным соответствующих областей как руководства к действию. В материалах дела также подробно описываются возможные действия граждан, называемых «кликушами», т.е. тех, кто на разных этапах мог оказать сопротивление закрытию. Были даны рекомендации по своевременному выявлению таких верующих. В архивных материалах есть информация об активном противодействии архиепископа Львовского и Тернопольского Палладия (Каминского) закрытию Кременецкого монастыря, несмотря на состоявшееся решения Патриарха Алексия I по этому вопросу⁵⁵², настойчивое сопротивление закрытию настоятельницы Кременецкого монастыря игуменьи Анимаисы. Архиепископ в результате своего активного сопротивления был переведен на Оренбургскую кафедру. В материалах Совета отмечено, что настоятельница Анимаиса ездила к Патриарху по этому поводу, вернувшись, сказала больно́й, заперлась в своей келии и никого к себе не пускала. Предположительно игуменья действовала по благословению некоего лица, от которого, по сведениям Совета, получила телеграмму 6 июля из села Рудки Почаевского района Ровенской области. Текст телеграммы: «Прошу Вас с монастыря не уходите. Стоять даже до крови. Подпись: Пророк.» Телеграмма была принята, к удивлению членов Совета, прошла через города Ровно, Львов, Тернополь, Кременец и была вручена настоятельнице⁵⁵³. Тем не менее обитель была закрыта.

Готовность к проведению мероприятий по закрытию обителей выражали многие уполномоченные⁵⁵⁴. В связи с предполагаемыми закрытиями Капитонову П.Г. было предложено подумать над возможностью размещения некоторой части монашествующих из закрываемых монастырей в Пюхтицком монастыре⁵⁵⁵. В ответ Капитонов докладывал в Совет 3 октября 1959 года, что обратился по этому вопросу к председателю Совета министров ЭССР Мюрисеп А.А. и секретарю ЦК компартии Эстонии Ленцману Л.Н., говоря о возможном размещении в монастыре

---

⁵⁵² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 29-35.

⁵⁵³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 32.

⁵⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 37-38. Л. 41-42.

⁵⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 42.

некоторого количества насельниц из других монастырей. В ответ товарищи А. Мюрисеп и Л. Ленцман высказались «резко отрицательно», указав, что они будут решительно и категорически возражать против увеличения числа монашествующих, поскольку их уже достаточно много, а монастырь оказывает сильное религиозное влияние на население близлежащих районов республики. Особое беспокойство выразили руководители района Йыхви, на территории которого находится обитель. Особо отмечалось, что данный район является так называемым «сланцевым бассейном» Эстонии. Это, очевидно, имело значение в связи с тем, что власти планировали проводить дальнейшее развитие промышленности в данном регионе, что повлекло бы за собой увеличение населения за счет новых рабочих и специалистов, соответственно, партийные начальники опасались, что еще большее количество граждан будет посещать монастырь⁵⁵⁶.

Однако, закрытие Вильнюсского монастыря однозначно требовало перемещения части насельниц в другую обитель и материалы архивных дел показывают, как решался этот вопрос. Уполномоченный по Литве А. Ефремов доложил в Совет, что совместно с правящим архиепископом беседовал со всеми монахинями Вильнюсского монастыря, и в результате 22 из 27 монахинь изъявили готовность переехать в Пюхтицы, мотивируя это тем, что для них не имеет значения, в какой монастырь переезжать, «лишь бы ехать туда, куда поедет матушка игуменья»⁵⁵⁷. В связи с этим разговором литовский уполномоченный выразил опасения, что архиерей «не торопится заниматься вопросом закрытия вильнюсской обители», но «ведет двойственную политику», по словам Ефремова, обосновывая свое поведение тем обстоятельством, что не видел официальных бумаг о закрытии монастыря. Также он сообщал, что в Вильнюс приезжала игуменья Пюхтицкого монастыря Ангелина и сообщила Ефремову о готовности забрать вильнюсских монахинь, вместе с тем опасаясь несогласия уполномоченного Капитонова, в связи с чем и просила Ефремова уладить вопрос

---

⁵⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 43.

⁵⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 49.

со своим эстонским коллегой⁵⁵⁸. Литовский уполномоченный просил Совет принять меры для получения согласия Правительства ЭССР на перемещение в Пюхтицкий монастырь 20-22 монахинь из Вильнюса ввиду наличия согласованного решения о закрытии Вильнюсской обители и наличия соответствующего постановления СМ Литовской ССР⁵⁵⁹.

В справке на имя Г. Карпова, составленной зам. председателя Совета Чередняк и зав. инспекторским отделом Сивенкова «О результатах рассмотрения планов закрытия монастырей в 1960 году на территории Украинской, Белорусской, Молдавской, Латвийской, и Литовской ССР» от 23.11. 1959 года сообщалось, что трудности по закрытию возникают в связи с нежеланием правительства Эстонии принять монашествующих из названных республик в женский Пюхтицкий монастырь⁵⁶⁰.

В Латвии рассматривался другой вариант – перевод из Рижского монастыря монахинь в так называемый «филиал» - в Валгунский сельсовет, 25 км от Риги⁵⁶¹. Целью было удаление монашествующих из столицы республики, закрытие монастыря или превращение его в храм, и расселение монахинь подальше от Риги, среди лесов, в малонаселенном районе республики. В Белоруссии рассматривалось предложение о переселении монахинь Гродненского монастыря в свободные изолированные корпуса мужского Жировицкого монастыря⁵⁶².

Одновременно с закрытием монастырей Совет продолжал заниматься прекращением доступа к святым местам и источникам. На специальном совещании в Москве эстонский уполномоченный сообщал о святых местах Эстонии, в частности, о Пюхтицком источнике, законных прав отнять который государство не имело. Капитоновым было внесено предложение о повышении церковных налогов в полтора раза с 8 рублей до 12, поскольку в более стесненных обстоятельствах, как считал уполномоченный, «если нажать крепче», то в монастыре «откажутся и

---

⁵⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 50.

⁵⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 51.

⁵⁶⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 53.

⁵⁶¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 53.

⁵⁶² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 53.

от земли», на которой расположен источник⁵⁶³. К счастью для монастыря и верующих, уполномоченный мыслил иными категориями, нежели они. Его расчет был обречен на неуспех.

В 1959 году в Эстонии насчитывалось всего 112 православных общин, 121 церковь и молельный дом, из которых 9 приписные, а также 1 монастырь с его церквями⁵⁶⁴.

Причины уменьшения численности общин по сравнению с первым полугодием 1958 были в том, что две самостоятельные общины в городе Муствее по обоюдному согласию слились в одну, таким образом одна из них, «Троицкая», стала приписной к Муствеевской Николаевской церкви. В то же время из числа приписных храмов перестал существовать молельный дом на острове Абука, т.к. здание грозило обвалом и было разобрано. Кингисеппская православная община, к которой был приписан этот молельный дом, ремонтировать его, по словам уполномоченного, не пожелала, т.к. фактически в течение года церковные службы там не проводились, а оставшиеся православные верующие острова Абука предпочли посещать кингисеппскую православную церковь.

Вместе с тем в тот же период к уполномоченному поступило ходатайство верующих из деревни Тийриметса Кингисеппского района с просьбой разрешить им восстановить разрушенное во время войны церковное здание церкви. Капитонов обращение отклонил под предлогом, что в течение всех послевоенных лет верующие из деревни Тийриметса «обслуживались Люмандаской церковью», и что средствами на восстановление церковного здания община якобы не располагала. По словам уполномоченного, епископ указанное ходатайство группы верующих не поддерживал и в выделении средств на восстановление церковного здания отказал. Все эти обстоятельства уполномоченным были разъяснены группе активистов восстановления храма⁵⁶⁵.

---

⁵⁶³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1646. Л. 174.

⁵⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 3.

⁵⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 3.

На начало 1959 года церковнослужителей Эстонии было 66 человек, из них - 1 епископ, 57 священников, (протоиереев - 25, священников- 32), диаконов 8 (из них один протодиакон)⁵⁶⁶.

Как уже отмечалось выше, верующие активно противостояли попыткам властей и прессы глумиться над Церковью и духовенством. Так, очередная жалоба поступила от старосты и группы прихожан церкви в Йыхви. Под документом подписи поставили 66 человек. Причиной стал фельетон «Бес в Храме», опубликованный в газете «Молодежь Эстонии» за 12.11.1958⁵⁶⁷.

Капитонов докладывал в своем письме Совету, что по его информации, приход был закрыт ввиду конфликта между группами верующих, где одна сторона поддерживала бывшего настоятеля, священника Владимира Залипского. В результате конфликта храм не действовал около двух месяцев, а местный печатный орган посчитал необходимым прокомментировать эту ситуацию в жанре фельетона, который сам Капитонов охарактеризовал как неудачный, в том числе с точки зрения антирелигиозной пропаганды. Более того, по мнению уполномоченного, фельетон способствовал скорейшей нормализации ситуации в приходе, загасив разногласия, послужив толчком к нормализации церковной жизни в Йыхвиской общине. Жалоба верующих была перенаправлена в Московскую Патриархию, редакцию газеты «Правда» и в ЦК КП Эстонии. В результате вмешательства заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП Эстонии редактор газеты «Молодежь Эстонии» с рядом ответственных сотрудников газеты были вызваны на беседу к уполномоченному, фельетон свой признали неудачным и «сделали соответствующие выводы»⁵⁶⁸.

Очевидно, истинная причина детального разбора ситуации заключалась не в неудачном фельетоне, а в реакции эстонских верующих, которые своими действиями снова показали властям, что несмотря на нарастающую антирелигиозную пропаганду, намерены сопротивляться.

---

⁵⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 4.

⁵⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 5.

⁵⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 7.

Церковная обстановка в целом сохранялась на прошлогоднем уровне, местами уполномоченный отмечал небольшое снижение активности. При этом продолжали активно действовать общины в крупных промышленных городах Эстонии - в Нарве и Тарту, а также в городах сланцевого бассейна, особенно Кохтла-Ярве и Кивиыли, что было обусловлено притоком русского населения в них с одной стороны, и активностью духовенства - с другой. Среди наиболее деятельных представителей духовенства уполномоченный уже не в первый раз отмечал нового настоятеля и благочинного Тартусского благочиния протоиерея Алексия Ридигера и священника Когер в Кивиыли⁵⁶⁹.

В приходах города Тарту увеличилось число богослужений, в «русской» Успенской и «эстонской» Георгиевских общинах рост доходности за год составил 20 %.

В Таллине количество служб и доходность оставались на прежнем уровне. В 3 церквах из 9 увеличились церковные хоры, но требы немного уменьшились: крещений было меньше на 6-7% в сравнении с 1957 годом, венчаний - почти на треть меньше, причастников было меньше на несколько процентов, лишь число погребений по церковному обряду увеличилось на 8%⁵⁷⁰.

Некоторое снижение религиозной активности, хоть и незначительное, уполномоченный Капитонов объяснял тем, что процесс собирания в лоно церкви ранее временно отошедших от веры в общем завершился, и «все старые ресурсы оказались исчерпаны»⁵⁷¹. На этом этапе, как полагал П. Капитонов, все должно было зависеть от умения властей противопоставить деятельности церкви соответствующий размах и качественный уровень антирелигиозной пропаганды⁵⁷².

Вместе с тем наблюдался рост числа церковных обрядов отпевания, в связи с чем государственным органам надлежало взять организацию похорон в свои руки.

Снова Совет ставил вопрос о возможности полного запрещения общекладбищенских панихид в Эстонии как для православных, так и для лютеран,

⁵⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 8.

⁵⁷⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 9.

⁵⁷¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 9-10.

⁵⁷² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 10.

на что Капитонов докладывал, что в ходе совещания с председателем Совета Министров Эстонии и заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП Эстонии, было высказано общее мнение о «несвоевременности и нецелесообразности» административного вмешательства, и тем более - запрещения кладбищенских праздников как по линии православной, так и по линии лютеранской церкви Эстонии (весь этот абзац был потом подчеркнут членом Совета)⁵⁷³. Из Эстонии докладывали в Москву, что данные традиции весьма важны для местного эстонского населения. Так, в качестве аргумента был приведен тот факт, что попытки административных запретов или перенесения дня панихид ни к чему не привели, население продолжало собираться на кладбищах в положенные дни, а попытки устранения от участия священников вызвало лишь недовольства и нарекания. После обнародования распоряжения местного партийного руководства о переносе дня таких мероприятий, их стали проводить вместо 1 раза в год - 2 раза, т.е. один раз без участия священника, а другой раз – с ним и с повышенным числом участников⁵⁷⁴.

Предполагаем, что местные эстонские руководители смогли объяснить Капитонову, что кампания по запрету общих панихид приведет к недовольству населения. Полагаем, что и сами эстонские партийные руководители не стремились брать на себя ответственность за столь непопулярные меры, поскольку объясняться в таком случае перед своими родственниками и односельчанами пришлось бы не заезжему уполномоченному, а им самим. Собираться и молитвенно поминать усопших на кладбищах эстонцы все равно бы продолжили, поскольку запретить это законодательно было невозможно.

В Эстонии были места, пользовавшихся особым почитанием верующих. Среди них - часть каменного креста из Зареченской церкви Ряпинаского района. Обнаруженный некогда около церкви под деревом, крест впоследствии был помещен в серебряную оправу и хранился в церкви как святыня. Кресту приписывались целительные свойства. При посещении церкви, особенно в день

---

⁵⁷³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 11.

⁵⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 11.

престольного праздника (Ильинскую пятницу) верующие носили крест во время крестного хода вокруг церкви. в силу с молитвами об исцелении и отпущении грехов⁵⁷⁵.

В Меекской церкви Вастселинаского района, хранился «черный камень», точнее несколько обломков большого камня, возле которого, по преданию, молился пустынник Никандр. По преданию, помещик-немец приказал разбить камень и использовать на постройку скотного двора. После завершения строительства начался массовый мор животных, а когда обломки вернулись на место, мор прекратился. Уполномоченный докладывал в Москву о том, что верующие приходят, прикладываются к камню, оставляют творог и сметану, мелкие монеты. Многие приходили в день престольного праздника - 24 июня – «Иванов день», когда около часовенки, расположенной рядом с камнем, совершался молебен.

В связи с упомянутыми традициями и принятыми в Москве постановлениями относительно посещения святых мест Капитонов «настоятельно рекомендовал» епископу следующее: 1. Крестные ходы к источнику в Пюхтицах прекратить и совершать их вокруг ограды монастыря или даже внутри ограды, вокруг собора. 2. Каменный крест из Зареченской церкви для ношения вокруг церкви не выдавать. 3. Молебны около «черного камня» прекратить⁵⁷⁶. Очевидно, что выбора у епископа не было.

Относительно Пюхтицкого источника с руководителями Йыхвиского района у уполномоченного имелась договоренность, чтобы территорию около монастыря, где располагается источник, использовать под различные мероприятия, «по линии совхоза или Куремяэской больницы» и тем самым прекратить доступ паломников к нему. Также уполномоченный предлагал запретить экскурсионные поездки в монастырь, а также прекратить всякую торговлю возле монастыря⁵⁷⁷.

---

⁵⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 12.

⁵⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 13.

⁵⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 14.

В Совете относительно церковной жизни Эстонии были приняты следующие решения: рекомендовать уполномоченному сообщить духовенству республики, что сами религиозные мероприятия запрещаться не будут, запрет коснется участия священников. Поскольку согласно ранее принятым постановлениям ЦК были запрещены богослужения и моления вне стен храма, то и на территории кладбищ такие действия духовенства отныне подпадали под запрет.

В связи с проблемой святых мест Совет отвечал эстонскому уполномоченному, что тот давно уже не должен был допускать подобных мероприятий возле Пюхтицкого источника, «черного камня» и др.⁵⁷⁸.

В результате с 1959 года молебны у Пюхтицкого источника не проводились, крестные ходы не осуществлялись, на том основании, что источник находился за монастырской оградой. Часовня над источником даже была закрыта на замок, чтобы верующие не могли окунаться в него⁵⁷⁹. Это было потрясением для всей епархии, поскольку с источника началось становление Пюхтицкой обители, а паломничества к нему носили поистине массовый характер.

Несмотря на строго официальный стиль документов Совета по делам Русской Православной Церкви, в текстах отчетов и инструкций проскальзывают уникальные сведения о личных судьбах эстонского духовенства. Из архивных текстов мы узнаем, как священники стремились сохранить приходы и укрепить веру своих прихожан в условиях агрессивной атеистической пропаганды. Так, например, протоиерей Христофор Винк, в тот период служивший в Таллине, в Ныммеской церкви, сетовал (возможно, в личном разговоре с уполномоченным), что в приходе остается все меньше певчих, старшее поколение вымирает, замены им нет, и при богослужении в ближайшие годы будут вынуждены переходить на «народное пение»⁵⁸⁰. Отец Христофор сыграл заметную роль в истории эстонского православия. Именно ему выпала нелегкая роль – зачитывать исторический текст покаяния от лица эстонских клириков и мирян во время чина воссоединения с

---

⁵⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 18-19.

⁵⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1828. Л. 39.

⁵⁸⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1732. Л. 29.

Московским Патриархатом 6 марта 1945 года после уклонения в раскол ЭАПЦ под руководством митрополита Александра (Паулуса)⁵⁸¹. Священник являлся также церковным композитором. Ныне покойный митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий (Якобс) вспоминал, что у отца Христофора были свои музыкальные композиции, а все речитативные концовки служб он переложил на мелодии. Храм в Нымме был построен во многом благодаря усилиям отца Христофора. Священник отслужил в нем 37 лет⁵⁸². В 1960 году, дождавшись из ссылки священника Вячеслава Якобса (впоследствии – митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия), пожилой настоятель вышел за штат, и пока силы не оставили его, приходил в храм и помогал духовенству. Скончался отец Христофор в 1972 году, его отпевание 10 апреля 1972 года возглавил епископ Эстонии Алексей (Ридигер), лично знавший его. Погребен отец Христофор был на Александровском кладбище Таллина.

Активная деятельность правящего архиерея продолжала отслеживаться уполномоченным, и соответствующие сведения регулярно направлялись в Совет. Согласно докладам Капитонова, епископ Иоанн (Алексеев) в 1960 г. совмещал руководство Эстонской и Латвийской епархиями, в связи с чем, по данным уполномоченного, выезжал в Ригу 26 раз, проведя в поездках в общей сложности 145 дней в году. В Москву, в Патриархию, епископ выезжал за год дважды⁵⁸³. В поездках по Эстонии епископ провел по подсчетам уполномоченного 22 дня. Четыре раза за год посещал Пюхтицкий монастырь. Стиль взаимодействия епископа Иоанна с уполномоченным П. Капитонов характеризовал как «медлительный». Уполномоченный докладывал в Совет, что епископ Иоанн «действует неторопливо, с излишней медлительностью». Капитонов заметил, что под благовидными предложениями епископ стремился саботировать вредные для церковной жизни республики предложения уполномоченного. «Всегда очень осторожен», - отмечал Капитонов, говоря про епископа Иоанна⁵⁸⁴.

---

⁵⁸¹ Богдашевский И., прот. Прекращение эстонской схизмы. // ЖМП. 1945. №4, С. 3-6.

⁵⁸² К 80-летию Владыки Корнилия. // Ежемесячная газета «Мир Православия». 2004. № 4 (73). [www. Baltwillinfo.ru](http://www.Baltwillinfo.ru).

⁵⁸³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 33.

⁵⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 34.

Особо отмечалась и работа эстонского архиерея с иностранными делегациями. По словам уполномоченного, епископ Иоанн вдумчиво и тщательно готовился к приезду иностранцев, при общении с ними «вел себя с достоинством, выдержано и осмотрительно», разговоры с ними у епископа были содержательны и нешаблонны. Идеи защиты мира и мирного сосуществования архиерей излагал, указывая на соответствующую цель государственной политики СССР.

В 1960 г. в Таллин приезжали две иностранные делегации, которые принимал епископ и представители духовенства Эстонии. Это была группа «Брудершафтов» из ФРГ и группа молодых христиан-участников пражской христианской мирной конференции⁵⁸⁵. По мнению уполномоченного, встречи с эстонскими церковными деятелями в принципе могли помочь иностранным гостям «составить правильное представление о положении религии в СССР». Следует отметить, что, с одной стороны, владение епископом иностранными языками, образованность, умение общаться, было выгодно властям, пытавшимся создать видимость отсутствия гонений на веру в СССР, с другой стороны, эти способности вызывали опасения партийных функционеров. В силу этих обстоятельств духовенство, регулярно контактировавшее с иностранцами, было под особым контролем органов безопасности и партийного начальства.

Безусловно, духовенство в СССР осознавало, что целью подобных встреч являлось создание у иностранцев ложного впечатления о свободе религии в СССР. Однако отказ от участия в подобных мероприятиях либо попытки действовать вопреки линии партии привели бы к ужесточению гонений на веру в СССР, остановить которые иностранные державы не были бы в состоянии. Руководство Патриархии осознавало безысходность своего положения в контексте разворачивающихся гонений на веру.

Это были годы тяжелейших решений, неизбежных компромиссов с богоборческой властью, годы отпадения от веры целого поколения, сформировавшегося под влиянием агрессивной антирелигиозной пропаганды и

---

⁵⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 34.

агитации. Годы апостасии представителей духовенства, годы глумления над верой в прессе, невозможности для простых верующих участвовать в церковных обрядах. Участникам этих событий негде было искать помощи и поддержки.

В одном из своих последних документов, направленных в Совет незадолго до отставки, уполномоченный Капитонов жаловался на стиль работы епископа Иоанна (Алексеева), к тому времени уже переведенного в другую епархию. Эта информация, судя по всему, имела целью проинформировать членов Совета о тех методах, которые использовали архиереи для затягивания выполнения решений, навязанных Церкви государством. Так, епископ Иоанн получил распоряжение о введении нового принципа руководства приходами, согласно которому финансово-экономическая деятельность прихода передавалась от священника исполнительному органу, а духовенство переводилось на твердые оклады⁵⁸⁶, оплата за требы должна была производиться строго с выдачей квитанций и т.п. Епископ, по словам уполномоченного, почти на два месяца задержал рассылку соответствующего журнального постановления Синода «о перестройке управления хозяйственными и финансовыми делами в приходских общинах». Епископ очевидно такими действиями давал время приходам и их настоятелям возможность минимизировать издержки от вводимых мер. Данное обстоятельство, подробно описанное в документе ГАРФ и безусловно внимательно прочитанное в Совете, по нашему мнению, могло стать одной из причин перевода епископа Иоанна (Алексеева) в другую епархию. Владыка не просто отложил вопрос. По словам уполномоченного епископ вначале «намеревался это постановление в общины не направлять, а составил свой циркуляр в сокращенной и смягченной редакции, мотивируя это соображениями большей популярности изложения, но уполномоченный с этим не согласился, и рекомендовал разослать по церквям епархии полный текст постановления Синода. Но епископ выехал в Ригу, где оставался больше месяца, ссылаясь на тяжелое заболевание, и лишь после возвращения из Риги разослал постановление Синода с соответствующими своими

---

⁵⁸⁶ В городе – от 100 до 500 руб., на селе от 80 до 200. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 136).

пояснениями. «Таким образом, информирование духовенства и переход на новый порядок было затянуто на два месяца», докладывал в Москву уполномоченный⁵⁸⁷.

Говоря о комплексе новых мер, установленных для приходов, особо следует отметить запрет на осуществление треб на дому. За исключением причащения тяжелобольных и умирающих, все остальные требы в квартирах и домах могли проводиться только с разрешения городских или районных исполкомов⁵⁸⁸.

У уполномоченного и в прежние годы возникали подозрения в нежелании архиерея делиться информацией. Теперь же функционеру стало очевидно, что архиерей сознательно тормозил реализацию антицерковных решений властей. С этим Совет мириться не мог. Следующим шагом в этом контексте должны были стать провокационные действия властей в отношении епископа. По такой модели в 1948-1949 годах уже развивалась ситуация с эстонским епископом Исидором (Богоявленским), активная позиция которого и насколько мы можем судить, нежелание делиться информацией с уполномоченным, моментально привели к открытому противостоянию. Внезапно появились анонимные жалобы на епископа Исидора. Пожилой владыка скоропостижно скончался. Последние годы управления епархией епископом Романом (Тангом) также сопровождалась попытками его дискредитации со стороны уполномоченного.

Теперь по той же схеме стала внезапно появляться негативная информация о епископе Иоанне (Алексееве). Рядовое событие – авария автомашины епископа Иоанна и «эмоциональное поведение» одного из его помощников явились поводом для информации в Совет о том, что из-за этого инцидента в епархии якобы серьезно пошатнулся авторитет епископа. Следует отметить, что в аварии никто не пострадал. Если бы никто искусственно не привлекал внимание к этому происшествию, информация об аварии вряд ли заинтересовала бы епархию. В отчетах уполномоченного внезапно появились сведения о неких жалобах на епископа, якобы направленных в Патриархию. Однако, имело последствия.

---

⁵⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1928. Л. 45.

⁵⁸⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1928. Л. 47.

Из тяжелых событий 1959 года, кроме угрозы разорения Пюхтицкой обители, следует отметить решение о закрытии монастырского подворья в Таллине и прекращение богослужений в храме подворья. Этот весьма популярный в Таллине приход стал мишенью властей неслучайно: помимо большого числа прихожан, имея статус подворья, храм обеспечивал мощную экономическую поддержку монастырю, что и стало одной из причин его закрытия.

Еще одно негативное церковное событие общесоюзного масштаба было связано с Эстонией, и произошло в это же время: отречение Александра Осипова. В выше упоминавшихся архивных документах фамилия Осипова встречалась неоднократно. Он родился в Таллине в 1911 г., окончил богословский факультет Тартуского университета, с 1946 года служил в Ленинградской Академии и семинарии, некоторое время исполнял обязанности ректора, был инспектором, преподавателем. 2 декабря 1959 года написал заявление о своем «уходе из Православной Церкви», став активным пропагандистом⁵⁸⁹. Осипов, еще в бытность профессором Ленинградской духовной семинарии, приезжал в Таллин в 1949 году в составе группы проверяющих – ревизионной комиссии Патриархии после внезапной кончины епископа Исидора (Богоявленского). Тогда Осипов необычно стремительно наладил прямой контакт с уполномоченным Совета по Эстонии, они вдвоем активно обсуждали возможных кандидатов на пост епископа. Уполномоченный тогда получил замечание от Совета за столь неприкрытое вмешательство во внутрицерковные дела. Это тесное сотрудничество профессора Духовной Академии и уполномоченного может объясняться давнишним сотрудничеством с «органами», как это порой бывало с другими отступниками. Карьерный рост таких ренегатов часто был обусловлен давним покровительством со стороны КГБ. Предательство Осипова стало для эстонского духовенства весьма болезненным ударом. По словам уполномоченного Капитонова, сообщение произвело "эффект разорвавшейся бомбы и усилило смятение среди

---

⁵⁸⁹ Гаркавенко О. Имя Божие похулившие. Годы хрущевских гонений: судьбы отступников. // Православие и современность. 20 декабря 2011 года. Интернет-ресурс: Pravoslavie.ru, дата обращения – 22.05.2018.

духовенства"⁵⁹⁰. Многие в Эстонии, согласно информации Капитонова, в контексте этой новости стали говорить, что это является проявлением изменения курса партии в отношении Церкви и что в течение текущей семилетки Церковь будет уничтожена полностью, а «Осипов бежал заблаговременно "с тонущего корабля"»⁵⁹¹. Другие высказывали более оптимистическое мнение, что речь идет об очередной волне притеснений, которая впоследствии сойдет на нет. Так или иначе, апостасия Осипова нанесла тяжелый удар по эстонскому православию, поскольку ренегат был связан с этими краями большую часть своей жизни, являлся популярным пастырем, и, несомненно, своим предательством и активной пропагандой внес смущение в умы простых верующих, а духовенство республики своими заявлениями поставил в непростое положение.

Все перечисленные негативные события в церковной жизни Эстонии 1959 года создавали у верующих и клириков ощущение, что Церковь вступила в эпоху новых гонений. Только методы властей теперь немного изменились. Очевидец событий, митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий (Якобс) подробно описывая эти тягостные дни, вспоминал, что подворье Пюхтицкого монастыря в Таллине закрыли, а затем снесли. Сначала поступило распоряжение распределить имущество по другим церквам, но прихожане стали собирать подписи за сохранение храма и это, по мнению покойного митрополита, только ухудшило положение: пришел строгий приказ: в течение 3 дней освободить церковь. На грузовиках по приказу властей имущество было свезено на склады и в основном сожжено, в том числе, почти все иконы. Владыка вспоминал, как плакал отец Валерий Поветский, когда на его глазах разбирали мраморный престол храма. Священник стоял рядом, чтобы забрать части мощей святых, которые там хранились. Когда подворье закрыли, отец Валерий продолжил служение в Никольской церкви. «Часто прихожане шли домой к батюшке со своими невзгодами. Когда же отец Валерий скончался, весь православный Таллин пришел на отпевание». Владыка Корнилий вспоминал, что такое количество таллинцев на

---

⁵⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 26.

⁵⁹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 26.

отпевании видел лишь четыре раза: на похоронах эстонских Владык Павла (Дмитровского) и Исидора (Богоявленского), священников Михаила Ридигера и Валерия Поветского. Судьбу отца Валерия Поветского покойный владыка Корнилий назвал «жизнью в святости»⁵⁹².

Говоря о роли некоторых представителей эстонского духовенства в церковной жизни Эстонии в данный период, обратимся снова к информации, полученной нами от Мянника С.Г., на протяжении многих лет бывшего помощником покойного владыки Корнилия, митрополита Таллинского и всея Эстонии. По нашей просьбе С.Г. Мянник передал информацию о тех представителях духовенства, которые по воспоминаниям его покойного деда, епископа Иоанна (Алексеева), сыграли особую роль в эстонской церковной жизни. «В период пребывания на кафедре епископа Иоанна в делах административных в первую очередь помогали протоиерей Михаил Рауд (1900-1985). Окончил вольнослушателем Печорскую ДС (1935). В 1935 году рукоположен во диакона и во священника. Служил в Нарве. Священник лагеря военных беженцев на Ханко (Финляндия). Репатриирован в Эстонию в 1945 году. Настоятель храма Василия Великого в Юуру (1945-1951), Вознесения Господня в Ангерья (1947), в таллинском Скорбященском приходе (Ситси) (1947-1952), секретарь Таллинской епархии, благочинный Таллина. 18.09.1952-1959 гг. клирик церкви святителя Николая Чудотворца в Таллине на ул. Вене. С 1959 года - в Омской епархии. Настоятель Богоявленского храма в эстонском городе Йыхви (10.09.1967-11.06.1983).

Протоиерей Николай Кокла (1912-1983). Учился на теологическом факультете в Тартуском университете (1933-1940), рукоположен во диакона и иерея в 1936 году. Настоятель Георгиевского храма в Тарту. С 1940 г. клирик, а впоследствии - настоятель таллинского Преображенского собора (1940-1983), благочинный округа Таллин-Харью (1940-1944), секретарь Таллинского

---

⁵⁹² Корнилий (Якобс), митр. О моем пути. Таллин, 2009. СС. 159-164.

Епархиального управления (1946-1983). В основном занимался вопросами, связанными с эстонским духовенством.

Нельзя забывать протоиерея Алексея Ридигера, который был благочинным Тартуского округа и настоятелем Успенского собора в Тарту. Он был очень целеустремленным, инициативным. Как докладывал уполномоченный Совета по Эстонии Капитонов: «отмечается активность православных верующих в различных приходах. Так в гор. Йыхви – православный приход, под влиянием деятельности молодого священника Ридигера, несомненно, активизируется» (Справка «О некоторых признаках усиления в отдельных местах Эстонской ССР религиозной активности, как результат ослабления научно-просветительской (атеистической) и политической деятельности среди масс» (ERA.R.-1961.2S.25.L7-15 (Эстонский государственный архив)).

В отношении духовной жизни епархии большую помощь оказывал протоиерей Валерий Поведский (1901-1973) из семьи потомственных священников. Он был рукоположен во диакона и иерея в 1938 году, угнан с семьей немцами в Эстонию из Орловской области, священник Никольской церкви в Таллине (1943-1944, 1959-1973), Скорбященского прихода в Таллине (1944-1947), последний священник Таллинского подворья Пюхтицкого монастыря (1947-1959). Духовник большей части таллинского духовенства и многих верующих города»⁵⁹³.

1959 год является одним из переломных моментов в истории Русской Церкви. Антирелигиозная пропаганда и политика властей по сокращению влияния Церкви в обществе, постепенно нараставшие на протяжении 10 лет, привели к существенным результатам. Количество переросло в качество. Закрытые монастыри и храмы, аресты духовенства, активная, неприкрытая антицерковная агитация в СМИ, и победа яркого поборника уничтожения Церкви- Хрущева во внутрипартийной борьбе – все это определило сложнейшее положение, в котором оказалась православная Церковь в конце 1950-х годов. Одним из важнейших событий этого процесса стала отставка руководителя органа, от которого во

---

⁵⁹³ Мянник С.Г. Письмо Непочатовой М.И. от 16.08.2019.

многом зависела жизнь духовенства и приходов - Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР. Назревавшее в партийных кругах недовольство «старым подходом», который ассоциировался с личностью Карпова Г.Г., должно было неизбежно привести к его отставке. Назначенный на эту должность еще Сталиным, Карпов прочно ассоциировался с ушедшей эпохой, и несмотря на его активные попытки изменить стиль работы, свести к минимуму общение с Патриархом, что так сильно раздражало ЦК и другие органы власти, резко ужесточить политику в отношении Русской Православной Церкви во всех аспектах, вопрос отставки Карпова был лишь вопросом времени. Недовольство Карповым нашло отражение даже в официальном документе от 13 января 1960 года «О мерах по ликвидации нарушения советского законодательства о культах», в котором прямо говорилось, что Карпов неверно понимает задачи и не желает учитывать изменения, происходящие в стране⁵⁹⁴. Новый период в отношении государства и Церкви требовал кадровых перестановок. Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Карпов в глазах руководства страны не соответствовал новому этапу. Хрущеву был нужен другой человек на этом ответственном посту.

Постановлением Совета Министров СССР от 6 февраля 1960 года Г.Г. Карпов был освобожден от должности председателя Совета, и согласно тому же документу во главе Совета был поставлен прежде работавший в аппарате ЦК КПСС В.А. Куроедов⁵⁹⁵. Начался совершенно новый этап в работе Совета и его уполномоченных. Владимир Куроедов, член ВКП(б) с 1936 года, с 1946 по 1949 годы работал заведующим сектором Управления агитации ЦК ВКП(б), с 1949 по 1959 – секретарем Свердловского обкома КПСС по пропаганде и агитации. На долгие 24 года Куроедов станет главным по религии в СССР. Избрание на эту должность профессионала в области пропаганды и агитации (а тогда она была

---

⁵⁹⁴ Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30 (211) С.74.

⁵⁹⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 44. Л. 1а.

прежде всего антирелигиозной), однозначно было весьма негативным для Церкви сигналом, знаком того, что наступили времена новых, хрущевских гонений.

Начало 1960 г. ознаменовалось выходом программного документа: «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» от 9 января 1960 года и постановления ЦК КПСС "О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах" от 13 января 1960 года⁵⁹⁶.

Приход к руководству Советом по делам Русской Православной Церкви В. Куроедова, человека, настроенного на скорейшее прекращение религиозной жизни в стране, однозначно характеризовал планы Н.С. Хрущева и его соратников.

Первое заседание Совета новый председатель провел 23-24 февраля. Атмосфера в Совете стала иной. Куроедов ставил задачи исправить «ошибки» прежнего руководства, были сформулированы новые задачи, подходы и методы работы. В Совете изменилась сама тональность высказываний в отношении духовенства («вызовем тех епископов, где больше нарушений законодательства, тех, кто больше сопротивляется»), были намечены «большие мероприятия» по реализации решений партии в отношении Церкви, сокращающие ее влияние в обществе⁵⁹⁷.

Принятие вышеуказанных постановлений можно считать своеобразным рубиконом в государственно-церковных отношениях. В этих документах был намечен целый комплекс беспрецедентных по своему охвату мер антирелигиозной направленности. Все предыдущие мероприятия, проводимые властями, были набором подготовительных мер перед решительным ударом по православию. Теперь государство переходило к заметно более активным и скоординированным действиям, не пытаясь объяснить притеснения в отношении Церкви необходимостью соблюдения законодательства и т.п. Маски были сброшены.

Можно обозначить несколько основных направлений удара властей по Церкви. Прежде всего, это финансово-экономические вопросы. В предыдущие

⁵⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 161.

⁵⁹⁷ Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР и его уполномоченный в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30 (211). История. Вып. 42. С. 74-75.

годы были введены различные формы налогообложения, существенно подрывавшие доходы приходов, немногих уцелевших монастырей и духовенства.

Следующий шаг был предпринят с целью сделать финансово-хозяйственную деятельность прихода абсолютно неподконтрольной настоятелю. По сути приходом настоятель уже не руководил, а лишь осуществлял духовное окормление верующих. Все остальные вопросы жизни прихода передавались в руки специально избранного органа по управлению религиозным обществом. Проводилась реформа под предлогом восстановления действия Постановления ВЦИК и НК РСФСР 1929 г. «О религиозных объединениях», положения которого лишали священнослужителя права участия в хозяйственной деятельности религиозной общины⁵⁹⁸. Принятие в 1936 г. новой Конституции восстановило право на гражданство и некоторые другие права духовенства, в том числе на управление хозяйственной деятельностью прихода. Положение об управлении РПЦ 1945 г. закрепляло права руководства общиной за священнослужителем. Теперь же восстанавливались положения Постановления ВЦИК от 1929 г. В результате давления со стороны Совета Архиепископальный Собор принял соответствующее Постановление 18 июля 1961 г. Настоятели теперь становились фактически наемными лицами у церковного совета. Властями намеренно была создана ситуация, грозящая конфликтами в приходах. К управлению религиозными общинами пришли светские, порой неверующие люди⁵⁹⁹.

Вторым основным вектором антирелигиозных мероприятий начала 1960-х годов стал новый подход к антирелигиозной пропаганде. По сути, властью была предпринята узурпация права на нравственное воспитание граждан, прежде осуществлявшееся Церковью. В 1961 г. был принят «Моральный кодекс строителей коммунизма», призванный закрепить в умах людей идею о том, что советская власть заботится и обеспечивает не только необходимые блага, но и условия для нравственного совершенствования. Власть откровенно

---

⁵⁹⁸ Сазонов Д. И. Реформа приходского управления Русской Православной Церкви, принятая на Поместном Соборе 1961 года, и ее последствия. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 1, 2014. С. 69

⁵⁹⁹ Там же.

«приватизировала» христианские идеи⁶⁰⁰, таким образом, предлагая схему, исключавшую из коммунистического общества Церковь как институт, ответственный за вопросы нравственности и морали. В осуществлении антирелигиозной пропаганды, кроме широкого набора агитационных, спортивно-массовых мероприятий, издания антирелигиозной литературы, это отразилось в появлении и активной пропагандистской деятельности отступников-рenegатов, которые прежде никак себя не проявляли, скрывали свои истинные взгляды до момента, который их партийные кураторы посчитали подходящим. Пропагандистское наступление на Церковь было развернуто на страницах газет и журналов в виде фельетонов и откровенно антицерковных публикациях. Не остались в стороне и вопросы радио- и телевидения.

Так, 29 января 1960 г. вышло постановление ЦК КПСС «Об улучшении радиовещания для населения Советского Союза и на зарубежные страны», а несколькими месяцами позднее – «О дальнейшем развитии советского телевидения»⁶⁰¹. В докладе партийного руководства Эстонии о «ходе выполнения» данных постановлений отмечалось, что проведен ряд мер по усилению антирелигиозной пропаганды увеличением числа общественно-политических передач, показ облика строителя коммунизма, программ с участием старых коммунистов республики и т.п.⁶⁰² Были приняты меры для улучшения вещания «на границу», прежде всего, с целью охвата проживавших в Финляндии и Швеции эстонцев⁶⁰³.

В Эстонии к началу 1960-х гг. в результате уже принятых властями мер наметились первые результаты антирелигиозных мероприятий. Церковная жизнь в значительной степени контролировалась партийными и советскими органами. Сказывался и такой объективный фактор, как процесс угасания эстонских приходов, особенно небольших, сельских, оставшихся после революции 1917 г. без

---

⁶⁰⁰ Бурлацкий Ф. Судьба дала мне шанс. Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат»// Общественно-правовой журнал «Российский адвокат». №5. 2007. Электронный ресурс: <http://gra.ros-adv.ru>, дата обращения – 21.03.2020.

⁶⁰¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 145. Л. 2.

⁶⁰² РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 147. Л. 150-151.

⁶⁰³ РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 147. Л. 152-153.

поддержки, в том числе финансовой, со стороны России. Одной из причин ослабления религиозной активности стал и острый дефицит священников со знанием эстонского языка. Если в царской России прибалтов специально обучали в российских семинариях, то в данный период это стало весьма редким явлением, и духовенства в сельских приходах хронически не хватало. В результате один священник часто обслуживал несколько приходов, богослужения в части приходов республики проводились редко. Власти немедленно использовали ситуацию для снятия с регистрации и закрытия таких угасавших приходов. Все эти процессы стали наиболее активно проявляться в конце 1950-х-начале 1960-х.

Архивные материалы этого периода позволяют судить о том, какие задачи с учетом новых реалий формулировал на 1961 год новый уполномоченный Совета по Эстонской ССР Я.С. Кантер: изучение новых методов работы духовенства с верующими, изучение источников доходов церквей, отслеживание паломничества в Пюхтицкий монастырь. Ставилась задача препятствовать тому, чтобы со стороны Пюхтицкого женского монастыря создавались «благоприятные условия для паломников», и следить, чтобы местные жители не сдавали помещения приезжавшим в монастырь. Также предполагалось информировать партийные организации тех областей, откуда прибывали паломники. Были намечены мероприятия по дальнейшему ослаблению «затухавших» приходов⁶⁰⁴. Список таких приходов был направлен в Совет по делам Русской Православной Церкви в Москву. Это были: Скорбященская церковь в Таллине, церковь в Синди (Пярну), церкви в местечках Тори и Суйслена (Район Вильянди), церкви в местечках Кайка (Валгаский район), Хаанья-Плаани (Вырусский район), Кяхри (Пыльваский район), Пийрисааре и Тимо-Тсолгу (Ряпинаский район), храм в деревне Варнья (Район Тарту), в районе Хаапсалу – церковь в местечке Мяэмыйза. Всего 11 приходов⁶⁰⁵.

Также особое внимание уделялось проповеднической деятельности духовенства. Указывались следующие лица: епископ Иоанн (Алексеев) (управлял Эстонской епархией с 1955 по август 1961 г.), священники: Эллий Андре, Феликс

---

⁶⁰⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 2027. Л. 3.

⁶⁰⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 2027. Л. 4.

Кадарик, Николай Кокла, Иоанн Мельтсаар, Рахманин, Михаил Савин и священник Хинтс⁶⁰⁶. Особое внимание было приковано к проповеднической деятельности священников, пользовавшихся большим авторитетом у паствы. В списке таковых значились священники Николай Бежаницкий, прежде репрессированные – что отмечалось особо – священники Михаил Дубровин, Иоанн Кукк, Иулий Нийнеметс, Иоанн Ремберг, А. Столяров, Михаил Тапп, Иоанн Юмарик, Вячеслав Якобс. Особое внимание было приковано также к священнику Владимиру Залипскому (ввиду его заметного влияния на верующих), игумену Лазарю (Сарву) («фанатичен, авторитетен среди верующих») и другим⁶⁰⁷.

Особое беспокойство партийных и советских руководителей вызывал тот факт, что с 1951 г. шло постоянное оживление религиозной жизни в республике, особенно в период с 1954 по 1957 гг. В 1958 г. по наблюдениям уполномоченного Капитонова рост остановился⁶⁰⁸, а в 1960 г. стали снижаться практически все показатели религиозной активности. Так, по сведениям уполномоченного, на 11 процентов снизилась посещаемость храмов.

Статистика этого периода выглядит следующим образом: всего православных общин насчитывалось в 1958 г. - 113, в 1960 г. - 112. Зарегистрированного духовенства: 69 человек – в 1958 г., 68 – в 1960 г., общее число церковных служб: в 1958 г. – 8456, в 1960 г. – 7862. Общекладбищенских панихид соответственно было совершено 119 и 108.

Статистики по сокращению общего числа церковных служб в 1961 г. в Эстонии властям удалось добиться в основном благодаря закрытию монастырского подворья в Таллине, где только за 1959 год было совершено 270 церковных служб. Кроме того, в части церквей в 1960 г. проводился ремонт или болели священники, что могло также отразиться на статистике⁶⁰⁹. Соответственно, отмечалось и уменьшение числа причастников в 1958, 1959 и 1960 гг.: 55,3 тыс., 50,3 тыс. и 45,6

---

⁶⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 5.

⁶⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 5.

⁶⁰⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 13.

⁶⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 15-16.

тыс. Аналогичным образом снижалось и число конфирмантов: соответственно – 237, 237 и 77 человек⁶¹⁰.

Некоторое уменьшение доходности церквей также отмечалось в указанный трехлетний период (общая валовая: в 1959 г. – 2714,5 руб., в 1960 г. – 2724,9 руб., 1961 г. – 2478,1 руб.)

Однако, несмотря на ремонты и другие причины, данная статистика свидетельствует о снижении религиозной активности в Эстонии в 1960 - 1961 годах.

Статистика доходности конкретных приходов показывала тяжелейшее финансовое положение сельских храмов. Так, у 65 сельских эстонских общин валовая доходность за год составила менее 17 тысяч рублей. Для сравнения – средний годовой валовый доход русских общин составлял около 66,7 тыс. рублей в год, у отдельных - выше 90 тысяч⁶¹¹. Некоторое падение доходов привело и к незначительному снижению расходов⁶¹². Духовенство отмечало падение посещаемости молодыми людьми и детьми⁶¹³.

Духовенство Эстонии в целом активно следило за происходившими политическими событиями, священники просматривали выходящую антирелигиозную литературу, особенно, один из главных «рупоров» антицерковной пропаганды - журнал «Наука и религия». Некоторые священники даже оформляли на него подписку, чтобы своевременно обнаруживать провокационные статьи и реагировать на них. Капитонов докладывал, что при встречах с духовенством он старался пояснять, что отношение государства к Церкви измениться не может, поскольку определяется действующей конституцией, а усиление научно-атеистической пропаганды находится в русле в целом усиливающейся массово-политической, идеологической работы в духе

---

⁶¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 17.

⁶¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л.20-21.

⁶¹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 22.

⁶¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 23.

коммунистического воспитания, основанного на материалистических мировоззрениях⁶¹⁴.

Как говорилось выше, в Совете давно были информированы об излишней активности эстонского епископа Иоанна (Алексеева) в вопросах поддержки религиозной жизни епархии с одной стороны, и заметной пассивности, порой затягивании в реализации мер антицерковного характера – с другой. Это привело к инициированию кампании против архиерея. Именно в данный период внезапно стали появляться, а скорее всего, были инспирированы властями, жалобы на епископа Иоанна.

Данные предположения подтверждаются кроме вышеупомянутых проанализированных архивных источников также сведениями, полученными нами от члена Синода Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата, потомка епископа Иоанна (Алексеева), Сергея Георгиевича Мянника, который предоставил в наше распоряжение следующую информацию:

«Теперь по трудностям. Годы архиерейства владыки Иоанна приходятся на годы усиления давления на церковь. В 1959 году было снесено подворье Пюхтицкого монастыря в Таллине, готовилось закрытие самого монастыря, владыка несколько раз ездил в Москву по этим вопросам. Начались репрессии против духовенства, под различными предлогами отбирались справки о регистрации. Так протоиерей Михаил Рауд был вынужден уехать в Омскую епархию. Активность епископа Иоанна, который был очень популярен не только среди верующих, но и горожан-эстонцев, для которых он был еще и учителем, мешала властям. Уполномоченным была инспирирована на владыку жалоба: не служит на эстонских приходах, не проповедует на эстонском и т.д., которую подписали некоторые священники, уж под давлением или по своим причинам – теперь точно сказать очень трудно. От Патриарха Алексия (Симанского) власти категорически потребовали перевода епископа Иоанна на другую епархию.

---

⁶¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 27.

Владыку перевели в Горький, а на его место назначили протоиерея Алексея Ридигера. Про жалобу мне рассказывал покойный ныне митрополит Корнилий»⁶¹⁵.

Итак, 14 августа 1961 года епископ Иоанн (Алексеев) был назначен архиепископом Горьковским и Арзамасским. Кафедра являлась весьма значимой, и это обстоятельство вместе с возведением в сан архиепископа означало высокую оценку Патриархом деятельности эстонского архиерея. Для властей же, судя по имеющимся фактам, было важно поскорее убрать из Эстонии активного епископа. Партийные функционеры рассчитывали, что молодой и не успевший приобрести опыт епископ Алексей (Ридигер) не сможет так же активно и при этом дипломатично управлять епархией. Однако, время показало, что этот расчет себя не оправдал.

Переводом владыки Иоанна в Горький власти не добились ослабления деятельности эстонского духовенства, представители которого к этому моменту уже освоились с методами советской власти, научились жить и служить в новых условиях, понимали те границы, переступать которые опасно для вверенной им паствы, и также зная, в каких именно случаях закон позволяет выразить несогласие и оформить жалобу в связи с нарушениями.

3 сентября 1961 г. в кафедральном соборе благоверного князя Александра Невского в Таллине⁶¹⁶ состоялась хиротония архимандрита Алексея (Ридигера) в сан епископа Таллинского и Эстонского. Сразу же по завершении уполномоченный Я. Кантер сообщил епископу о планируемом закрытии Пюхтицкого монастыря. Видимо, опытный партийный функционер таким поступком рассчитывал сразу указать молодому архиерею, в каких условиях предстоит нести служение. Однако расчет не оправдался. Осторожничать епископ Алексей не стал. Речь шла об одном из немногих оставшихся открытыми монастырей в СССР и обители, которую сам епископ посещал еще ребенком с родителями. Времени было мало. Закрытие было запланировано на 1 октября того же года⁶¹⁷.

---

⁶¹⁵ Мянник С.Г. Письмо Непочатовой М.И. от 16 августа 2019 года.

⁶¹⁶ Алексей, *патр.* «Православие в Эстонии». С. 451-452.

⁶¹⁷ Там же. С. 452.

По распространенной в Совете практике его члены периодически приезжали с инспекцией в республики и области, проводили ревизию работы уполномоченного и составляли по результатам докладную записку в Совет. Летом 1961 г. с такой проверкой в Эстонию приехал член Совета М. Овчинников. Задачей данной инспекции была проверка выполнения Постановления Совета министров СССР от 16 марта 1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Совет министров Эстонии принял в соответствии с данным постановлением свое решение и разослал по республике. Также был разослан документ под названием «Порядок пользования инструкцией» после произошедшего инцидента, когда с подобным документом Совета министров в Пыльвеском районе Эстонии был ознакомлен лютеранский пастор⁶¹⁸.

Среди недостатков работы уполномоченного Капитонова ревизор отметил отсутствие плана работы по организации выполнения постановления и новой инструкции, а также недостаточный контроль за деятельностью духовенства. В вину уполномоченному вменялось также, что в республике широко распространены крещение детей, венчание и сбор пожертвований на дому у верующих, особенно активно и с нарушением установленных норм собираются деньги на ремонт храмов⁶¹⁹. Так, нарушения были выявлены при проведении ремонта в Казанском храме в Таллине: священник заявлял, что не знал о необходимости получения согласия органов власти на любой ремонт в храме.

Среди недоработок эстонского уполномоченного московский ревизор отмечал тот факт, что в общекладбищенских панихидах участвовали более сотни людей одновременно, служился общий молебен, по окончании которого священники по индивидуальным приглашениям верующих совершали панихиды на отдельных могилах. Эти факты, судя по всему, произвели на проверявшего сильное впечатление, что было вполне предсказуемо, поскольку в Центральной части СССР подобное было в тот период невозможно. По мнению ревизора,

---

⁶¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1 Д. 1928. Л.36.

⁶¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1 Д. 1928. Л. 37.

должных мер по ограничению подобных массовых религиозных мероприятий в Эстонии не проводилось⁶²⁰.

Вместе с тем, как отмечалось в отчете проверявшего, в тот период около 45 приходов находились в республике в стадии «затухания» и каждое появление там священника вносило некоторое оживление, в связи с чем по мнению инспектора Совета также необходимо было бы принять меры, чтобы предотвратить возрождение таких приходов. Ревизор отмечал также, что в республике выделялись слишком большие суммы на содержание церковных хоров (37-39 тыс. рублей в год), а уполномоченный не уделял этому факту подобающего внимания.

Основной вывод проверявшего сводился к тому, что «упорядочивания церковной сети» в Эстонии, в отличие от других республик и областей, должным образом не проводилось. Как следствие, за 4 года, по данным проверявшего, было снято с регистрации только 1 религиозное общество и 5 церковных зданий. Причина, по мнению М. Овчинникова, крылась «во вредной концепции противовеса», которой придерживались руководители эстонской республики и уполномоченный Капитонов, суть которой состояла в том, что в Эстонии православие находилось в плотном окружении лютеранства и других деноминаций, и потому православные приходы не должны были сокращаться во избежание излишнего укрепления позиций лютеранства. Проверивший резко осудил такую концепцию как сдерживающую борьбу с «религиозными пережитками». Очевидно, что ревизор, не знакомый с весьма специфической религиозной ситуацией в Прибалтике, которая менее 20 лет назад вошла в состав СССР, с негодованием наблюдал происходившие в Эстонии события: колоссальное количество приходов для маленькой республики, несущественный процент закрытых в минувшие годы храмов, общекладбищенские панихиды и т.д. На основании выводов проверяющего был намечен план дальнейшей работы.

В плане работы уполномоченного на 1961 год предусматривалось закрытие 11 церквей (список мы приводили выше). Проверка показала, что службы там либо

---

⁶²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1928. Л. 38.

вовсе не проводились, либо проходили всего 1-2 раза в год. При этом порядка 45 общин показывали доходность менее 100 рублей, что, по мнению ревизора, позволяло считать их затухающими⁶²¹. До 1961 г. эти общины поддерживались за счет дотаций Патриархии, выделявшей на эти цели 30436 рублей. Отмечалось «излишнее» число церквей в Таллине, около 20 часовен, «разбросанных» по республике, в которых, как отдельно отмечалось, «круглые сутки горят свечи», а на стенах установлены мемориальные доски, извещающие прохожих о постройке их в годы царствования императора Николая II и т.п.⁶²².

Вывод проверявшего был таков: уполномоченный работает неэффективно, работа с учетом новых требований по сути не перестроена, «крайне медленно» проводит работу по выполнению Постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. и новой инструкции, сообщения уполномоченного в отчете за 1961 г. об отсутствии нарушений законодательства о культах не соответствуют действительности, уполномоченный «по сути смирился с тем, что религиозные обряды проводятся на дому у верующих, ремонты религиозных зданий проводятся без разрешения властей» и т.д. Капитонов «занимается крючкотворством, <...> не старается изыскать путей по резкому ограничению деятельности духовенства в рамках законности»⁶²³. В контексте сделанных выводов М. Овчинников предложил заслушать Капитонова на Совете, однако, тот был стремительно снят с должности, и заслушивать его посчитали нецелесообразным, о чем имеются соответствующие отметки в материалах дела.

Вместо Капитонова уполномоченным Совета по Эстонии тогда стал Кантер Ян Самойлович, эстонец, выросший в Казахстане, получивший высшее образование в Партийной школе, всем в своей жизни обязанный партии, членом которой являлся с 1943 г., он был убежденным атеистом. Назначение именно такого человека на должность эстонского уполномоченного было закономерным в контексте данного периода государственно-церковных отношений. Куроедов

---

⁶²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1 Д. 1928. Л. 40.

⁶²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1 Д. 1928. Л. 41.

⁶²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1 Д. 1928. Л. 41.

возглавил Совет, Кантер был назначен эстонским уполномоченным и активно взялся за работу⁶²⁴.

Одним из наиболее болезненных для Церкви решений, принятых властями в начале 1960-х годов, стал новый порядок оплаты труда священнослужителей. Партийным функционерам давно не давал покоя тот факт, что получение вознаграждений за требы, получаемые священниками, властям не удается взять под контроль. И вот в 1962 г. были приняты соответствующие резолюции и изданы инструкции по реализации этих нововведений. В инструкционном письме от 5 февраля 1962 г. Куроедов указывал на необходимость установления такого порядка, чтобы каждая треба совершалась только при наличии определенного документа (квитанции), выдаваемого церковными органами, в котором бы отмечалось, от кого получены деньги на совершение требы с указанием его домашнего адреса⁶²⁵. Наличие квитанционных книжек давало возможность уполномоченным Совета и работникам райисполкомов использовать содержащиеся в них данные. Поскольку уполномоченные и иные сотрудники Совета при общении с духовенством старательно убеждали священнослужителей, что все проводимые меры не направлены на ослабление Церкви, то и в данном случае в инструкции был приведен аргумент, которым предписывалось сопровождать информирование духовенства о введении квитанционных книжек. В качестве официальной версии предлагалось пояснять духовенству, что эта мера необходима для наведения должного порядка во взимании подоходного налога, что в свою очередь якобы устранил недоразумения, возникающие по этому вопросу на местах. В действительности же эта инициатива имела целью сокращение доходов священнослужителей.

12 июня 1962 г. ЦК компартии Эстонии выпустил постановление «О мерах по улучшению научно-атеистической пропаганды в республике»⁶²⁶.

---

⁶²⁴ О первых шагах Я. Кантера: *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 452-453.

⁶²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1941. Л. 1-4.

⁶²⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 4.

Согласно отчету нового уполномоченного по Эстонии Я.С. Кантера, за 1961 г. было снято с регистрации всего одно православное общество и закрыта находившаяся в его пользовании церковь в деревне Суйсиена Вильяндиского района⁶²⁷. На 1 января 1962 г. в республике было 111 религиозных православных обществ, пользовавшихся 118 молитвенными зданиями, из которых было 111 основных и 7 приписных. 35 были расположены в городах, 7 – в рабочих и других поселках, 76 – в сельской местности. Каменных и кирпичных церковных зданий было 84, деревянных – 34. Регулярно службы проводились лишь в 41 церкви, 1-2 раза в месяц – в 20, в 45 церквях – 3-5 раз в течение года, в 12 церковные службы не проводились в течение года и более.

В составе духовенства за 1961 г. произошли следующие изменения: настоятель Александро-Невского Таллинского кафедрального собора Алексей Михайлович Ридигер был рукоположен во епископа Таллинского и Эстонского⁶²⁸. В республике служили 52 священника в церквях и 1 - в монастыре, 6 диаконов и 13 псаломщиков⁶²⁹. Были уволены за штат за истекший год священник Я.Ф. Ремберг, игумен Лазарь (Сарв) и диакон С.И. Подекрат.

Количество церковных служб в республике постепенно незначительно снижалось, начиная с 1959 г., и в 1961 г. было проведено 7280 вместо 7862 в 1960⁶³⁰.

Посещаемость в большие праздники, например Рождественские, также незначительно, но снизилась в 1962 г. по сравнению с 1961 г. (9449 и 10 362 соответственно)⁶³¹.

Многие священники жаловались в Епархиальное управление на снижение посещаемости, лишь некоторые сообщали о незначительном увеличении посещаемости в 1962 г. Так, священник Ф. Блейве сообщал, что на проводимой им в сельской церкви местечка Вяйке-Ляхтру Хаапсалусского района службе в праздник Крещения было 30 человек, в то время как в предыдущий год лишь

---

⁶²⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 59.

⁶²⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 60.

⁶²⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 61.

⁶³⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 63.

⁶³¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 64.

половина от этого числа. Он также отмечал, что перешедший было к адвентистам председатель церковного совета вновь пришел в церковь.

Настоятель Воскресенского собора г. Нарва протоиерей Э. Андре сообщал Епархиальному управлению, что число посетивших храм в Рождественские праздники увеличилось по причине заселения во второй половине 1961 г. целых кварталов новых многоэтажных домов вокруг здания храма⁶³².

Продолжало снижаться число кладбищенских праздников и их участников. Так, согласно официальной статистике, число участников в 1960 г. - 28500, в 1961 г. – 16600.

В 1961 г. уменьшилось и число церковных обрядов: крещений 2698 – в 1960 г. и 2052 – в 1961 г., венчаний 170 и 123 соответственно, церковных похорон - 1276 и 1032. Процент актов гражданского состояния, проведенных по церковному обряду: крещений – 28,7 %, венчаний – 8,1%, отпеваний – 58%⁶³³.

По республике самый высокий процент соблюдения церковных обрядов в тот период отмечался в районе города Кохтла-Ярве, т.е в крупном промышленном районе республики, где осуществлялась добыча и переработка горючих сланцев. Из сельских районов – в Пыльваском, в основном - за счет обитавших там причудских жителей. Также высока была посещаемость на острове Сааремаа, где располагалось много приходов. Уполномоченный Я. Кантер поставил задачу добиться сокращения числа приходов на острове.

Незначительно, но снизилась доходность приходов в 1961 году (годовой доход в 1960 – 247 810 руб., в 1961 – 238 250)⁶³⁴.

Отмечая тот факт, что в некоторых приходах священники все еще руководят финансовой деятельностью, уполномоченный отдельно отмечал нарушения в кафедральном Александро-Невском соборе. Так, у собора имелись подвальные помещения площадью около 190 квадратных метров, которые с 1 апреля 1946 г. были сданы в наем Таллинской государственной публичной библиотеке под

---

⁶³² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 66.

⁶³³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 68.

⁶³⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 70.

книгохранилище по цене 63 копейки за квадратный метр в месяц. Кроме того, библиотека платила служащему собора за уборку подвальных помещений и оплачивала 10 процентов по счетам за электричество, причем по повышенной ставке, которая была установлена государством для религиозных организаций. Уполномоченный стремился положить конец ситуации, когда государственная организация взяла в аренду помещение у религиозной, получившей его от государства бесплатно. В своих выводах он совершенно не учитывал того, что храм был некогда построен на деньги верующих, Церкви и царского правительства, а советское государство присвоило как это, так и все остальные церковные здания в стране. В результате было решено отдать церковные подвальные помещения библиотеке по соответствующему решению горисполкома⁶³⁵.

По совокупности мероприятий, которые активно проводились в стране и были направлены на подрыв экономики приходов, финансовой обеспеченности духовенства, авторитета священнослужителей, 1962 г. можно считать кульминацией периода хрущевских гонений на Церковь. Лозунги о невозможности мирного сосуществования марксистской идеологии и религиозной, заявление Куроедова, обращенное к Московской Патриархии от 31 марта 1961 года о необходимости проведения «церковной реформы» с целью изменения принципов управления, принятие документа от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах» - все это демонстрировало новые реалии в отношениях Церкви и государства.

Заметным событием в череде мероприятий по ослаблению Церкви явилось Всесоюзное совещание уполномоченных Совета 25-30 июня 1963 г. От Эстонской ССР присутствовал уполномоченный Я.С. Кантер⁶³⁶. Ввиду того, что одной из главных тем совещания были вопросы агитации и пропаганды, на мероприятие были приглашены представитель Главлита при Совмине В.С. Головань, заместитель главного редактора журнала "Наука и религия", основного рупора в

---

⁶³⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 73-74.

⁶³⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2039. Л.2.

борьбе с влиянием Церкви, Б.Т. Григорьян, заместитель председателя правления Всесоюзного общества "Знание" Д. Сидоров.

С основным докладом «О задачах Совета и его уполномоченных в свете решений июньского пленума ЦК КПСС» выступил председатель Совета В.А. Куроедов. Анализируя основные тезисы докладов, можно выделить несколько аспектов, на которые была направлена деятельность Совета в этот период: вопросы соблюдения законодательства о культах и связанные с этим нарушения с обеих сторон, «приспособленческая деятельность религиозных организаций» (эта новая, и весьма важная для Совета тема достаточно активно освещалась докладчиками на различных примерах и явно считалась наиболее актуальной), контроль за проповеднической деятельностью духовенства. Последний аспект новым не являлся, в течение всего рассматриваемого нами периода он постоянно находился под пристальным вниманием членов Совета и уполномоченных. Ряд докладов был посвящен перестройке управления религиозными организациями, а именно, новым правилам ведения финансово-хозяйственной деятельности (перевод духовенства на твердые оклады, введение учета оплаты религиозной обрядности), борьба с религиозным влиянием на подростков и детей, опыт работы в различных областях и республиках по «отвлечению населения от исполнения религиозных обрядов путем внедрения гражданской обрядности».

Также в программе совещания был ряд лекций на темы «коммунизм и религия», «религия и современное естествознание», «о работе журнала "Наука и религия"». Данный аспект также был весьма актуален в начале 1960-х. В связи с полетом Ю. Гагарина в космос и другими успехами СССР в космической и научных областях, Совет и ответственные за антирелигиозную агитацию сотрудники использовали данные науки для более эффективной, как им казалось, борьбы с религией. Большое внимание уделялось работе общества «Знание», которое пришло на смену «союзам безбожников», и теперь в менее одиозном ключе, под видом просвещения населения, активно включилось в антицерковную пропаганду.

Применительно к теме взаимоотношений духовенства и интеллигенции в одном из докладов уполномоченных в качестве негативного с точки зрения властей

примеров сообщалось о деятельности священника Михаила Гундяева из Красного села, который «собрал вокруг себя не только религиозных фанатиков, но и представителей интеллигенции, с которыми встречается на квартирах и через которых ведет агитацию» среди их родственников и знакомых⁶³⁷. Среди лиц, «религиозную обработку» которых проводил священник Михаил Гундяев, были названы бывший доцент Ленинградского Горного института Кудьюгин, ставший впоследствии священником, Касаткин, закончивший два учебных заведения, юрист Евдокимов и другие. Священник Михаил Гундяев был отцом будущего Святейшего Патриарха Кирилла.

Отмечались конкретные успехи в ослаблении финансово-экономической основы церковной деятельности, однако, докладчики отмечали негативный факт бесконтрольности епископов и Патриархии для властей, в то время как именно туда, по их мнению, стекались большие суммы денег верующих.

Среди первых активных антицерковных мероприятий, проводимых новым главой Совета Куредовым, стало активное внедрение гражданской обрядности, призванной заменить церковную. Совет направил в ЦК свои предложения по данному вопросу в документе, озаглавленном «О мерах по снижению религиозных обрядов»⁶³⁸. В качестве первоочередных мер было намечено коренное улучшение работы ЗАГСов, их оформление, оборудование, с целью придания обрядам большей торжественности⁶³⁹. В рамках этой кампании 3 сентября 1962 года за подписью Куредова всем уполномоченным Совета был разослан документ, обязывавший их принять личное участие в разработке областными организациями мероприятий по внедрению гражданской обрядности, связанной с рождением, бракосочетанием, 25- и 50-летием супружеской жизни, а также похоронами и другими событиями⁶⁴⁰. На Всесоюзном Совещании уполномоченные делились опытом внедрения гражданской обрядности, которая должна была заменить

---

⁶³⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2039. Л. 37.

⁶³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 134.

⁶³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 135.

⁶⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1941. Л. 20.

церковную или хотя бы отвлечь население от религиозных обрядов⁶⁴¹. Отмечалась важная роль открытия Дворцов бракосочетаний, особенно крупных городах. Уполномоченный по Эстонии Я.С. Кантер, выступая на этом совещании с докладом, уделил основное внимание вопросу внедрения гражданских обрядов «в противовес» церковным⁶⁴². Он доложил, что в Эстонии в этом направлении сделано следующее: проводятся «гражданские кладбищенские дни памяти умерших» с целью отвлечения от весьма популярных у эстонцев церковных дней поминовения. Кантер отметил динамику замещения церковных дней поминовения усопших гражданскими днями памяти. Согласно статистике эстонского уполномоченного, церковных кладбищенских дней и участвующих в них было соответственно: в 1958 г. – 119 служб, 45 500 участников; в 1959 – 112, 32 000; в 1960 году – 103, 28 500; в 1961 – 74, 16 600; в 1962 – 69 служб и 14 600 участников.

Подготовкой и проведением «гражданских кладбищенских дней» занимались партийные и советские организации, прежде всего, в крупных городах республики. Через радио и местную печать население информировали о таких днях, на самих мероприятиях выступали деятели искусства, режиссеры, писатели, художники, пели хоры, певцы, выступали оркестры. Так, по статистике уполномоченного, в минувшем году в Таллине на гражданских кладбищенских днях присутствовало 22 тысячи человек, а на церковных – 300 человек⁶⁴³. Последняя цифра кажется сильно заниженной, но в любом случае, нельзя не отметить ту активность, с которой власти стали стремительно насаждать новую гражданскую поминальную обрядность среди населения, и сколь серьезные ресурсы для этого были задействованы.

Второй проблемой Эстонии была названа традиция конфирмаций. Взамен этого важнейшего для молодых эстонцев обряда и общеприходского праздника советские и партийные организации республики стали проводить Летние дни молодежи. Это были своего рода летние лагеря, куда молодые люди приезжали на

---

⁶⁴¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2039. Л. 89.

⁶⁴² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2039. Л. 169.

⁶⁴³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2039. Л. 170.

несколько дней. Была предусмотрена культурная, спортивная программы, лекции, экскурсии. Эстонским композиторами было даже заказано написание песен для таких мероприятий. В течение этих дней песни исполнялись участниками. Расчет властей оправдался: молодые люди были заинтересованы в столь интересных и насыщенных программах, которые власти сознательно проводили в течение нескольких дней, чтобы на фоне этих масштабных событий день церковной конфирмации, состоявший обычно из церковной службы и небогатого застолья, проводимого силами прихода, выглядел весьма скромно, тихо и не столь привлекательно для молодежи.

Полученные из архивных документов сведения позволяют судить о том, что советские организации не жалели ни сил, ни средств, причем средств немалых, на проведение и внедрение светской обрядности. Партийные функционеры справедливо отдавали себе отчет в том, что участие в церковных обрядах принимают порой даже невоцерковленные люди. Таким образом, проявлялась сила традиции, генетической памяти, которую партия всячески старалась стереть в сознании граждан, не скупясь на любые средства.

Приведенная Я. Кантором статистика участия молодежи в Летних днях впечатляла: 5200 человек участвовали в предыдущем году в Днях молодежи, в конфирмации - 1590 человек⁶⁴⁴. Даже если допустить, что цифры не вполне точны, по затраченным средствам и ресурсам можно судить о размахе и, соответственно, о популярности мероприятия.

Однако, с обрядом отпевания, как отмечал в докладе эстонский уполномоченный, ситуация оставалась на прежнем уровне. Именно «церковные похороны», по его мнению, оставались в республике тем обрядом, сократить востребованность которого властям не удавалось. Статистика неумолимо оставалась на уровне шестилетней давности. Пытаясь анализировать причины, Кантер говорил о том, что умирающие часто завещали родственникам похоронить их по церковному обряду, а желание покойного родные нарушать не осмеливались.

---

⁶⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2039. Л. 171.

Но власти не намеревались сохранить существующий порядок дел. В Эстонии было создано около 200 местных комиссий по внедрению гражданских обрядов, работу которых предлагалось интенсифицировать, чтобы обеспечить проведение гражданских похорон не только в городах, но и в селах. Взамен церковных песнопений сочинялись даже специальные похоронные песни⁶⁴⁵. Было дано распоряжение создать соответствующую инфраструктуру для проведения гражданских панихид.

В документе Совета от 8 декабря 1962 г., озаглавленном "О некоторых вопросах работы уполномоченных по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах", и предназначенном для рассылки всем уполномоченным на местах, опыт Эстонии и Латвии в этом вопросе приводился в качестве положительного примера⁶⁴⁶. С одобрением отмечались мероприятия по замене церковной обрядности на светскую, а именно - "гражданские дни памяти умерших", представлявшие собой траурные митинги на кладбищах, сопровождавшиеся выступлениями представителей общественных организаций, музыкантов, хоровых коллективов⁶⁴⁷.

Среди прочих мер по введению гражданской обрядности власти Эстонии намеревались проводить также торжественную выдачу паспортов молодежи. Уполномоченный Кантер сформулировал основную задачу на предстоящее время: с помощью увеличения и улучшения проведения гражданских обрядов добиться уменьшения проведения церковных⁶⁴⁸.

Власти усмотрели непосредственную связь между сохранявшимися популярностью религиозными обрядами и системой оплаты труда церковнослужителей, и разработали план мер по понижению материальной стимуляции духовенства при проведении треб и обрядов. Совет предложил перестроить систему оплаты таким образом, чтобы она «парализовала материальные стимулы к увеличению обрядности», т.е. в 1962 г. перевести

---

⁶⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2039. Л. 172-173.

⁶⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1941. Л. 47

⁶⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1941. Л. 47.

⁶⁴⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2039. Л. 173.

священнослужителей с доходов от треб на постоянные твердые оклады⁶⁴⁹. Официальная версия была сформулирована так: устранение недоразумения между священнослужителями и местными финансовыми органами в начислении подоходного налога⁶⁵⁰.

Характеризуя в целом ситуацию за 1961 г. - первую половину 1962 г. Кантер отмечал, что несмотря на принятые меры, священники иногда продолжали руководить религиозными обществами, что обнаруживалось, в частности, при проведении летних кладбищенских служб. Так, на острове Сааремаа, священник Я. Ярвесаалу обратился в исполком за разрешением ему провести кладбищенские службы «в подчиненных ему приходах», прилагался и перечень этих приходов. С аналогичным заявлением обратились в соответствующие органы священники И. Хийет, И. Кукк, В. Вяйнлоо⁶⁵¹. Уполномоченный докладывал, что посоветовал рай- и горисполкомам такие заявления вовсе не рассматривать, только если с ними обратился исполнительный орган религиозного общества. О новом порядке было сообщено Епархиальному управлению.

4 апреля 1962 г. Таллин посетили секретари посольств США и Японии в Москве. Не заходя в Епархиальное управление или в исполнительный орган религиозного общества, они посетили Александро-Невский кафедральный собор, когда в нем не было службы. Согласно отчету, сторож собора И.А. Грабов «без предварительного сообщения исполнительному органу или священнику впустил этих посетителей в церковь, даже не поинтересовавшись, кто они». Уполномоченный беседовал по этому вопросу с епископом, с исполняющим обязанности настоятеля собора, с членами Епархиального совета и настаивал на том, чтобы впредь без разрешения исполнительного органа или священника не впускать в церкви неизвестных лиц, когда не происходят богослужения.

27 февраля 1962 г. Епархиальное управление циркулярным письмом сообщило о переводе духовенства с доходов на твердые оклады, о введении

---

⁶⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 136.

⁶⁵⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 136.

⁶⁵¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 1-3.

квитанционных книжек с указанием данных заказчика⁶⁵², и о выдаче квитанций за заказываемые требы.

В рамках постановления ЦК компартии Эстонии от 12 июня 1962 г. "О мерах по улучшению научно-атеистической пропаганды в республике"⁶⁵³ партийным, комсомольским и профсоюзным организациям было рекомендовано широко внедрять новые гражданские обряды и традиции⁶⁵⁴.

Другим важнейшим вопросом бытия Церкви и ее взаимодействия с государственными структурами в этот период было участие Церкви в деле борьбы за мир. Выше уже говорилось о том, сколь значимую роль этот аспект сыграл в церковной жизни конца 1950-х – начала 1960-х гг., как неожиданным образом инициатива властей, направленная на реализацию своих внешнеполитических задач, стала одним из факторов стабильности в отношениях государства и Церкви. Власти планировали использовать зарубежные связи и влияние Русской Православной Церкви для того, чтобы ослабить международную напряженность, оттянуть возможность новой войны, заручиться поддержкой незаинтересованных в новой войне стран, усилить международное влияние Советского Союза, укрепить имидж СССР как государства, в котором нет места гонениям за веру.

Однако, подобные инициативы власти привели к тому, что этот фактор руководство Русской Православной Церкви стремилось использовать в интересах Церкви. Среди иерархов было достаточно людей, которые прекрасно понимали истинные намерения власти. Именно благодаря налаженным контактам с западными церковными деятелями жизнь Русской Церкви была приоткрыта для иностранных церковных деятелей и безоглядно закрывать монастыри и храмы становилось для властей более сложной задачей. Во всяком случае советскому руководству в эпоху закрытия монастырей и храмов нужно было продолжать демонстрировать действующие приходы и обители. И Прибалтика стала прекрасным плацдармом для проведения показательных мероприятий. Прежде

---

⁶⁵² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 137.

⁶⁵³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 4.

⁶⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л.5.

всего благодаря международным встречам, проводимым на территории Пюхтицкого монастыря, епископу Алексию (Ридигеру) удалось не допустить закрытия и разорения обители.

В начале 1960-х гг. власти стремились использовать возможности Церкви для налаживания контактов с лютеранскими странами в целях совместного участия в деле борьбы за мир. В католическом мире слишком тотальным было влияние Ватикана, совершенно несвободного в своей международной политике, потому советское правительство ориентировалось в большей степени на лютеранские организации. Так, в «Плане внешнеполитических мероприятий» Совета, согласованном с МИД СССР указывалось, что в свете решений XXII съезда партии и требований новой программы КПСС необходимо вести линию на сотрудничество всех сил, борющихся против войны, и в связи с этим Совет ставит задачей расширить и активизировать внешнюю деятельность РПЦ в борьбе за мир и разоружение. Комплекс включал ряд направлений деятельности: развитие Пражского христианского движения в защиту мира, участие в работе Всемирного Совета Церквей, развитие контактов с протестантскими церквями капиталистических стран, активизация деятельности загранучреждений Московского Патриархата и т.д.⁶⁵⁵ Указывалось на необходимость пригласить в СССР делегации для «привлечения протестантских церквей к сотрудничеству в борьбе за мир». В списке церквей были: Англиканская, во главе с архиепископом Кентерберийским, национальный Совет Церквей Христа в США, Объединенная церковь Канады, Евангелическая Церковь Германии (ФРГ), Реформатская Церковь Франции, лютеранская Церковь Финляндии, союз протестантских церквей Австралии, протестантских Церквей Африки⁶⁵⁶. Ставилась задача обеспечить активное участие представителей Московской Патриархии в деятельности Европейской конференции церквей. Также среди необходимых мер значились: прием иностранных церковных организаций в СССР, организация богословской школы при экзархате в Париже с целью подготовки духовенства для приходов в

⁶⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 3-8.

⁶⁵⁶ РГАНИ, Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 8. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1942. Л. 26.

Европе и Америке. В рамках мероприятий по «разоблачению антисоветской пропаганды за рубежом» предполагалось обеспечить возможность выступлений русского духовенства на различных авторитетных мероприятиях. подготовить книги и фильмы о Русской Православной Церкви, обеспечить публикацию негативных рецензий на недавно изданную в Англии книгу «Религия в СССР»⁶⁵⁷. В контексте этих мероприятий архиепископ Евангелически-лютеранской церкви Эстонии Я.Я. Кийвит был включен в состав делегаций для участия в работе Всемирного Совета Церквей и других международных мероприятий по борьбе за мир⁶⁵⁸.

Что касается положения Церкви в стране в период резкого усиления антицерковной пропаганды, то, судя по документам Совета 1961 – 1963 гг., его сотрудников беспокоила так называемая «приспособленческая деятельность» духовенства. Приводились примеры того, каким образом духовенство «приспособливается» к условиям существования в рамках советского государства, в частности, как упрощаются церковные обряды для облегчения восприятия со стороны невоцерковленных людей, участвующих в их проведении. Так, вместо погружательного крещения часто стали использовать обливательное, ввели практику заочных отпеваний, практику общей исповеди. В проповедях священников чиновники также усматривали "приспособленчество». В частности, когда духовенство касалось вопросов науки и достижений прогресса, давая им богословскую оценку. В качестве одного из ярких примеров приведен отрывок из Рождественского послания 1961 г. Патриарха Алексия I: «Все земные блага, открытия и достижения, которыми так богат мир земной, - ведь это все, независимо от того, признаем ли мы или не хотим признать, - действие этой Божественной силы и любви к людям». Прежде чем послание было прочитано, Совет настоял на изменении некоторых формулировок, и «на места» оно ушло в другой редакции⁶⁵⁹.

⁶⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1942. Л. 28.

⁶⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1942. Л. 52.

⁶⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1942. Л. 238.

Для обсуждения таких случаев партийные функционеры изобрели специальный термин «идеологическое приспособленчество» - стремление священников отвечать на волновавшие прихожан вопросы относительно научных достижений и освоения космоса в духе православного вероучения. Как одно из проявлений «идеологического приспособленчества» воспринимались рассуждения духовенства о точках соприкосновения идей социализма и коммунизма с христианством⁶⁶⁰. Даже участие Церкви в борьбе за мир порой трактовалось как «приспособленчество»⁶⁶¹. Куроедов в документе от 19 ноября 1962 г., посвященном проблеме «приспособленчества» призывал к его «всемерному изучению» для эффективной борьбы "с этим вредоносным явлением" и пресечения таких тенденций⁶⁶².

4.2. Первые шаги епископа Таллинского и Эстонского Алексия (Ридигера)

Как было сказано выше, 3 сентября 1961 г. состоялась епископская хиротония Владыки Алексия (Ридигера), и с первых дней архиерей был поставлен в крайне тяжелое положение принятым еще летом 1961 года решением о закрытии Пюхтицкого монастыря и еще 36 «нерентабельных» храмов Эстонии. «Я и представить себе не мог масштабов надвигающейся беды», - вспоминал Святейший Алексий II. Решение по Пюхтицам было уже принято, и в этой критической ситуации единственное, о чем можно было попытаться договориться с уполномоченным Кантером – об отсрочке его реализации. Аргументируя это тем, что никто в епархии не станет слушать и уважать архиерея, служение которого

---

⁶⁶⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1942. Л.238.

⁶⁶¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1942. Л. 232.

⁶⁶² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1942. Л. 257.

началось с катастрофических событий для эстонского православия, епископ закономерно рассчитывал, что уполномоченный лично заинтересован как раз в обратном – чтобы взаимодействующий с ним епископ имел влияние в епархии. Этот расчет оправдался. Реализация принятого решения была отсрочена. Патриарх Алексей II впоследствии вспоминал: «Церковь в Эстонии получила небольшую передышку, но самое главное было впереди – надо было оградить монастырь и храмы от посягательств властей»⁶⁶³.

Напомним, что за 1961 год по имеющимся данным была снята с регистрации лишь одна церковь в Эстонии – в деревне Суйслепа района Вильянди⁶⁶⁴.

В июле 1962 г. уполномоченный Кантер докладывал в Совет о том, что несмотря на принятые Советом меры по передаче финансово-хозяйственных дел религиозных обществ от «служителей культа исполнительным органам» фактически нарушения вскрываются достаточно часто, например, при проведении летних кладбищенских служб. Так, в случае обращения священника в городской или районный исполком за разрешением на проведение служб или молебнов во вверенных ему приходах, как сообщал Кантер, он рекомендовал таких разрешений не выдавать вплоть до официального обращения со стороны исполнительного органа⁶⁶⁵. «Священник И. Кукк держал у себя штампель религиозного общества», – сообщал Кантер в Совет. «Священник В. Блейве держал у себя дела и документы религиозного общества. Поэтому, видимо, предстоит увольнение его за штат», – рапортовал уполномоченный в Москву.

Бывали и случаи нарушения законодательства со стороны властей, на которые уполномоченному приходилось реагировать. Так, председатель Ямского сельсовета Кохтла-Ярве А.И. Розе пытался запретить колокольный звон, угрожая обращением к прокурору и закрытием церкви. Чиновник был призван к ответу после письма уполномоченного⁶⁶⁶.

---

⁶⁶³ Алексей II, *Патр.* Православие в Эстонии. С. 452.

⁶⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 59.

⁶⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 1-2.

⁶⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 1-2.

Уполномоченный активно ездил по республике и регулярно выступал на семинарах для партийных и хозяйственных руководителей, говоря об антирелигиозной пропаганде и идеологической сущности религии. Кантер обозначал в качестве цели такой работы – «сокращение сети церквей и сужение сферы деятельности церковников»⁶⁶⁷.

Продолжалось усиление атеистической пропаганды. В соответствующем ЦК компартии Эстонии была создана комиссия по научно-атеистической пропаганде в составе 17 человек, в состав которой вошли представители партийных, профсоюзных организаций, Академии наук республики, Министерства культуры, Министерства просвещения, Общества по распространению политических и научных знаний, Министерства здравоохранения и Центрального комитета комсомола республики⁶⁶⁸. Цель комиссии состояла в координации научно-атеистической работы в Эстонии. Судя по составу ее участников, представлявших столь различные ведомства и организации, можно сделать вывод, что данная комиссия должна была одновременно по всем направлениям вести борьбу с Церковью и ее влиянием в обществе. Конкретных инструкций по работе комиссии в материалах ГАРФ обнаружить не удалось, что понятно. Подобные методы шли вразрез с законодательством и подобный документ должен был быть либо максимально засекречен, либо мог вовсе не существовать. Вполне вероятно, что конкретные планы могли быть озвучены на совещаниях, дабы максимально избежать огласки. В документе сформулированы лишь самые общие цели: координация, обобщение опыта, подготовка кадров атеистов, организация соответствующих нештатных секторов антирелигиозной работы при местных партийных органах⁶⁶⁹. Было рекомендовано дальнейшее активное внедрение гражданской обрядности взамен церковной.

Итак, исходя из общего направления антирелигиозной работы в начале 1960-х годов и из состава конкретной комиссии можно отметить следующие

---

⁶⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 4.

⁶⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 4.

⁶⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2027. Л. 4-5.

направления ее деятельности. Каждому ведомству ставилась задача выявлять нарушения законодательства религиозными организациями и духовенством, фиксировать риски и опасности для физического и нравственного здоровья, наносимый гражданам при соблюдении церковных обрядов (для этих целей привлекались министерства здравоохранения и просвещения), научно обосновывать критику религиозных догматов и обрядов, вести целенаправленную просветительскую деятельность антирелигиозного толка, проводить массовые спортивные и культурные мероприятия среди молодежи с целью отвлечения молодых от церковной жизни, добиваться максимального распространения гражданской обрядности, популяризации ее с целью полного вытеснения церковной.

«Атеистическая власть понимала и принимала во внимание только политические аргументы, - писал Патриарх Алексей II, - <...> наиболее действенным часто было положительное упоминание той или иной обители или храма в иностранной печати"⁶⁷⁰. В начале мая 1962 г. в Пюхтицкий монастырь прибыла первая делегация Евангелически-лютеранской Церкви ГДР из 18 человек. После возвращения они опубликовали статью с фотографиями обители в немецкой газете. Затем в монастырь привезли делегацию из Франции, представителей Христианской мирной конференции, Всемирного совета церквей⁶⁷¹. Около года, то есть до середины 1963 г., по воспоминаниям Патриарха, опасность закрытия Пюхтицкой обители еще сохранялась.

У властей были и другие планы антицерковных мероприятий. 12 мая 1962 г. в день похорон священника Михаила Ридигера, отца епископа Алексея, уполномоченный Ян Кантер сообщил иерарху, что молодежь Эстонии решила переоборудовать кафедральный собор в планетарий, и это является достаточным основанием для его закрытия и присвоения статуса кафедрального собора другой таллинской церкви. Епископ попросил уполномоченного не закрывать храм до

---

⁶⁷⁰ *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 453.

⁶⁷¹ Там же.

Троицы, а сам стал готовить материалы в защиту собора⁶⁷². Главным аргументом и в этом случае стал политический. В 1944 г. фашисты, отступая из Таллина, решили сбросить с колокольни собора колокола, и один, падая, разбил паперть церкви. Теперь советская власть, как оказалось, намеревалась продолжить начатое врагом дело. Видимо, важным оказался и аргумент, что на фотомонтаже видов Таллина без собора он смотрелся как европейский, западный город, каким он и выглядел до строительства доминирующего на фоне панорамы старого города православного храма. Вскоре уполномоченный сообщил епископу, что вопрос более не обсуждается и «идти на поводу у молодежи» никто не будет⁶⁷³.

Были сохранены и монастырь, и кафедральный собор. Несколько небольших сельских приходов были сняты с регистрации, однако их число было заметно меньше, чем то, что изначально предполагали местные власти. Также один из старинных храмов Таллина был спасен от разрушения в первые годы епископства владыки Алексия. Самое древнее деревянное сохранившееся строение города – Казанский храм – было решено снести для строительства новой городской трассы. В этом вопросе архиерей пошел другим путем – апеллировал к исторической ценности строения 1721 года, приложил усилия для публикации статьи о храме в журнале «Архитектура», после чего разрушить церковь власти уже не решились⁶⁷⁴.

После того, как угроза закрытия Пюхтицкого монастыря миновала, епископ Алексей стал помогать обители в решении хозяйственных вопросов. В тот период (1962-1963 годы) в Пюхтицах подвизались 107 насельниц, из них 48 монахинь и 59 послушниц. Возглавляла монастырь игуменья Ангелина (Афанасьева). Находясь в преклонном возрасте, она с трудом несла свое непростое служение. Епископ Алексей стал подыскивать кандидатуры на пост настоятельницы. В 1963 г. две монахини Виленского монастыря были приглашены на собеседование в Москву. Одна из них, монахиня Варвара, в миру – Валентина Трофимова, поступила в Пюхтицкий монастырь в 1952 году. С 1955 по 1967 проходила монастырские

---

⁶⁷² *Алексий II, Патр.* Православие в Эстонии. С. 454.

⁶⁷³ *Там же.* С. 454-455.

⁶⁷⁴ *Там же.* С. 455.

послушания в Виленском Марие-Магдалининском женском монастыре, была также секретарем канцелярии Виленского епархиального управления. В марте 1958 приняла монашеский постриг⁶⁷⁵. В 1968 году стала настоятельницей Пюхтицкой обители, игуменьей Варварой.

Статистика заключительного периода, рассмотренного нами в настоящей главе, выглядит следующим образом: на 1 января 1965 г. количество приходов в Эстонии - 90, из них 57 эстонских, 20 русских и 13 смешанных. Священников - 50 Дьяконов было 6 человек. На территории епархии проживало также 42 священника-пенсионера⁶⁷⁶. Приходских храмов было 88, молитвенных домов – 2. Приходы территориально были разделены на 9 благочиний. Епархиальный Совет епископом был упразднен, его функции были переданы Епархиальному управлению, секретарем епископа стал опытнейший пастырь, отец Николай Кокла. Были налажены постоянные контакты с евангелической церковью Эстонии, по инициативе епископа Алексия в Таллине был создан Совет Церквей для решения общих проблем в контексте взаимоотношений с атеистической властью⁶⁷⁷.

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на закрытие некоторых сельских приходов (около 15 из более чем 100) и естественного сокращения числа представителей духовенства, в период активизации антицерковной деятельности властей в эстонской епархии удалось избежать наиболее трагических событий – разрушения кафедрального собора и закрытия Пюхтицкого монастыря. Также среди важных моментов следует отметить отсутствие конфликтов между эстонскими и русскими приходами или национальными группами прихожан внутри приходов. Если подобные проблемы существовали местами прежде, то относительно данного периода подобных сведений обнаружить не удалось.

Вместе с тем следует отметить, что массивное давление со стороны властей на Церковь в СССР, предпринятое с новой силой в 1960-1961 годах дало свои первые ощутимые результаты в 1962 г. Для Эстонии это прежде всего

---

⁶⁷⁵ Обитель Божией Матери. Издание Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря. М., 2016. С. 95, С. 100.

⁶⁷⁶ Там же. С. 473.

⁶⁷⁷ Там же. С. 474-475.

отразилось в заметном числе снятых с регистрации церквей. Безусловно, многие из них уже достаточно долгое время были по сути недействующими. Неоднократно упоминалось в документах о том, что богослужения в них совершаются несколько раз в год, нет постоянного священника. Епархия как могла поддерживала такие приходы, однако принципиально оказать помощь, которая бы позволила наладить постоянные богослужения, возможностей в большинстве случаев не было. Такова была объективная реальность, которую усугубляла фактическая убыль населения того поколения, которое не было затронуто антирелигиозной пропагандой.

4.3. Новые реалии церковной и общественной жизни Эстонии

К началу 1960-х гг. советская власть существовала в Эстонии уже без малого 20 лет, и выросло целое поколение, воспитанное вне религиозных ценностей. Параллельно убывало старое поколение, привыкшее регулярно посещать церковь.

Антирелигиозная агитация и пропаганда в стране достигла небывалых масштабов. Смена руководства Совета по делам РПЦ, а также ответственных за идеологию партийных деятелей не могли не сказаться. В Эстонии эти процессы имели менее интенсивный характер, однако, с каждым днем агитация усиливалась, о чем можно судить, анализируя публикации в эстонских газетах.

Стоит отметить, что именно в 1961 г. резко возросло количество публикаций в СМИ антицерковного характера. В центральной газете «Советская Эстония» все чаще звучали призывы активизировать борьбу с религиозными предрассудками, которые активно развеивали авторы в своих публикациях (статья «Как была выдумана пасха»⁶⁷⁸). Население информировали о предстоящих лекциях

---

⁶⁷⁸ Советская Эстония, 1961. 1 апреля. № 78 (5394). С. 3.

атеистической тематики⁶⁷⁹, с восторгом рассказывали о новых традициях гражданской обрядности, которая должна прийти на место церковной. Фотографии бракосочетаний из недавно открывшихся бюро ЗАГС сопровождали статьи⁶⁸⁰. Стоит отметить, что заместителем редактора «Советской Эстонии» в этот период был Я. Кантер, уполномоченный Совета⁶⁸¹, опытный пропагандист, что также может объяснять увеличение числа публикаций антицерковного характера в центральной эстонской газете. В русле общесоюзных тенденций, проявившихся после серии публичных отречений, и в Эстонии появились статьи, написанные теми, кто «порвал с религией». Так, бывший баптист публиковал свои воспоминания под заглавием «С религиозным дурманом покончено навсегда»⁶⁸². Идея воспитания нового человека-строителя коммунизма становилась одной из магистральных⁶⁸³. Как уже говорилось выше, эстонское духовенство активно отслеживало публикации в республиканских СМИ, и в ответ на статьи и фельетоны оскорбительного характера некоторые священники направляли письменные протесты в партийные организации. Однако такого рода публикации выходили в небольших, местных периодических изданиях. Орган ЦК КП Эстонии «Советская Эстония» в рассматриваемый период воздерживалась от публикаций оскорбительного для верующих характера. Вместе с тем с каждым месяцем увеличивалось количество статей антирелигиозного содержания.

В 1963 г. на страницах «Советской Эстонии» появилось сообщение о предстоящей в Таллине лекции бывшего семинариста А. Кухаренко под названием «За стенами Ленинградской духовной семинарии». После лекции планировался показ фильмов с красноречивыми названиями: «От тьмы к свету», «Мое отречение», «Возвращение в жизнь»⁶⁸⁴. Волна столь распространенных тогда лекций отступников достигла Эстонии.

---

⁶⁷⁹ Советская Эстония, 1961. 8 февраля. № 33 (5349), С. 4.

⁶⁸⁰ Советская Эстония, 1961. 3 февраля. № 29 (5345), С. 4.

⁶⁸¹ Там же.

⁶⁸² Там же. 11. 02.1961. № 36 (5352), С. 2.

⁶⁸³ Там же. 17. 08. 1961. № 194 (5510), С. 2.

⁶⁸⁴ Советская Эстония. 20.01.63, № 17 (5842), С. 4.

Согласно статистке уполномоченного, в 1962 г. в Эстонии были сняты с регистрации 10 «религиозных обществ» с последующей передачей их зданий для использования иными организациями. Однако, важно отметить, что по информации Я. Кантера деятельность лишь 7 из них «затухла», т е люди перестали ходить в эти церкви и «поддерживать материально». (Отчет уполномоченного за 1962 г., от 5 февраля 1963 г.)⁶⁸⁵. Три прихода, расположенных в Таллине, Тарту и Эльза были сняты с регистрации ввиду объединения их с другими обществами. Причина объединения: малая посещаемость и снижение доходности⁶⁸⁶.

4 прихода были сняты с регистрации и закрыты поскольку являлись «приписными», кладбищенскими, и ими «религиозные организации пользовались вопреки указанию в законоположении о религиозных культах о том, что религиозное общество может пользоваться только одним религиозным зданием».

Уполномоченный Я. Кантер отрапортовал в Совет о прекращении деятельности 14 церквей:

Кладбищенских:

1. Приписная кладбищенская Александро-Невская, город Хаапсалу, снята 1 февраля 1962, используется в качестве сторожки на кладбище.

2. Приписная кладбищенская (вторая) Успенского храма в городе Тарту, снята 25 июля 1962, использование – как сторожки.

3. Приписная (вторая) кладбищенская в городе Выру, снята с регистрации 25 сентября 1962, на момент составления отчета пустовала⁶⁸⁷.

4. Приписная кладбищенская в деревне Лохусуу, района Кохтла-Ярве, снята 25 сентября 1962.

Были сняты с регистрации и переданы колхозам в 1962 г. следующие приходы:

1. Николаевская церковь, Ханья-Планиское, Вырусский район, снята 1 февраля 1962.

⁶⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 9.

⁶⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 9.

⁶⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 11.

2. Церковь Святой Троицы, деревня Кайка, снята 13 февраля 1962 года.
3. Церковь святого Арсения, деревня Тамме, Вильяндиский район, снята 3 июля 1962⁶⁸⁸.
4. Александро-Невская церковь, поселок Лихула, Хаапсалуский район, снята 25 июля 1962.
5. Церковь Рождества Христова деревни Тори, Пярнуского района, отдана совхозу под клуб и спортзал, снята с регистрации 10 мая 1962 года.
6. Богоявленская церковь города Синди, района Пярну, снята с регистрации 16 мая 1962 г., передана школе-интернату.

Были объединены с другими и соответственно сняты с регистрации следующие приходы:

1. Петропавловская церковь в Эльва, Эльваский район, была объединена с религиозным обществом деревни Нью и снята с регистрации 16 мая 1962 г., здание Церкви было передано в жилой фонд⁶⁸⁹.

2. Александро-Невская церковь города Тарту была снята с регистрации 25 июля 1962 г. ввиду слияния с Георгиевским приходом. Здание временно отдано государственной библиотеке, впоследствии предполагалась передача его для использования обществами баптистов, методистов и адвентистов. Три здания, которые занимали данные религиозных организации, предполагалось отдать горисполкому.

3. Симеоновская церковь Таллина ввиду слияния прихода с Александро-Невским собором была снята с регистрации 20 декабря 1962 г., и передана спортивной организации⁶⁹⁰.

В документе сказано, что закрытие этих церквей протестов не вызвало, кроме одного случая в городе Синди, где в ходе снятия с регистрации поступило несколько заявлений с жалобами⁶⁹¹.

⁶⁸⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 10.

⁶⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 10.

⁶⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 11.

⁶⁹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 11-12.

Таким образом, статистика в последнем документе ГАРФ, доступном для исследователей (следующие за ним документы Архива находятся на секретном хранении), на 1 января 1963 года такова: количество религиозных обществ (приходов)- 101. Церковных зданий – 101 основная церковь и 3 церкви приписных. Из 104 церковных зданий – 68 находятся в сельской местности, 36 – в городах, поселках городского типа и курортных местах⁶⁹².

Состав духовенства: 1 епископ, 53 священника (в это число включается и священник Пюхтицкого монастыря), 5 дьяконов.

По указанию Совета в 1962 г. впервые была начата регистрация псаломщиков. Как нетрудно предположить, это было одной из мер борьбы с пополнением числа этих церковнослужителей, поскольку в результате регистрации информация могла просочиться на светскую работу, и сами церковные служащие, боясь потерять основное средство заработка, порой предпочитали отказаться от подработки в храме, чтобы не лишиться основной работы. Подобные причины могли обусловить тот факт, что из 13 псаломщиков Эстонии лишь 8 человек подали документы на регистрацию и в результате лишь 5 человек были зарегистрированы.

В тот же период уполномоченный по Эстонии Я. Кантер ввел новый порядок отчетности приходов перед властями. Прежде приходы предоставляли данные уполномоченному, а он в свою очередь направлял составленные на их базе отчеты в Москву, а также в районные и городские комитеты партии. Согласно новому порядку, религиозные общества должны были направлять бланки отчетов в городские и районные исполнительные комитеты компартии Эстонии, оттуда один экземпляр направлялся уже уполномоченному. Такой порядок, по мнению Кантера, еще больше отстранял священников и Епархиальное управление от финансово-экономических вопросов, позволял городским и районным комитетам партии эффективнее отслеживать положение дел в конкретных приходах, делал деятельность религиозных обществ более подконтрольной райисполкомам⁶⁹³. У Я. Кантера в связи с этим возникла проблема: поскольку для лютеранских приходов

---

⁶⁹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 12.

⁶⁹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л.9.

был сохранен старый принцип отчетности, это вызвало закономерные протесты со стороны православного духовенства республики, так что уполномоченный вынужден был информировать Центр о необходимости введения новых принципов и для лютеранских религиозных организаций⁶⁹⁴.

В 1962 г. посещаемость приходов и частота проведение богослужений в 104 приходах Эстонии распределялись следующим образом:

Службы ежедневно проходили в 2 приходах,

2-3 раза в неделю – в 3 приходах,

По воскресным дням и религиозным праздникам – в 29 храмах

Несколько раз в году – в 70 приходах⁶⁹⁵.

Судя по приведенным данным, общее количество церковных служб планомерно снижалось с 1958 г. по 1962 г. (с 8456 до 6525 соответственно).

Календарная ситуация в 1962-1963 гг. оставалась в прежнем статусе. Праздники Рождества, Пасхи и связанные с ними проводились по новому календарю в приходах, посещавшихся этническими эстонцами, то есть одновременно с лютеранами, в «русских» приходах – по «старому» календарю⁶⁹⁶.

Наибольшее число причастников (один из показателей религиозной активности) отмечалось закономерно в Таллине (14213 за год) и в Нарве (5920 за год)⁶⁹⁷.

Доходность церкви республики начиная с 1953 по 1962 г. можно оценить следующим образом: наивысшей она была в 1957, 1958 и 1959 гг., наименьшей – в 1953 и в 1962 гг. Доходность росла с 1952 до 1959, затем стала снижаться и вернулась в 1962 году на уровень 1953 года (212.200 в 1953 и 220.990 в 1962. Планомерно снижалась с 1960 по 1962 (247 тысяч, 238 тысяч и 220 тысяч соответственно в 1960, 1961 и 1962 гг.)⁶⁹⁸.

⁶⁹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л.9.

⁶⁹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 20.

⁶⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 20.

⁶⁹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 21.

⁶⁹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 20-24.

Еще одним нововведением 1962 г. стало требование включения в бланки отчетности религиозных обществ сведений о певчих церковных хорах, с указанием их возраста и места работы. Таким образом, отмечал уполномоченный Я. Кантер, советские и партийные органы будут знать, кто поет в церковных хорах и смогут с ними вести «соответствующую воспитательную работу»⁶⁹⁹. Наступление на Церковь и ее служение велось во всех возможных аспектах.

К 1963 г. стали проявляться результаты активного внедрения гражданской обрядности. Как было показано выше, партия и правительство не жалели средств и сил на эти инициативы. Процентные показатели соотношения гражданской и церковной обрядности показали стремительное снижение доли церковных обрядов всего за несколько лет. Так, обрядов крещения в сравнении с гражданской регистрацией рождения в 1957 г. было 55,8 %, в 1962 – 22,3 %, венчаний по сравнению с гражданской регистрацией брака в органах ЗАГС – в 1957- 29, 8 %, в 1962 – 9,0%, церковных отпеваний по сравнению с гражданскими похоронами в 1957 – 65,5%, в 1962 - 55,4%⁷⁰⁰. В таблице, из которой взяты эти данные, сведены воедино православная и лютеранская конфессии, однако, с учетом распространенной практики в сельских областях Эстонии совершать обряды в иной конфессии при отсутствии на месте священника своей, данная статистика вполне может считаться показательной.

Как можно заметить из статистических данных архивных материалов, именно обряд отпевания (похорон) оказался наименее подвержен антирелигиозной пропаганде и попытке заменить его гражданским прощанием. Это связано с последней волей покойных, как правило, представителей старшего поколения, воспитанных на христианских ценностях и не желавших принимать новую обрядность. Именно по этой причине, осознавая такую проблему, советская номенклатура распорядилась особенно тщательно разработать ритуалы гражданских похорон и дней гражданских панихид на кладбищах для их дальнейшей популяризации.

---

⁶⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 24.

⁷⁰⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л.25.

О проведении гражданских дней поминовения усопших уполномоченный детально информировал Совет. Были приглашены и выступали ответственные работники, деятели искусств, поэты и писатели, хоры, струнный оркестр государственной филармонии. Под звуки оркестра производилось совместное возложение цветов. Так, на организованный отделом культуры Таллинского горисполкома такой день памяти 2 сентября по данным уполномоченного пришли 20 тысяч человек. На мероприятие людей приглашали через сообщение в городской газете и расклеенные объявления. В день поминовения усопших, организованный приходом Александро-Невского храма Таллина летом того же года, по данным уполномоченного, в храм пришли примерно 300 человек⁷⁰¹.

В городе Кохтла-Ярве для проведения гражданских панихид была созданная специальная комиссия, были отпечатаны объявления, распечатаны тексты песен, и проведены другие подготовительные мероприятия, свидетельствующие о крайне серьезном отношении партийных организаций к мероприятию, которое продолжалось около 3-3.5 часов.⁷⁰²

Судя по приведенным статистическим данным, властям удалось переломить в свою сторону и ситуацию с православными и лютеранскими конфирмациями. Была развернута столь же активная, как и с гражданскими панихидами, работа по организации так называемых «летних дней молодежи».

Статистика по летним дням молодежи выглядит наиболее комплиментарно для властей по сравнению с другими обрядами. Так, количество участников конфирмации снизилось с 1957 года с 10 тысяч до 1590 человек в 1962 г. Возросло количество участников дней молодежи с 36 человек в 1957 году до 7 тысяч в 1961 и 5200 в 1962 гг. соответственно⁷⁰³.

18 апреля 1961 года Священный Синод был вынужден принять постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни», которое было утверждено Архиерейским собором 18 июля при явном несогласии

---

⁷⁰¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 22(30).

⁷⁰² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 22(30).

⁷⁰³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 26.

части духовенства. Эта реформа на долгие годы поставила священника в положение нанятого сотрудника на приходе. Приход возглавлял теперь приходской совет, он же управлял финансовыми делами прихода. Благодаря нововведениям власти смогли увольнять неугодных священников через приходские советы, минуя архиереев.

Перевод священников на твердые оклады, по словам эстонского уполномоченного, создал большие трудности для священнослужителей, снизив их доходы. Так в сельских храмах примерная сумма оклада, установленная самостоятельно религиозным обществом, составляла 20-50 рублей и максимально – 260 рублей в Нарвском соборе, известном своей высокой посещаемостью⁷⁰⁴.

Власти руками финансовых отделов тщательно выявляли случаи получения священниками оплаты за исполненные требы. По новым правилам эти деньги должны были вноситься в церковную кассу, а взамен выдаваться квитанция. Уполномоченный требовал от епископа Алексия (Ридигера) уведомить повторно в 1963 г. духовенство о недопустимости действовать иначе. Эстонский уполномоченный докладывал в Москву, что именно введение обязательных квитанционных книжек для оплаты треб нанесло серьезный удар по доходам эстонского духовенства⁷⁰⁵.

Известный таллинский священник отец Валерий Поведский и вовсе заявил уполномоченному, что «он лично переводом на определенный оклад доволен и его заработок от этого не уменьшился»⁷⁰⁶. Отец Валерий был известен своим личным мужеством, выше уже было сказано об этом замечательном таллинском пастыре. Можно только представить себе, как данное высказывание могло раздосадовать уполномоченного.

Ужесточились правила крещения детей. Теперь надлежало проводить Таинство строго только по просьбе обоих родителей и с предъявлением свидетельства ЗАГС о рождении ребенка.

---

⁷⁰⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 30 (38).

⁷⁰⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 38.

⁷⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 39.

Очевидно, что все эти меры комплексно препятствовали нормальному служению духовенства и существованию приходов.

В целях дальнейшего осложнения условий жизни священнослужителей эстонские партийные, советские и финансовые органы стали проводить проверки занимаемых церковнослужителями помещений. «Излишки» немедленно изымались⁷⁰⁷.

Активные международные связи эстонского духовенства постоянно отслеживались уполномоченным. За границу в качестве заместителя председателя ОВЦС и члена Центрального комитета Всемирного Совета Церквей выезжал епископ Алексей (Ридигер).

В течение одного только 1962 г. в Эстонию приезжали 4 зарубежных делегации: евангелически-лютеранской церкви ГДР, Центрального аппарата ВСЦ, национального совета церковью Христа (США), группа делегаций ВСЦ⁷⁰⁸.

Судя по оценке, которую дал уполномоченный работе епископа Алексея (Ридигера) и секретаря Епархиального управления отца Николая Кокла как принимавших делегации представителей духовенства, можно сказать, что этот аспект явился тем моментом совпадения интересов, который, очевидно, позволил епископу Алексею обеспечить наименьший урон для эстонского православия в годы тяжелейших потрясений и притеснений со стороны власти. Уполномоченный Я. Кантер всячески подчеркивал, что данные встречи с иностранными организациями используются для дальнейшего укрепления борьбы за мир, а епископ (и он, уполномоченный, аналогично), постоянно направляли беседу с иностранцами в русло необходимости дальнейшей борьбы за мир во всем мире, за расширение экуменических связей между церквами.

Эти слова свидетельствуют о том, что участие Русской Православной Церкви в международных христианских организациях могло несколько облегчить положение Церкви в условиях нового витка репрессий со стороны властей и в ситуации неприкрытого стремления Хрущева и его соратников к полному

---

⁷⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 41.

⁷⁰⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 43.

уничтожению православия в стране. У власти и у Церкви в этом вопросе были изначально очевидно разные цели, но это временное пересечение интересов позволило представителям Патриархии стать снова единственным и уникальным мостом, через который советское правительство рассчитывало проводить свои интересы в контактах с западными странами.

Так или иначе, но активная работа епископа Алексея с иностранными делегациями в Эстонии позволила уполномоченному Я. Кантеру победно рапортовать в Совет, что их с епископом участие привело к формированию нового мнения со стороны иностранцев на положение Церкви в СССР⁷⁰⁹. Насколько это соответствовало действительности, непросто понять. Но безусловно уполномоченный пользовался результатами активной дипломатической деятельности епископа Алексея в своих карьерных целях, а потому и характеризовал положительно данные инициативы. Вполне вероятно, что опытный, несмотря на молодой возраст, епископ понимал это, и в свою очередь использовал во благо Церкви: добился отмены принятых решений о закрытии Пюхтицкого монастыря и кафедрального Александро-Невского собора в Таллине.

Как уже говорилось, в период конца 1950-х-начала 1960-х годов одним из основных методов воздействия на церковную жизнь со стороны властей были финансово-экономические рычаги. В соответствии с постановлениями 1960-1961 гг. финансовые вопросы стали совершенно подотчетны государству, и кроме понятных ограничений, введенных властями для деятельности приходов, проблемы создавались и многочисленными проверками, результаты которых теперь, после выхода соответствующих постановлений незамедлительно становились причиной кадровых решений. При наличии новой законодательной базы обвинения в злоупотреблениях, отсутствии отчетности можно было легко предъявить любому священнослужителю, поскольку в столь короткие сроки полностью перестроить работу в приходе было весьма сложно.

---

⁷⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 43-44.

Так, в январе 1963 г. Таллинский городской финансовый отдел провел проверку финансовой деятельности прихода Преображенской церкви. Выводы были весьма негативные. Среди претензий значилось: председатель исполнительного органа и кассир (казначей)- являлись одним и тем же лицом, денежные документы надлежащим образом не оформлялись, что было расценено как возможности для открытых и скрытых злоупотреблений. И этими возможностями, по мнению финотдела, пользовались в первую очередь протоиерей церкви Николай Кокла, являвшийся одновременно секретарем Епархиального управления. Приводились примеры злоупотреблений, среди которых упоминалось, что этот священник «не примирился» с вхождением эстонской церкви под омофор Московской Патриархии⁷¹⁰. Также Кантер докладывал в Москву, что священник Николай Кокла как секретарь Епархиального управления и человек, владеющий немецким языком, часто встречается с зарубежными организациями, что с учетом его прошлого в годы буржуазной Эстонии как участника Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви и нынешних взглядов представляется уполномоченному «в дальнейшем нежелательным». Уполномоченный ходатайствовал об отстранении священника Н. Кокла от служения в Преображенском приходе с переводом его в меньший приход и с прекращением его работы секретарем Епархиального управления по причине «использования в своекорыстных целях средств, поступивших в церковную кассу от верующих». Отметим, что нарушения, перечисленные в Акте, заключались в отсутствии чеков на покупку вина, масла и изготовление просфор, на проведение нескольких обедов в дни больших церковных праздников⁷¹¹. Таким образом, используя мелкие недочеты в ведении финансовой отчетности, власти могли беспрепятственно расправляться с неугодными представителями духовенства.

---

⁷¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 1.

⁷¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2124. Л. 3-7.

4.5. Итоги хрущевских гонений

Период конца 1950-х – начала 1960-х годов стал наиболее сложным для Русской Православной Церкви за весь послевоенный период. С целью массированного давления на Церковь были использованы самые разнообразные меры: пропаганда и клевета на духовенство, закрытие приходов, меры экономического давления, приходская реформа, крайне негативно отразившаяся на духовенстве и поставившая священников в положение нанятых сотрудников на четверть века.

В Эстонии данный период был отмечен следующими тенденциями. Именно в 1958-1960 гг. после стабильно повышавшихся в течение 1950-х годов показателей религиозной активности в 1960 г. началось сокращение по большинству показателей. В 1958 – 1959 было закрыто, а затем уничтожено подворье Пюхтицкого монастыря в Таллине, а сам монастырь оказался под угрозой закрытия. Были запрещены молебны у Пюхтицкого источника и возле других святых мест республики.

Непростой для республики календарный вопрос вновь стал предметом для обсуждения. В результате епископом Иоанном (Алексеева) вместе с представителями духовенства республики было принято решение не предлагать «эстонским» приходам переходить на восточную пасхалию, чтобы таким образом не спровоцировать переход этнических эстонцев в лютеранство по причине различия в календарях с родней и соседями. Апостасия Александра Осипова в 1959 году оказала сильное воздействие на духовенство и мирян республики. Осипов многие годы служил в Эстонии, был ярким проповедником, и его отступничество явилось тяжелым событием для религиозной жизни Эстонии.

Активная деятельность епископа Иоанна (Алексеева) по поддержке отдаленных приходов и религиозной жизни в Эстонии в целом, и вместе с тем, как

полагали в Совете, сознательное затягивание реализации антицерковных постановлений властей привели к попыткам дискредитации епископа в глазах Совета, что как мы полагаем, привело к решению о его переводе на другую кафедру. В августе 1961 владыка Иоанн стал епископом Горьковским и Арзамасским, через месяц эстонскую епархию возглавил епископ Алексей (Ридигер).

1960-1961 гг. стал рубежом, когда антирелигиозные мероприятия властей стали отчетливо сказываться в церковной жизни Эстонии. Особенно стоит отметить рубеж 1961 и 1962 гг., когда с одной стороны, в силу ранее проведенного властями комплекса антирелигиозных мер деятельность Церкви была серьезно осложнена во всех аспектах, а с другой стороны, стали сказываться результаты пропаганды и случилась естественная убыль воцерковленной еще до революции части населения. Все это вместе привело в Эстонии к заметному падению посещаемости, снижению доходности приходов, соответственно, сокращению их числа, поскольку несмотря на усилия епархиального архиерея и духовенства, приходы, не имевшие постоянного священника, были на грани закрытия и состояли на соответствующем пристальном контроле у уполномоченного и местных партийных руководителей.

Перевод духовенства на твердые оклады, оплата треб через квитанции, ограничения на посещение Пюхтицкого монастыря, активная антирелигиозная агитация по линии общества «Знание», организационные мероприятия по внедрению гражданской обрядности взамен церковной – все эти меры однозначно имели всеобъемлющий характер, охватывали все без исключения стороны церковной жизни. Большое внимание уделялось отвлечению от Церкви детей и молодежи. Для исключения участия в традиционных для коренного эстонского населения конфирмациях были затрачены огромные финансовые и человеческие ресурсы. Началось проведение многодневных «летних дней молодежи» с привлечением деятелей искусства и культуры. Все это свидетельствовало о намерениях властей в кратчайшие сроки добиться успехов в искоренении веры у населения.

Как и его предшественники на эстонской кафедре, коренной житель Эстонии, епископ Алексей прекрасно понимал истинное положение дел в епархии, лично знал практически все духовенство республики, пользовался авторитетом среди паствы, а ввиду активной работы по направлению международного сотрудничества Церкви обладал опытом и влиянием в широких церковных кругах. Вместе с тем епископ, с ранней молодости знакомый с антирелигиозными методами советского режима, сформировавшийся под влиянием нескольких будущих эстонских архиереев, очевидно, был хорошо информирован о том, каким образом надлежит взаимодействовать с богоборческой властью, с одной стороны, не подвергая неоправданному риску церковную жизнь, с другой - по возможности, оберегая приходы от закрытия, а духовенство от репрессий. Сохранение от закрытия Пюхтицкого женского монастыря, который тогда оставался единственной женской обителью на северо-западе страны, безусловно, стало личным достижением епископа Алексея и значимым событием в новейшей истории Церкви.

На основе анализа архивных документов можно сделать вывод, что гонения хрущевского времени на территории Эстонии проходили в общем русле антицерковных гонений этого периода в СССР.

Однако, как и прежде, отличались рядом характерных для Эстонии особенностей. Активная международная деятельность епископа Алексея не позволила властям в полной мере реализовать все свои планы на территории Эстонии. Закрыть многие храмы и в особенности кафедральный собор и Пюхтицкий монастырь не удалось. Приходская реформа серьезно осложнила положение приходского духовенства, но расчеты властей на массовый переход на «гражданскую работу» в Эстонии не оправдался. Мужественно продолжали свое служение в тяжелых условиях эстонские пастыри.

Отставка Хрущева в октябре 1964 г. положила конец активным действиям государства по удушению Церкви. После длительного периода гонений, лишь на несколько лет прерванного так называемой «религиозной оттепелью» 1943-1948 гг. наступил этап относительного затишья, когда массовых репрессий и систематических гонений уже не происходило. Однако, следует отметить, что в

эстонском православии события нового витка гонений пришлось на период, когда епархией руководили пастыри, хорошо разбиравшиеся в политической ситуации в стране, реально оценивавшие намерения и действия властей. Епископ Иоанн (Алексеев) и епископ Алексей (Ридигер) смогли проводить взвешенную политику, позволившую с одной стороны, сохранить максимально возможное число приходов и Пюхтицкий монастырь от закрытия, в другой стороны, не доводить отношения с властями до обострения, которое неизбежно обернулось бы репрессиями в отношении духовенства и верующих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенному исследованию, отметим основные результаты работы и сформулируем выводы.

Важнейшим фактором, определившим ход событий в истории эстонского православия в середине XX века, явились те исторические реалии, на базе которых складывалась история Русской Православной Церкви в данном регионе. Эти характерные особенности оказывали сильнейшее влияние на события XIX и XX веков, они продолжают влиять и на сегодняшнюю ситуацию. Недооценивать эти местные особенности нельзя, поскольку они отразились практически во всех аспектах бытия Церкви в обществе. В какие-то периоды времени власти были вынуждены принимать во внимание местные религиозные обычаи и традиции. Причем, советская власть в свои первые годы в республике одновременно с реализацией мер по депортации части местного населения, в некоторых аспектах учитывала особенности местной религиозной ситуации. Впрочем, этот период продолжался недолго.

Важнейшим моментом для понимания специфики эстонского православия является осмысление того факта, что православные проживали в этих землях с раннего средневековья и имели полное право считать себя не чуждым элементом, но законными местными жителями. Вместе с тем православные веками терпели притеснения со стороны католиков, а позднее – протестантов. Ситуация осложнилась после принятия православия заметной частью коренного эстонского крестьянства в середине XIX века.

Сосуществование конфессий порой сопровождалось борьбой за паству в сельских эстонских приходах, где традиционно преобладало местное население. Пасторы рассчитывали на возврат к вере отцов перешедших в православие этнических эстонцев, и зачастую это происходило, по мотивам сугубо бытовым, связанным с различиями в церковных календарях. В результате календарный

вопрос постепенно был разрешен на эстонской земле следующим образом: в «эстонских» сельских приходах служили по западной пасхалии, в смешанных и русских – по восточной. Все попытки принудить «эстонские» приходы перейти на восточную пасхалию были обречены на неуспех. Православные эстонцы в таких случаях часто переходили в лютеранство, чтобы жить одним календарем со своей многочисленной родней и соседями. Именно для недопущения таких переходов местное православное духовенство всеми силами и убеждало церковное начальство и местные светские власти в необходимости сохранить западную пасхалию для приходов, посещавшихся этническими эстонцами.

Вместе с тем имели место и случаи взаимопомощи между лютеранскими пасторами и православными священниками, например, для совершения срочных треб. Характерным для Эстонии стало проникновение в православные церковные ритуалы элементов протестантизма, привнесенное эстонцами-недавним лютеранами. Привычка сидеть во время богослужения, конфирмация, общенародное пение в храме с листков, общеприходские кладбищенские дни поминовения усопших с пением с листков – все это стало неотъемлемой частью церковной жизни Эстонии, особенно, в сельских приходах, где преобладало коренное население.

Исторические перипетии начала XX в. коснулись и религиозной жизни Эстонии. Несмотря на видимость религиозной свободы, в период буржуазного национального правительства в Эстонии едва не был разрушен таллинский кафедральный Александро-Невский собор, Пюхтицкий монастырь был преобразован в трудовую общину, произошел отъем части пахотных земель у обители, создавались препятствия работе РСХД на территории Пюхтицкого монастыря.

Религиозная ситуация в Эстонии на момент окончания Великой Отечественной войны принципиально отличалась от ситуации в центральных и восточных республиках СССР. К середине 1940-х на остальной территории СССР уже на протяжении двух десятилетий Церковь подвергалась небывалым в истории христианства гонениям, а духовенство было хорошо знакомо с методами работы

государственного аппарата. В Эстонии открытых гонений на Церковь и духовенство не было.

Оккупация Эстонии нацистами поставила духовенство в очень сложное положение. Оснований активно поддерживать атеистическую советскую власть у эстонских пастырей было немного. Стоит также вспомнить, что в 1940-1941 гг. советские органы госбезопасности провели в Прибалтике массовые депортации населения и репрессии. В Эстонии были арестованы и погибли около 20 православных священнослужителей. Вместе с тем поддержать фашистскую идеологию и режим для многих представителей духовенства Эстонии не представлялось возможным. Часть духовенства во главе с епископом Нарвским Павлом (Дмитровским) призывала паству сохранять верность Матери-Церкви, другая часть пыталась приспособиться к новым условиям. Освобождение Прибалтики советскими войсками осенью 1944 г. и восстановление советской власти в Эстонии заставили одних представителей духовенства, продолжая служение, ожидать возможных репрессий со стороны советской власти, а других – спешно бежать из Эстонии и доживать свой век на чужбине.

Важно подчеркнуть, что религиозная ситуация в Эстонии в начале рассмотренного периода значительно отличалась от общесоюзной, прежде всего, ввиду особенностей предшествующего периода относительной религиозной свободы, а также ввиду обозначенных выше особенностей эстонского православия. Эти особенности бытия Церкви в государстве обусловили специфические тенденции и динамику в отношениях государства и Церкви.

В 1944-1945 гг. государственная власть в Эстонии по церковному вопросу занимала умеренную, выжидательную позицию. Уполномоченный изучал специфику религиозной ситуации в Эстонии, знакомился с представителями духовенства. Поскольку общий характер государственно-церковных отношений в СССР в эти годы был в общем позитивным, Совет и его уполномоченный о Эстонии не предпринимали никаких негативных шагов в отношении епархии в целом и в отношении отдельных представителей духовенства. Вместе с тем, информация о тех представителях духовенства, которые имели отношение к

«эстонской схизме» или в отношении которых была информация о недостаточной лояльности в советской власти, упоминались в переписке Совета и уполномоченного.

1946-1947 гг. еще можно охарактеризовать как спокойный для церковной жизни период, единственной проблемой в церковной жизни стал кадровый вопрос, возникши в связи со скоропостижной кончиной архиепископа Павла (Дмитровского) в начале 1946 г. В небольшой епархии, где ввиду языковых и национальных проблем надлежало поставить на кафедру местного кандидата, владеющего эстонским языком, решение данного вопроса не могло быть простым. Выбор пал на вдового протоиерея Иоанна Богоявленского, служившего долгие годы в Эстонии.

Уже со второй половины 1948 года меняется вектор государственно политики в отношении церкви в СССР. В Совете по делам Русской Православной Церкви озвучили новую тенденцию по сокращению влияния Церкви в обществе, вышел целый ряд партийных документов явно антицерковного характера. Общесоюзная тенденция проявляется и в Эстонии: резко изменился стиль работы уполномоченного, результатом чего явилось противостояние последнего и правящего епископа Исидора (Богоявленского), приведшее к попыткам инспирировать кампанию против Владыки.

Во второй половине 1948 г. стали проявляться первые результаты коллективизации в республике. Власти возлагали большие надежды на коллективизацию и формирование колхозов в контексте антирелигиозных мероприятий. Расчет властей на массовый переход эстонского духовенства на гражданскую работу в связи с коллективизацией не оправдался.

В 1949 г. негативные тенденции усилились. Прошли аресты сразу нескольких представителей духовенства Эстонии, впервые был поставлен вопрос о судьбе Пюхтицкого женского монастыря. Уполномоченным было озвучено предложение о его закрытии.

Многолетнее отсутствие экономической поддержки епархии из Москвы к этому времени уже существенно сказалось на церковной жизни республики, делая существование отдаленных сельских приходов почти невозможным.

Набиравшая обороты антицерковная политика властей привела в 1950 г. к аресту некоторых представителей духовенства. Одновременно, вопреки общесоюзной тенденции на понижение религиозной активности населения, в Эстонии набирала силу противоположная – повышение посещаемости храмов, увеличение числа религиозных обрядов, укрепление экономического положения городских приходов. Все это явилось следствием прибытия в республику по указанию советских и партийных органов тысяч русскоязычных рабочих и служащих для подъема промышленности республики. Эти граждане наполнили храмы крупных городов Эстонии, кардинально изменив течение церковной жизни.

В 1950-1951 годах антирелигиозная пропаганда нарастала, были изъяты в пользу государства ряд церковных помещений, а также произошел снос часовни в Таллине.

В последующие годы, несмотря на антицерковную пропаганду в СССР, в Эстонии продолжала расти посещаемость больших городских храмов за счет прибывавшего русскоязычного населения, также отмечалось улучшение экономических показателей в жизни Пюхтицкого монастыря, что было связано с приходом заметного числа молодых насельниц.

Однако аресты духовенства, закрытие храмов или же слияние приходов, давление и инспирирование кампаний против архиереев – эти прежде характерные для остального СССР антирелигиозные мероприятия теперь стали реалиями эстонской церковной жизни.

Следует отметить лишь, что слияние и закрытие приходов в Эстонии происходило чаще не по волевому решению партийного начальства, как это часто было в «тыловых районах» СССР, а в силу экономических или других объективных причин (отсутствие священника, переходы эстонцев из православия в лютеранство, вымирание приходов, невозможность для прихода содержать священника). Вместе с тем уполномоченный и партийные руководители, используя эти объективные

сложности, старались всячески ускорять и провоцировать данные процессы. Такова была особенность эстонской церковной жизни.

В 1955-1960 гг. одним из самых важных вопросов стала судьба Пюхтицкого монастыря. Статистика приема новых насельниц показывает, что за данный период в монастырь пришло рекордное число женщин, что не могло не беспокоить власти, особенно в период нового витка гонений против религии в СССР. При этом монастырь строго выполнял и систематически перевыполнял нормы сдачи сельскохозяйственной продукции государству, чтобы не давать властям поводов к закрытию. Более того, монахини оказывали помощь в сельхозработах соседнему колхозу, чем вызывали нескрываемое удивление сельских жителей. Однако, согласно решениям ЦК, наступление властей на монастырскую жизнь продолжалось.

Несмотря на антицерковную политику, религиозная жизнь в республике нисколько не ослабевала, наоборот, продолжала расти по всем показателям: посещаемость, участие в таинствах, доходность приходов. Исключение составляла часть маленьких отдаленных сельских приходов, посещавшихся местным населением. Несколько таких приходов были закрыты. Но из 20-25 находившихся в трудном положении приходов были закрыты всего 4, что можно однозначно считать успехом руководства епархии. Специалисты, прибывшие в Эстонию из других регионов СССР для создания промышленности в аграрной республике, а также появление военных гарнизонов в отдаленных, сельских районах республики – все это способствовало поддержанию жизни некоторых сельских приходов. Советская власть своими действиями невольно способствовала повышению религиозной активности в Эстонии.

Власти продолжали оказывать давление на Церковь с целью снизить ее влияние в обществе, добиться закрытия приходов, монастыря, перехода священников на гражданскую службу, отпадения людей от веры. Церковные таинства местные власти стремились заменить «регистрацией актов гражданского состояния». Развивалась сеть ЗАГСов, государство стремилось взять в свои руки проведение как торжественных, так и траурных мероприятий, чтобы положить

конец влиянию Церкви и в этих вопросах. Было усилено экономическое давление на приходы и обители, увеличены норма поставки сельхозпродукции. На священников, как на «единоличников», не состоявших в колхозах, были возложены высокие нормативы сельхозпродукции. Сельское духовенство обращалось с жалобами, но результата это не приносило.

Как и в предыдущие периоды, поднимался календарный вопрос. Приходы, посещавшиеся этническими эстонцами, продолжали служить по западной пасхалии. Епископ Иоанн инициировал обсуждение этого вопроса, в котором главная роль принадлежала настоятелям «эстонских» приходов. Именно они четко и однозначно дали понять, что при введении восточной пасхалии в «этнически эстонских» приходах произойдут массовые переходы из православия в лютеранство, что повлечет снижение доходов по большим праздникам, что в свою очередь приведет к закрытию и без того небогатых сельских церквей. В конечном счете это бы сыграло на руку атеистической власти, а не Церкви. По этой причине данная инициатива самой епархией не была по сути поддержана. Вопрос был снят с обсуждения самой же церковной организацией для недопущения дальнейшего осложнения церковной жизни в республике.

Итак, 1955-1958 гг., при всей антирелигиозной политике СССР, для Эстонской епархии были непростыми, но прошли без трагических потрясений. Но уже в 1958 г. властями был поднят вопрос о переводе Пюхтицкого монастыря в другое место, по сути – о закрытии. В 1958-1959 гг. в рамках общесоюзной борьбы со святыми местами закрыты доступ и прекращены моления и крестные ходы у Пюхтицкого источника, запрещены моления у «черного камня» и вынос каменного креста для молений в Зареченской церкви.

Однако к 1959 г. удельный вес антицерковных инициатив власти стал высок, и это вылилось в целый ряд трагических для Церкви событий, решений, реализованных властями. В новый период епархия вошла, переживая утрату Пюхтицкого подворья, угрозу закрытия монастыря, с запретом к доступу к источнику и другим святым местам, почитаемым народом. Были серьезно

ограничены общекладбищенские панихиды, усилена антицерковная пропаганда и агитация.

Вместе с тем епископ Иоанн (Алексеев), возглавлявший эстонскую кафедру с конца 1955 по 1961 год, несмотря на практическое отсутствие возможности без ущерба для церковной жизни противостоять действиям властей, затягивал выполнение вредных для Церкви мер, на что обратил внимание уполномоченный и проинформировал Совет.

В 1961 г. состоялся перевод епископа Иоанна на Горьковскую кафедру. В том же 1961 году епархию возглавил молодой епископ Алексей (Ридигер). Однако, несмотря на возраст, как и его предшественники на эстонской кафедре, владыка отлично понимал истинное положение дел в епархии, лично знал практически все духовенство Эстонии, пользовался авторитетом среди паствы, а ввиду активной работы по линии международного сотрудничества Русской Православной Церкви обладал влиянием в широких церковных кругах.

Епархиальный Совет епископом был упразднен, его функции были переданы Епархиальному управлению. Были налажены постоянные контакты с евангелической церковью Эстонии. По инициативе епископа Алексия в Таллине был создан Совет Церквей для решения общих проблем в контексте взаимоотношений с атеистической властью.

Несмотря на закрытие некоторых сельских приходов (около 15 из более чем 100) и естественного сокращения числа представителей духовенства, в период активизации антицерковной деятельности властей в эстонской епархии удалось избежать трагических событий – разрушения кафедрального собора и закрытия Пюхтицкого монастыря. Также среди важных моментов следует отметить практическое отсутствие конфликтов между эстонскими и русскими приходами или национальными группами прихожан внутри приходов. Если подобные проблемы периодически возникали прежде, то относительно данного периода подобных сведений обнаружить не удалось.

Период 1961-1964 гг. стал наиболее сложным для Церкви за весь послевоенный период. Особенно стоит отметить рубеж 1961 и 1962 гг., когда, с

одной стороны, в силу ранее проведенного властями комплекса антицерковных мер, деятельность Церкви была серьезно осложнена во всех аспектах, с другой стороны, стали сказываться результаты антицерковной пропаганды и случилась естественная убыль воцерковленной еще до революции части населения. Все это вместе привело в Эстонии к заметному падению посещаемости, доходности приходов и сокращению их числа, поскольку, несмотря на усилия архиерея и епархиального духовенства, приходы, не имевшие постоянного священника, были на грани закрытия и состояли на соответствующем пристальном контроле у уполномоченного и местных партийных руководителей.

Перевод духовенства на твердые оклады, оплата треб через квитанции, ограничения на посещение Пюхтицкого монастыря, активная антирелигиозная агитация по линии общества «Знание», организационные мероприятия по внедрению гражданской обрядности взамен церковной – все эти меры однозначно имели всеобъемлющий характер, охватывали все без исключения стороны церковной жизни. Большое внимание уделялось отвлечению от Церкви детей и молодежи. Для исключения участия в традиционных для коренного эстонского населения конфирмациях были затрачены огромные финансовые и человеческие ресурсы. Началось проведение многодневных "летних дней молодежи" с привлечением деятелей искусства и культуры для обеспечения этих и других мероприятий. Все это свидетельствовало о намерениях властей в кратчайшие сроки добиться успехов в искоренении веры у населения.

Вместе с тем епископ Алексей (Ридигер), хорошо знакомый с антирелигиозными методами советского режима, сформировавшийся под влиянием нескольких будущих эстонских архиереев, понимал, каким образом надлежит взаимодействовать с богоборческой властью, с одной стороны, не подвергая неоправданному риску церковную жизнь, с другой - по возможности, оберегая приходы от закрытия, а духовенство – от репрессий. Сохранение от закрытия Пюхтицкой обители, являющейся сегодня единственным женским ставропигиальным монастырем МП РПЦ на территории Евросоюза стало значимым событием в новейшей истории Русской Православной Церкви.

Таким образом, анализируя в совокупности события церковной жизни Эстонии 1944-1964 годов, можно отметить специфические особенности эстонского православия, которые на всем протяжении рассматриваемого в настоящем исследовании периода оказывали заметное влияние на развитие отношений Церкви и властей. В первые послевоенные годы власти вынуждены были учитывать особенности религиозной ситуации в республике. Конфессиональная неоднородность и связанные с этим особенности, такие, как календарный вопрос, необходимость владения эстонским языком как для священников, так и для архиерея, определяли кадровые решения и жизнь епархии. Данные аспекты необходимо было учитывать для исключения конфликтов между православными эстонцами и русскими.

Приезд в республику значительного числа русскоязычных граждан также неожиданным образом сказался на церковной жизни.

Вместе с тем, постепенно, ко второй половине 1950-х гг., общесоюзные тенденции стали все заметнее сказываться в церковной жизни и в отношениях Церкви и властей. Сменялось поколение, многолетняя антицерковная агитация и усиливающееся с конца 1940-х гг. с каждым годом давление на Церковь не могли не дать своих результатов. К началу 1960-х гг. это вылилось в Эстонии в прекращение деятельности нескольких приходов, в основном в сельских, отдаленных районах республики. Вместе с тем, в эти непростые годы епархией руководили архиереи – уроженцы Эстонии либо много лет прожившие и служившие в республике. Архиереям и простым священникам пришлось приложить много усилий для сохранения православия в Эстонии в годы государственного атеизма, однако несмотря на все сложности, удалось сохранить подавляющее число приходов, кафедральный собор, Пюхтицкий монастырь. И сегодня приходы и монастырь Русской Православной Церкви продолжают осуществлять служение в независимой Эстонии, окормляя многочисленную паству.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ)

Фонд 6991. Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме – Совете Министров СССР.

Опись 1

Дело 53. Информационные отчеты уполномоченных по другим союзным республикам за II кв. 1945 года. Т. I

Дело 56. Информационные отчеты уполномоченных по другим союзным республикам за III квартал 1945 года. Т. II.

Дело 61. Информационные отчеты уполномоченных по другим союзным республикам за IV квартал 1945 года, том IV.

Дело 63. Выписки (подборка) из информационных отчетов уполномоченных по отдельным вопросам деятельности РПЦ за III – IV кварталы 1945 года и I-II кварталы 1946 г.

Дело 111. Информационные отчеты уполномоченных по другим союзным республикам за III квартал 1946 года.

Дело 112. Информационные отчеты уполномоченных по другим союзным республикам за IV квартал 1946 года. Том 1.

Дело 148. Циркулярные и инструктивные письма Совета уполномоченным при Совете Министров союзных республик, обл/край/исполкомах.

Дело 267. Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР и переписка с ним за 1947 год.

Дело 268. Докладная записка инспекторского отдела Председателю Совета о работе уполномоченных и положении и деятельности РПЦ в 1 полугодии 1947 года.

Дело 287. Протоколы заседаний Совета по делам РПЦ (подлинники).

Дело 292. Переписка с министерствами и ведомствами по вопросам, относящимся к РПЦ.

Дело 410. Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР и переписка с ним за 1948 г.

Дело 453. Докладные записки Совета по делам РПЦ в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. Том III.

Дело 568. Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР и переписка с ним за 1949 г.

Дело 601. Протоколы заседаний Совета по делам РПЦ (подлинники).

Дело 602. Стенограммы и протоколы кустовых совещаний уполномоченных Совета в ноябре-декабре 1950 года и материалы к ним.

Дело 717. Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР и переписка с ним за 1950 г.

Дело 835. Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР и переписка с ним за 1951 г.

Дело 968. Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР и переписка с ним за 1952 г.

Дело 1098. Информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР за IV квартал 1952 г., I полугодие 1953 г и переписка с ним за 1953 г.

Дело 1205. Информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР за IV квартал 1953, первое полугодие 1954 и переписка с ним за 1954 г.

Дело 1313. Информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР за IV квартал 1954 г., I полугодие 1955 г. и переписка с ним за 1955 г.

Дело 1319. Информационные отчеты уполномоченных о положении и деятельности монастырей в 1955 г. Т. 1.

Дело 1420. Информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР за II полугодие 1955 г., I полугодие 1956 г. и переписка с ним за 1956 г.

Дело 1528. Информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР за II полугодие 1956 г., I полугодие 1957 г., и переписка с ним за 1957 г.

Дело 1532. Информационные отчеты уполномоченных о положении и деятельности монастырей за 1957 г., Т. 1.

Дело 1533. Информационные отчеты уполномоченных о положении и деятельности монастырей за 1957 г., Т. 2.

Дело 1542. Циркулярные и инструктивные письма Совета уполномоченным при Советах министров союзных республик и обл/край/исполкомах.

Дело 1627. Информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР за II полугодие 1957 г., I полугодие 1958 г. и переписка с ним за 1958 г.

Дело 1633. Информационные отчеты уполномоченных о положении и деятельности монастырей за 1958 г.; переписка с уполномоченными о закрытии монастырей. Т. 2.

Дело 1646. Протокол и стенограмма инструктивного совещания уполномоченных Совета по делам РПЦ о решении ЦК КПСС от 4 октября 1958 года «О недостатках научно-атеистической пропаганды».

Дело 1732. Информационные отчеты уполномоченного по Эстонской ССР за II полугодие 1958 года, переписка за 1959 г.

Дело 1828. Информационный отчет уполномоченного по Эстонской ССР за 1959 г. и переписка с ним за 1960 г.

Дело 1928. Информационный отчет уполномоченного по Эстонской ССР за 1960 г. и переписка с ним за 1961 г.

Дело 1941. Циркулярные и инструктивные письма Совета по делам РПЦ уполномоченным при Советах Министров союзных республик, обл(край)исполкомах.

Дело 1942. Докладные записки Совета по делам РПЦ в ЦК КПСС и Совет Министров ССР.

Дело 2027. Информационный отчет уполномоченного по Эстонской ССР за за 1961 г. и переписка за 1962 г.

Дело 2039. Материалы всесоюзного семинара-совещания уполномоченных Совета по делам РПЦ о задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в свете решений июньского пленума ЦК КПСС (программа, доклад, тезисы выступлений, списки).

Дело 2124. Информационный отчет уполномоченного по Эстонской ССР за 1962 г. и переписка с ним за 1963 г.

Опись 2

Дело 1. Постановления и распоряжения СНК СССР, относящиеся к деятельности Совета по делам Русской православной Церкви при Совете министров СССР

Дело 44. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР, относящиеся к деятельности Совета по делам РПЦ

Дело 228. Справки о реакции духовенства на отход от церкви профессора богословия А. Осипова, священника Дарманского и Дулумана. 1958-1959.

Опись 7

Дело 63. Епископ Таллинский и Эстонский Исидор (Богоявленский Иван Яковлевич).

Дело 97. Архиепископ Таллинский и Эстонский Павел (Дмитровский Павел Григориевич).

Дело 150. Епископ Таллинский и Эстонский Иоанн (Алексеев Георгий Михайлович).

Дело 179. Епископ Таллинский и Эстонский Роман (Танг).

Российский Государственный Архив Социально-Политической истории (РГАСПИ)

Фонд 17. Опись 132. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – ЦК КПСС (1948-1953).

Дело 6.

Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ)

Фонд 5. «Аппарат ЦК КПСС. 1935–1991 гг.». Опись 33. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам (1956-1962); Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС (1965-1966).

Дело 3.

Дело 145.

Дело 147.

Дело 215.

Архив автора

Мянник С. Письмо Непочатовой М.И. от 16.08.2019. // Архив автора.

Опубликованные источники

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и вся России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917-1943 / Сост. М. Губонин. М.: ПСТГУ, 1994.
2. Деяния Совецания глав и представителей православных автокефальных церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. - М.: Издание Московской Патриархии, 1948. Т. 1-2.
3. Законодательство о религиозных культах. - М.: Юридическая литература, 1969.
4. Карпов Г.Г. О Русской Православной Церкви в Советском Союзе. - М., 1946.
5. Корнилий, Митрополит Таллинский и всея Эстонии. О моем пути. - Таллин, 2009. – 256 с.
6. Летопись церкви Успения Пресвятой Богородицы на Богородицкой горе, под названием Пюхтицкой, Рижской епархии, Эстляндской губернии и благочиния, Вирляндского уезда, в деревне Лехтепэ, составленная в 1887-1892 годах. Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь, 2017.-287 с.
7. О религии и церкви. Сб. документов. – М.: Политиздат, 1965.
8. Патриарх Сергей и его духовное наследство. - М.: Изд. Московской Патриархии, 1947.
9. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР 1945 – 1953 гг. М.: РОССПЭН, 2009.
10. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР 1954 – 1970 гг. М.: РОССПЭН. 2010.
11. Поведский В., прот. Таллинский пастырь. Письма, проповеди, воспоминания. - Таллин.: Православное издательское общество священномученика Исидора Юрьевского, 2001. – 288 с.
12. Повесть временных лет. М.: Институт русской цивилизации. 2014. – 544 с.

13. Пюхтицкая обитель и ее блаженная старица монахиня Екатерина: Жизнеописание. Воспоминания современников. Записки инокини Игнатии. – Куремяэ, 2014.-248 с.
14. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1943. – 100 с.
15. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917 – 1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Издательство Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 356 с.
16. Русская Православная Церковь в советское время (1917 – 1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Штриккер Г. – М.: Изд-во «Пропилеи», 1995. – Кн. 1-2. – 400 с.

Периодические издания

1. Вестник РСХД, Париж, 1932, номера 8, 9.
2. Журнал Московской Патриархии. Изд. Московской Патриархии. 1944 – 1965.
3. Мир Православия. Ежемесячная газета Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Электронный адрес: www.baltwillinfo.com
4. Наука и религия. Ежемесячный научно-популярный журнал Всесоюзного общества «Знание». №1-12. 1961
5. Советская Эстония. Ежедневная газета. Орган ЦК КПЭ, Верховного Совета и Совета Министров ЭССР. 1945-1964.
6. Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал/[гл.ред.: Гаврилин Александр Валентинович]. Riga, «LU Filozofijas un Sociologijas inst.», 2012-2018.

Литература

1. Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – М.: Изд. центр «Россия Молодая», 1992. – 299 с.
2. Балашов Н., прот., Прекуп И., протоиерей. Проблемы Православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатома «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». – Таллин: 2013. -130 с.

3. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943 – 1948 гг. – М.: Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории, 2001. – 213 с.
4. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. - М.: ИРИ РАН, 2001.
5. Гаврилин А. В. Латвийские священнослужители на Американском континенте. М., 2013.
6. Дамаскин (Орловский), игумен. Гонения на Русскую Православную церковь в Советский период // Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С. 179 – 189.
7. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописание и материалы к ним. – Кн. 1, 2, 3. – Тверь: Изд. дом «Булат», 1999. – 623 с.
8. Дегтярев Ю.М. Создание государственных органов по делам религии в 1943 – 1944 гг. // Религия в СССР. – 1991. – № 2. – С. 4 – 11.
9. Ефимова Е. Эстонское православие и Библия для вепсов, интервью с М.В. Шкаровским «Комсомольская правда», 25 ноября 2015 г.// spb.kp.ru, (дата обращения 28.05.2019).
10. Ирина, инокиня. Пюхтицы. // Ежемесячная газета «Мир Православия» номер 4 (апрель) (37), 2001.
11. История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. / под ред. М.Б. Данилушкина. - СПб.: Изд-во Воскресение, 1997. т.1.
12. Калинин В. Н. Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях. – М.: Знание, 1989. – 64 с.
13. Кашеваров А. Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917 – 1945 гг. – СПб.: Изд-во ГТУ, 1995. – 138 с.
14. Киреев Александр, протодиакон. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943 – 2002 годах. – М., 2002. – 480 с.

15. Костромин К., прот. Особенности эстонского православного самосознания в начале XX века (к 100-летию мученического подвига священномученика Платона (Кульбуша), епископа Ревельского). // Христианское чтение, №1, 2019. С. 180-190.
16. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939 – 1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. - М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – 488 с.
17. Кульбуш О.П. На заре новой жизни православных эстонцев// Санкт-Петербургский духовный вестник, 1895, № 5. С. 102-108.
18. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011. – 703 с.
19. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1863 по 1965 годы. Т. 1 – 6. – М.: 2006.
20. Марченко А.Н., прот. Личные дела высшего духовенства Русской Православной Церкви для изучения государственно-церковных отношений 1943-1985 гг.// Отечественные архивы. М., 2007, №4.
21. Марченко А., прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. - М.: Изд-во Крутицкого подворья; О-во любителей церковной истории, 2010. – 328 с.
22. Марченко А., прот. «Хрущевская церковная реформа». Очерки государственно-церковных отношений (1958–1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона). - Пермь: Пермс. гос. ун-т, 2007. – 200 с.
23. Мейендорф Иоанн, протопр. Святейший Патриарх Тихон – служитель единства Церкви // Вестник Ленинградской Духовной Академии. – 1990. - № 3. – С. 30 – 41.
24. Мусаев В.И. Православная Церковь в независимой Финляндии (1918-1930)// Вестник церковной истории. 2007, № 2 (6). С.194-212.
25. Мусаев В.И. Православие в Прибалтике в 1890-1930 гг. СПб., Издательство Политехнического Университета, 2018.- 347.
26. Мусаев В.И. Эстонская диаспора на северо-западе России во второй половине XIX - первой половине XX в. СПб.: Нестор, 2009.

27. Мянник С. К 170-летию совершения богослужений на эстонском языке // Ежемесячная Газета «Мир Православия». Июль 2015 номер 7 (208).
28. Непочатова М.И. Церковно-государственные отношения в Эстонии в 1944 – 1953 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». 2014. № 5 (60). С. 18-33.
29. Непочатова М.И. К истории Пюхтицкого Успенского женского монастыря в 1944 – 1962 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». 2016. № 2 (69). С. 66-79.
30. Непочатова М.И. К истории церковно-государственных отношений в Эстонии в 1948 – 1953 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». 2018. № 81. С. 81-90.
31. Непочатова М.И. Новая монография по истории Православия в Прибалтике. // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». 2017. № 79. С. 147 – 149. - Рец. на кн.: Петров И.В. Православная Балтия 1939 – 1952 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб.: Бумажные книги. 2016. 376 с.
32. Непочатова М.И. Пюхтицкий Успенский женский монастырь в материалах Государственного Архива РФ (ГАРФ) // Материалы международной научно-практической конференции 11-13 декабря 2015 г. «Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность». Куремяэ, Эстония, 2015. С. 217-222.
33. Непочатова М.И. Эстонские преосвященные: жизненный путь и служение (1944-1960). // Материалы международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2016 г. «Православная культура и практика воспитания личности: традиции и современный опыт». Куремяэ, Эстония, 2016. С. 290-295.
34. Непочатова М.И. Судьбы представителей эстонского духовенства в годы антицерковных гонений как пример духовного и нравственного подвига. // Материалы международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2018 г. «Духовно-нравственное воспитание человека: традиции и современность». Куремяэ, Эстония, 2018. С. 304-309.

35. Непочатова М.И. Архипастырь Эстонской земли. Жизнь и служение Патриарха Алексия II. // Журнал Московской Патриархии. 2019. №12. С. 46-55.
36. Обозный К.П. История Псковской православной миссии 1941 -1944 гг. – М.: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2008. – 608 с.
37. Моя малая Родина. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и Эстония. - Автор идеи, текста и составитель Сергей Мянник. Таллин: Издательский отдел Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. 2018.
38. Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945.) – М., 2005. – 540 с.
39. Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945.). - М.: 2005.
40. Одинцов М.И. Государство и Церковь в России: XX век. – М.: Изд-во «Луч», 1994. – 171 с.
41. Одинцов М.И. Крестный путь патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников. (К 50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. – М.: 1994. – № 2. – С. 44 – 80.
42. Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. Судьба Отечества и Церкви на страницах архивных документов. – М.: РГАС, 1999. – 334 с.
43. Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. - М.: Центральный дом духовного наследия, 2002.
44. Одинцов М.И. Русская православная Церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917 – 1953 гг. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002.
45. Патриарх Алексий II. Православие в Эстонии. – М.: «Православная энциклопедия», 1999. – 703 с.

46. Петров И.В. Православная Балтия 1939 – 1953 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. – СПб.: Бумажные книги, 2006. -376 с.
47. Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
48. Православие в Латвии. Исторические очерки.// Сборник статей под редакцией А. В. Гаврилина. Рига, «Филокалия», 2001.- 188 с.
49. Православие в Эстонии. Исследования и документы в 2 т. Т. 1. Исследования // Под ред. Прот. Н. Балашова, С.Л. Кравеца. М.: Православная энциклопедия, 2010. – 320 с.
50. Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь // Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М.: Издательство: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2000. – 656 с.
51. Прекуп И., свящ. Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллин: 1998. – 187 с.
52. Прекуп И., прот. Краткий обзор истории православия в Эстонии (от начала его распространения до преодоления раскола в 1945 году)// «Четвертые Пюхтицкие чтения. «Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность». Материалы международной научно-практической конференции. 11-13 декабря 2015 года. Куремяэ, Эстония. С.14-.
53. Сазонов Д. И. Реформа приходского управления Русской Православной Церкви, принятая на Поместном Соборе 1961 года, и ее последствия.// Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. №1. 2014. С. 69 – 73.
54. Сорокин В., прот. Иоанн Кронштадтский и Пюхтицкий монастырь: неизвестная переписка о. Иоанна Кронштадтского с княгиней Е.Д. Шаховской (URL: <http://www.leushino.ru> (дата обращения 16 сентября 2015 года)
55. Трусман Г. Введение христианства в Лифляндии. СПб., 1884.
56. Трусман Ю. К 900-летию Крещения Руси. Ревель, 1888.
57. Фирсов С. Л. Апостасия. «Атеист Александр Осипов и эпоха гонений на Русскую Православную Церковь». – СПб.: Изд-во «САТИСЪ», 2004. – 288 с.

58. Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. – СПб.: Изд-во СПУ, 1999. – 206 с.
59. Харузин М. Пюхтица – святое место; бытовой очерк из Балтийской действительности, Ревель, 1888. «Православие на островах Даго и Вормс», Ревель. 1888., «Эстляндская святыня», Ревель,
60. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / 2-е изд., перераб. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2006. – 816 с.
61. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917 – 1990. Учебник для православных духовных семинарий – М.: Изд. дом «Хроника», 1994. – 256 с.
62. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. 1917 – 1997. – В 9 т. – Т. 9. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 832 с.
63. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды/ 2-е изд., перераб. - М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006.
64. Чистович И. История православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856.
65. Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958-1964)// Государство и Церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. Отв. ред. А.И. Филимонова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 8-34.
66. Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30 (211). История. Вып. 42. С. 74 – 85.

67. Шкаровский М. Последний год существования Прибалтийского экзархата в период Второй мировой войны. // Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал. Главный редактор: Гаврилин А.В. Рига, 2017. № 6(15). С.11-23.
68. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Издательство Крутицкого подворья, 1999.
69. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943 – 1964 гг. от «перемирия» к новой войне. – СПб., М.: ДЕАА+АДИА, 1995. – 215 с.
70. Шкаровский М. В. Церковь зовет к защите Родины: Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Сатисъ; Держава. 2005. – 620 с.
71. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. - М.: «Православная энциклопедия», 1999. – 703 с.
72. Шкаровский М.В. Русская Церковь и Третий Рейх. - М.: Вече, 2010.
73. Шор Т. Осмотр православных церквей Причудья епископом Нарвским Павлом (Дмитровским) в 1938 – 1939 гг. // Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал. Рига, 2016. № 4 (13) С. 204-215.
74. Торжество в Пюхтице на Святой Горе 13, 14, 15 и 16 августа 1892 года. - Рига, 1892.

Диссертационные исследования

1. Агафонов П.Н. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920 - 1929 гг. На материале Пермской епархии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пермь: 2002. – 259 с.
2. Алексеев В. А. Государственно-церковные отношения: содержание, характер, тенденции эволюции (на материалах Отечественной истории послеоктябрьского (1917 г.), периода) XX века. Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. – М., 1994.

3. Басова Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918 - 1941 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Петрозаводск: 2006. – 269 с.
4. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского Государства в 1943-1948 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1998. – 294 с.
5. Марченко А., прот. Религиозная политика советского государства в 1958-1964 гг. и реакция Русской Православной Церкви на «хрущевские» гонения. Диссертация на соискание ученой степени доктора церковной истории. – М.: 2013. – 420 с.
6. Марченко А., прот. «Хрущевская церковная реформа» и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам Уральского региона (1958-1964 гг.)). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М.: 2008. – 392 с.
7. Маслова И.И. Эволюция вероисповедальной политики советского государства и деятельности Русской Православной Церкви: (1953-1991гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М.: 2005. – 545 с.
8. Федотов А. А. Русская Православная Церковь в 1943 – 2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Иваново, 2009. – 465 с.
9. Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной Церкви при См СССР: 1943-1965 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2011. – 535 с.
10. Шимон И.Я. Отношения Советского государства и Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М.: 1995. – 427 с.
11. Шкаровский М.В. Русская православная церковь и религиозная политика советского государства в 1939 – 1964 годах. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – СПб.: 1996. – 508 с.